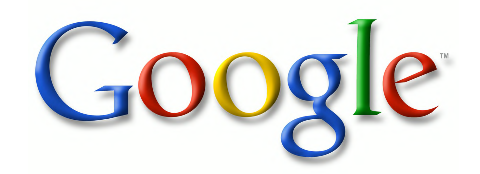
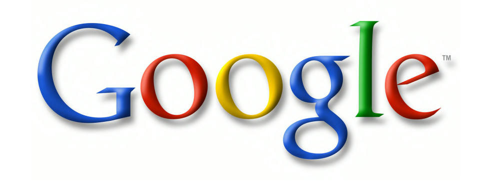
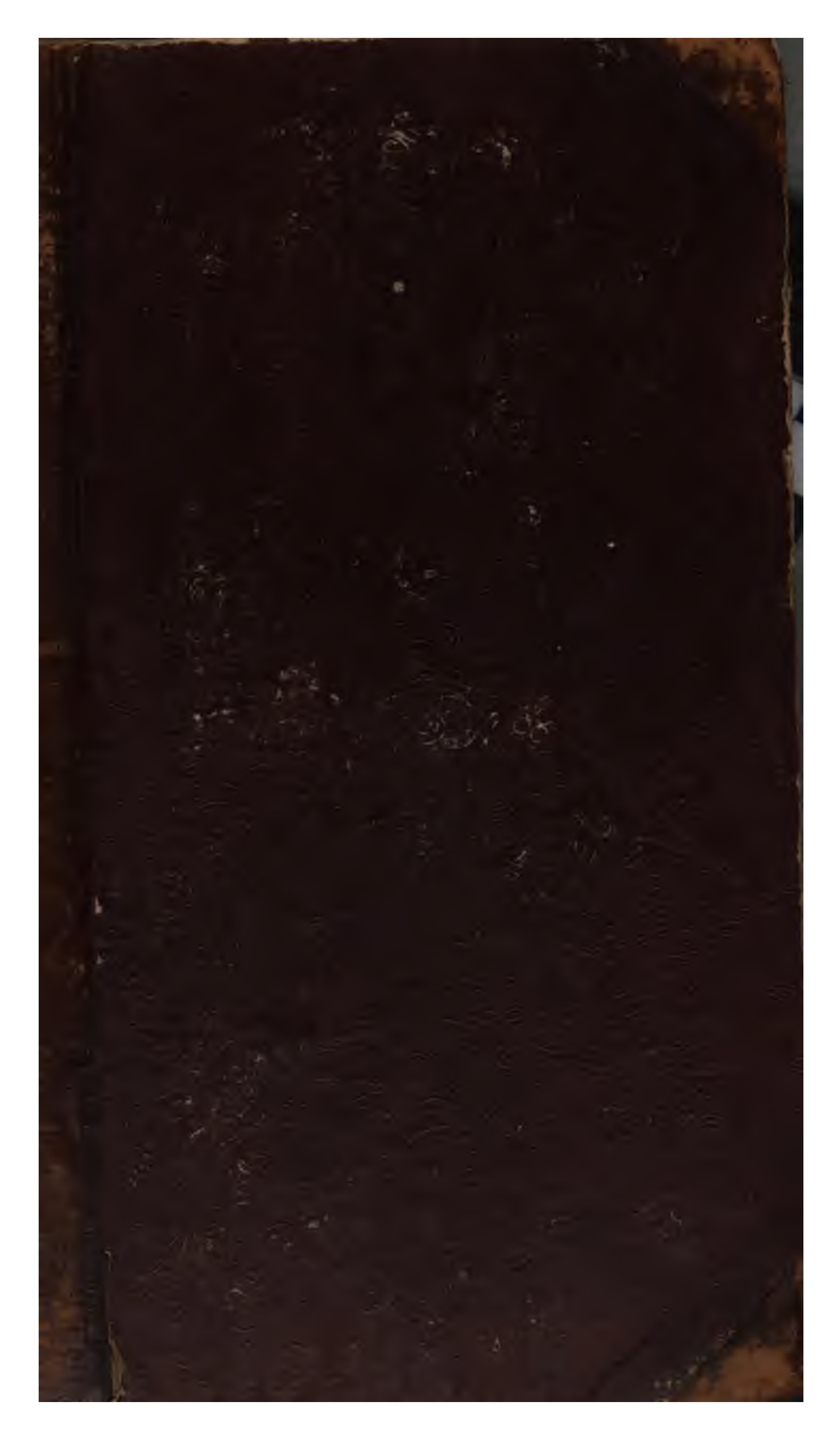
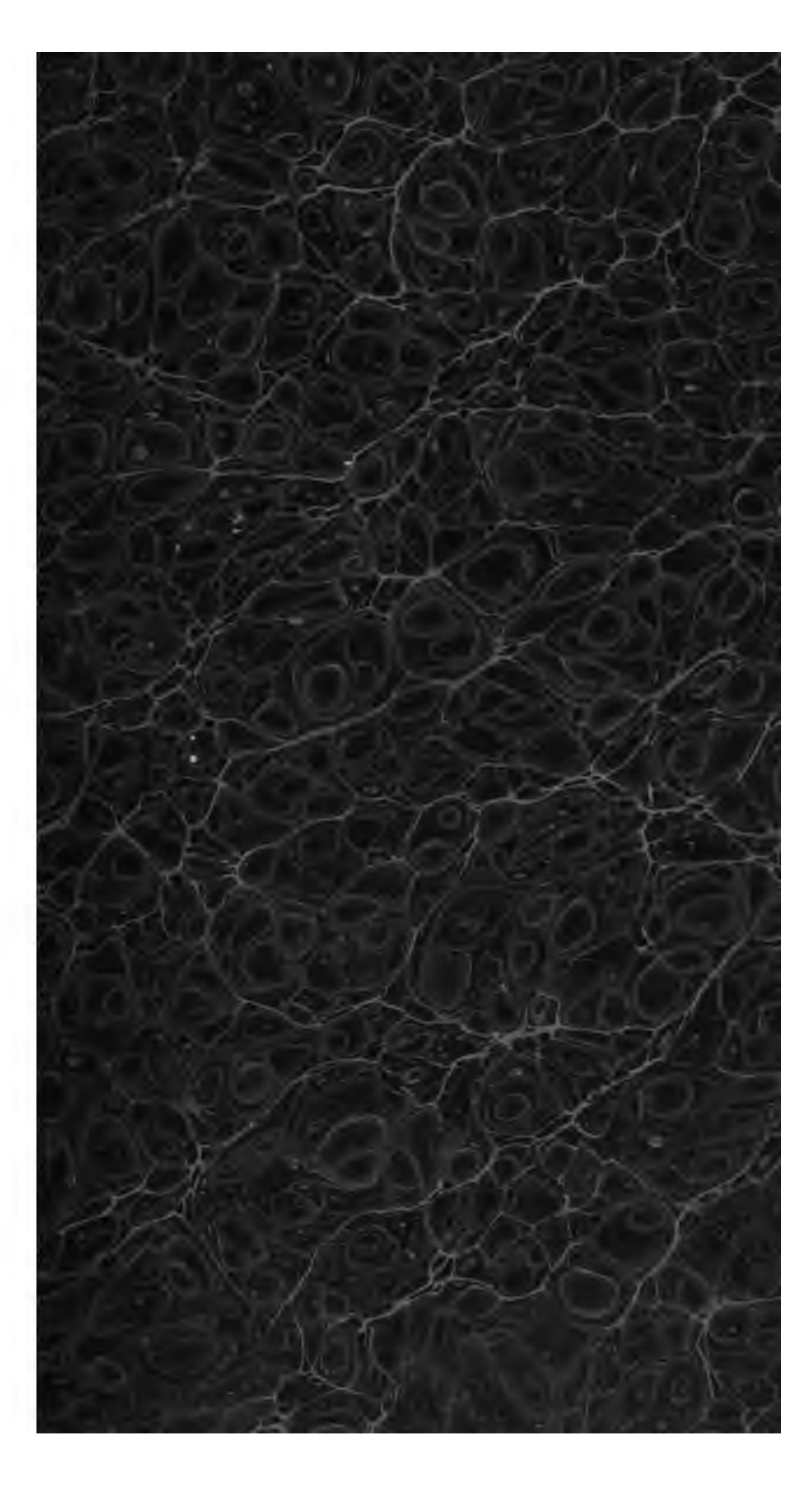

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

vol 3

Bronevskii, V. B.

ЗАПИСКИ

МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина,

отъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе второе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

****

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.
С. Петербургъ 21 Генваря 1836 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ*

1807 годъ.

Содержащій кампанію противу Турокъ въ Архипелагѣ.

Отплытіе флота въ Архипелагъ.

Послѣ продолжительныхъ крѣпкихъ противныхъ вѣтровъ и пасмурныхъ погодъ, 10 Февраля подулъ попутный вѣтръ и эскадра, состоящая изъ кораблей: 1. Твердаго подъ флагомъ Вице-Адмирала, 2. Ратвизана подъ флагомъ Контръ-Адмирала Грейга, 3. Сильнаго, 4. Рафаила, 5. Мощнаго, 6, Скораго, 7. Селафаила, 8. Ярослава, фрегата Венуса и шлюпа Шпицбергена вступила подъ паруса. На эскадру посажено было два баталіона Козловскаго полку, имѣвшихъ подъ ружьемъ 950 солдатъ, Артиллерійстовъ 36, легіона легкихъ стрѣлковъ 270 человѣкъ.

По причинѣ сильнаго вѣтра, корабли снимались одинъ за однимъ, и выходя въ каналъ ложились въ дрейфъ: когда же послѣдній вступилъ подъ паруса, тогда на Твердомъ подняшъ сигналъ: построиться въ походный строй, и несть возможные паруса; поставили брамсели, на ходу вытянулись въ линію, и быстро прошедъ Корфу и Паксо вышли въ море. На другой день вѣтръ нѣсколько стихъ,

но былъ довольно свѣжъ, чтобы удовлетворить обыкновенному нетерпѣнію мореходцевъ, эскадра шла въ двѣ колонны, фрегатъ нашъ для повторенія Адмиральскихъ сигналовъ держался на вѣтрѣ корабля Твердаго.

На разсвѣтѣ 11 числа, Левкадская скала, славная смертію безсмертной Сафы, утопала въ волнахъ. Зантъ, покрытый зеленью, и по справедливости названный Золотымъ островомъ и цвѣткомъ Леванта, шелъ къ намъ на встрѣчу, за нимъ, какъ бы для разительной противуположности, приближались голые Строфадскіе острова, обиталище баснословныхъ Гарпій. Вотъ и Пелопонесъ. Съ крайнимъ любопытствомъ разсматривалъ я всѣ мѣста, которыя мы проходили, ибо они ознаменованы какимъ нибудь происшествіемъ. Здѣсь у Наварина, древняго Пилоса, Аѳиняне одержали побѣду надъ Спартанцами, тамъ Модонъ, прикрытый съ моря островами Кабрерой и Сапіенцой, по имени послѣдняго море названо моремъ премудрости, къ коему однакожъ по причинѣ морскихъ разбойниковъ опасно приближаться купеческимъ судамъ. Отсюда Морейскіе берега кажутся унылыми и неплодородными; въ нѣкоторомъ разстояніи внутри, бѣловатыя голыя горы, *Тайгетъ* называемыя, являютъ пустынной видъ. На нихъ-то, сохранили свою независимость *Майноты*, потомки Спартанъ. Они также суровы, также любятъ вольность, оказываютъ уваженіе старцамъ, поютъ однѣ военныя пѣсни, не страшатся опасностей и

безтрепетно умирают; но что всего важнѣе, когда Магометъ II, щастливый завоеватель Константинополя, не осмѣливался испытать своего щастія противу сихъ храбрыхъ Республиканцевъ, они съ вершинъ своихъ утесовъ наблюдаютъ плавающіе мимо ихъ Россійскіе корабли, и нетерпѣливо ожидаютъ появленія войскъ нашихъ, дабы принять ихъ какъ братьевъ, и вольность свою повергнуть къ стопамъ Россійскаго Монарха.

12 Февраля, когда подошли мы къ мысу Матапану, вѣтръ стихъ, но только для того, чтобы перемѣниться и сдѣлаться опять попутнымъ. Два теченія отъ Дарданелъ и Адріатики встрѣчаясь здѣсь, дѣйствуютъ поперемѣнно то въ ту, то въ другую сторону весьма сильно. При томъ вѣтры отъ запада и востока, протекая обширное пространство моря и отражась отъ горъ, усиливаются; отъ чего здѣсь часто бури бываютъ. По сему-то Греческіе стихотворцы, изобрѣтшіе прекрасныя мечты баснословія, мысъ *Тенарб*, возвеличили рожденіемъ Геркулеса, а теченія сіи, обративъ въ ужасныя пучины, назвали адскими вратами, чрезъ кои провели своего Героя для пойманія пса Цербера.

Я ожидалъ, что Цитера, островъ, гдѣ Венера вышла изъ нѣдръ моря, гдѣ родилась прелестная Елена, долженъ быть наипрекраснѣйшій; думалъ, что природа должна украсить его наилучшею наружностію; воображалъ его романическою очаровательною страною; но ост-

ровъ сей, называемый нынѣ Церигo, представлялъ обманутому взору однѣ безплодныя скалы. Естьли положить, что видъ его не измѣнился противъ прежняго, при началѣ вѣковъ бывшаго, то богиня любви имѣла причину переселиться въ Кипръ; но если древніе поэты полагали красоту болѣе въ душевномъ, внутреннемъ превосходствѣ, то они справедливо почтили Церигo мѣстомъ рожденія богини радостей. Въ самомъ дѣлѣ Церигo, столь безобразный по наружности, внутри подъ кровомъ обнаженныхъ горъ, наполненъ плодоносными долинами и пріятными мѣстоположеніями. Оливныя и цитронныя рощи, благовонные цвѣты и виноградники, орошенные чистыми ручьями, достойны быть мѣстомъ рожденія богини прелестей, и Елены, которой красота была причиною разоренія Трои.

Подходя къ Церигo вѣтръ совершенно стихъ, корабли разнесло теченіями, и мы окружены были какъ нѣкоею волшебною чертою, за которою вѣтръ хотя малый, но пестрилъ море и -суда шли тамъ съ разныхъ сторонъ и разными вѣтрами. Перешедъ же черту, вдругъ останавливались, и ихъ носило вмѣстѣ съ нами. Дабы слухъ о прибытіи нашего флота въ Архипелагъ не прежде могъ распространиться какъ флагъ нашъ явится предъ Константинополемъ, всѣ купеческія суда, шедшія туда, были удержаны при флотѣ.

Наконецъ 12 Февраля къ вечеру слабый вѣтръ подулъ, и крѣпость Церигo, умѣщен-

мал на скалистомъ берегу, съ немногими домами своими и башнями, поплыла на встрѣчу намъ. Прошедъ другую крѣпость Санъ Николо, увидѣли мы множество островов и вступили въ Архипелагъ. Солнце текло къ послѣднимъ предѣламъ горизонта, алая заря румянила небо; но когда солнце закатилось, заря угасла, то чуть колеблемое море освѣтилось луною и блескомъ свѣтлыхъ звѣздъ. Первая ночь, проведенная подъ небомъ Греціи, была пріятнѣйшая. Небесный сводъ, зримый въ морѣ, казалось отдыхалъ на поверхности его, только изрѣдка небольшой вѣтръ, возмущая море, потрясалъ изображеніе небесъ и колебалъ созвѣздія.

На разсвѣтѣ, 13 Февраля, мы были по восточную сторону Мореи близъ мыса Сантъ-Анжело; въ правой сторонѣ простиралась длинная цѣпь Цикладскихъ островов, изъ коихъ одинъ Мило представлялъ, какъ и берега Мореи, яркую зелень; прочіе не иное что суть, какъ голые камни. На Кандіи коническая вершина горы Иды, покрытая снѣгомъ, превышая теченіе облаковъ, въ баснословныя времена конечно могла подать мысль, прославить ее мѣстомъ рожденія Юпитера. Угрюмый видъ горъ, покрывающихъ Кандію, соотвѣтствуетъ нравамъ жителей. Кандійскіе Турки почитаются отважнѣйшими и храбрыми мореходцами; они промышляютъ разбоемъ и подобно Флибустьерамъ нападаютъ на суда абордажемъ.

14-го Февраля показались цвѣтущіе берега Аттики, гдѣ подъ свѣтлымъ небомъ, вмѣстѣ съ вольностію процвѣтали науки и художества, а нынѣ все въ ней измѣнилось, кромѣ развалинъ, славныхъ памятниковъ искуства, тѣже Греки, которые удивляли свѣтъ своими Солонами, Ликургами, Сократами, Периклами и Леонидами, тѣже Греки въ скорбномъ уничиженіи рабства болѣе уже не познаваемы.

15 Февраля, на кораблѣ Твердомъ поднятъ сигналъ пріуготовиться стать на якорь. Ожиданіе, куда насъ поведутъ, и чѣмъ начнутся военныя дѣйствія, занимали каждаго; но обогнувъ восточный мысъ острова Идро, мы весьма мирно бросили якорь между симъ островомъ и матерымъ берегомъ.

Островъ Идро.

Островъ Идро, есть не иное что какъ длинный голый камень, лежащій отъ Аттическаго берега въ 8 верстахъ; не видно на немъ ни одного дерева. Городъ построенъ по крутой скалѣ. Отъ краю берега, гдѣ видна небольшая гавань, до вершины горы, представляется амфитеатръ строеній, разбросанныхъ по косогору. Чистые бѣлые домики, изъ коихъ есть и двуэтажные, съ красными черепичными крышками, восходя по уступамъ выше и выше, издалека кажется занимаютъ все пространство между неба и моря. Множество вѣтренныхъ мѣльницъ, стоя-

щихъ одна подлѣ другой, окружаютъ городъ или лучше составляютъ рамки хорошей картины, помѣщенной не у мѣста въ неопрятномъ домѣ; ибо сія громада красивыхъ строеній дѣлаетъ разительную противуположность, съ голыми унылыми окрестностями.

Идріоты по всей справедливости заслуживаютъ имя лучшихъ, проворнѣйшихъ и отважныхъ матрозовъ. Обитая на безплодной землѣ, они всю жизнь проводятъ на морѣ, торгуютъ чужими произведеніями, и очень любятъ перевозить запрещенные товары, Суда ихъ, строемыя по одному навыку, удивительно какъ легки на ходу, и кажется построены только для контрабандовъ. Не смотря на искуство Европейскаго корабдестроенія, едва ли какой мастеръ, можетъ построить подобное Идріотскому судну. Греческія суда вообще, въ подводной части, чрезвычайно остры, подымаютъ мало груза, и при томъ члены ихъ такъ тонки и слабо скрѣплены, что для большихъ и бурныхъ плаваній, они вовсе неудобны; словомъ всѣ качества мореходнаго судна пожертвованы въ нихъ одному ходу, и въ семъ особенно при умѣренныхъ вѣтрахъ и въ бейдевиндъ не имѣютъ себѣ соперниковъ.

Видъ довольства и изобилія Идріотовъ не показываетъ никакого притѣсненія Турецкаго деспотизма, который неумолкаемо бранятъ всѣ путешественники. На всѣхъ Архипелажскихъ островахъ, гдѣ не живутъ Тур-

ЗАПИСКИ

МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина, отъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе второе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

****

1837.

ЗАПИСКИ

МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина, отъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Изданіе второе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

****

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ 21 Генваря 1836 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*

1807 годъ.

Содержащій кампанію противу Турокъ въ Архипелагѣ.

Отплытіе флота въ Архипелагъ.

Послѣ продолжительныхъ крѣпкихъ противныхъ вѣтровъ и пасмурныхъ погодъ, 10 Февраля подулъ попутный вѣтръ и эскадра, состоящая изъ кораблей: 1. Твердаго подъ флагомъ Вице-Адмирала, 2. Ратвизана подъ флагомъ Контръ-Адмирала Грейга, 3. Сильнаго, 4. Рафаила, 5. Мощнаго, 6, Скораго, 7. Селафаила, 8. Ярослава, фрегата Венуса и шлюпа Шпицбергена вступила подъ паруса. На эскадру посажено было два баталіона Козловскаго полку, имѣвшихъ подъ ружьемъ 950 солдатъ, Артиллерійстовъ 36, легіона легкихъ стрѣлковъ 270 человѣкъ.

По причинѣ сильнаго вѣтра, корабли снимались одинъ за однимъ, и выходя въ каналъ ложились въ дрейфъ: когда же послѣдній вступилъ подъ паруса, тогда на Твердомъ поднятъ сигналъ: построиться въ походный строй, и несть возможные паруса; поставили брамсели, на ходу вытянулись въ линію, и быстро прошедъ Корфу и Паксо вышли въ море. На другой день вѣтръ нѣсколько стихъ,

но былъ довольно свѣжъ, чтобы удовлетворить обыкновенному нетерпѣнію мореходцевъ, эскадра шла въ двѣ колонны, фрегатъ нашъ для повторенія Адмиральскихъ сигналовъ держался на вѣтрѣ корабля Твердаго.

На разсвѣтѣ 11 числа, Левкадская скала, славная смертію безсмертной Сафы, утопала въ волнахъ. Зантъ, покрытый зеленью, и по справедливости названный Золотымъ островомъ и цвѣткомъ Леванта, шелъ къ намъ на встрѣчу, за нимъ, какъбы для разительной противуположности, приближались голые Строфадскіе острова, обиталище баснословныхъ Гарпій. Вотъ и Пелопонесъ. Съ крайнимъ любопытствомъ разсматривалъ я всѣ мѣста, которыя мы проходили, ибо они ознаменованы какимъ нибудь происшествіемъ. Здѣсь у Наварина, древняго Пилоса, Аѳиняне одержали побѣду надъ Спартанцами, тамъ Модонъ, прикрытый съ моря островами Кабрерой и Сапіенцой, по имени послѣдняго море названо моремъ премудрости, къ коему однакожъ по причинѣ морскихъ разбойниковъ опасно приближаться купеческимъ судамъ. Отсюда Морейскіе берега кажутся унылыми и неплодородными; въ нѣкоторомъ разстояніи внутри, бѣловатыя голыя горы, *Тайгетъ* называемыя, являютъ пустынной видъ. На нихъ-то, сохранили свою независимость *Майноты*, потомки Спартанъ. Они также суровы, также любятъ вольность, оказываютъ уваженіе старцамъ, поютъ однѣ военныя пѣсни, не страшатся опасностей и

безтрепетно умираютъ; но что всего важнѣе, когда Магометъ II, щастливый завоеватель Константинополя, не осмѣливался испытать своего щастія противу сихъ храбрыхъ Республиканцевъ, они съ вершинъ своихъ утесовъ наблюдаютъ плавающіе мимо ихъ Россійскіе корабли, и нетерпѣливо ожидаютъ появленія войскъ нашихъ, дабы принять ихъ какъ братьевъ, и вольность свою повергнуть къ стопамъ Россійскаго Монарха.

12 Февраля, когда подошли мы къ мысу Матапану, вѣтръ стихъ, но только для того, чтобы перемѣниться и сдѣлаться опять попутнымъ. Два теченія отъ Дарданелъ и Адріатики встрѣчаясь здѣсь, дѣйствуютъ попеременно то въ ту, то въ другую сторону весьма сильно. При томъ вѣтры отъ запада и востока, протекая обширное пространство моря и отражась отъ горъ, усиливаются; отъ чего здѣсь часто бури бываютъ. По сему-то Греческіе стихотворцы, изобрѣтшіе прекрасныя мечты баснословія, мысъ *Тенаръ*, возвеличили рожденіемъ Геркулеса, а теченія сіи, обративъ въ ужасныя пучины, назвали адскими вратами, чрезъ кои провели своего Героя для поиманія пса Цербера.

Я ожидалъ, что Цитера, островъ, гдѣ Венера вышла изъ нѣдръ моря, гдѣ родилась прелестная Елена, долженъ быть наипрекраснѣйшій; думалъ, что природа должна украсить его наилучшею наружностію; воображалъ его романическою очаровательною страною; но ост-

ровъ сей, называемый нынѣ Цериго, представлялъ обманутому взору однѣ безплодныя скалы. Естьли положить, что видъ его не измѣнился противъ прежняго, при началѣ вѣковъ бывшаго, то богиня любви имѣла причину переселиться въ Кипръ; но если древніе поэты полагали красоту болѣе въ душевномъ, внутреннемъ превосходствѣ, то они справедливо почтили Цериго мѣстомъ рожденія богини радостей. Въ самомъ дѣлѣ Цериго, столь безобразный по наружности, внутри подъ кровомъ обнаженныхъ горъ, наполненъ плодоносными долинами и пріятными мѣстоположеніями. Оливныя и цитронныя рощи, благовонные цвѣты и виноградники, орошенные чистыми ручьями, достойны быть мѣстомъ рожденія богини прелестей, и Елены, которой красота была причиною разоренія Трои.

Подходя къ Цериго вѣтръ совершенно стихъ, корабли разнесло теченіями, и мы окружены были какъ нѣкоею волшебною чертою, за которою вѣтръ хотя малый, но пестрилъ море и суда шли тамъ съ разныхъ сторонъ и разными вѣтрами. Перешедъ же черту, вдругъ останавливались, и ихъ носило вмѣстѣ съ нами. Дабы слухъ о прибытіи нашего флота въ Архипелагъ не прежде могъ распространиться какъ флагъ нашъ явится предъ Константинополемъ, всѣ купеческія суда, шедшія туда, были удержаны при флотѣ.

Наконецъ 12 Февраля къ вечеру слабый вѣтръ подулъ, и крѣпость Цериго, умѣщен-

мал на скалистомъ берегу, съ немногими домами своими и башнями, поплыла на встрѣчу намъ. Прошедъ другую крѣпость Санъ Николо, увидѣли мы множество островов и вступили въ Архипелагъ. Солнце текло къ послѣднимъ предѣламъ горизонта, алая заря румянила небо; но когда солнце закатилось, заря угасла, то чуть колеблемое море освѣтилось луною и блескомъ свѣтлыхъ звѣздъ. Первая ночь, проведенная подъ небомъ Греціи, была пріятнѣйшая. Небесный сводъ, зримый въ морѣ, казалось отдыхалъ на поверхности его, только изрѣдка небольшой вѣтръ, возмущая море, потрясалъ изображеніе небесъ и колебалъ созвѣздія.

На разсвѣтѣ, 13 Февраля, мы были по восточную сторону Мореи близъ мыса Сантъ-Анжело; въ правой сторонѣ простиралась длинная цѣпь Цикладскихъ островов, изъ коихъ одинъ Мило представлялъ, какъ и берега Мореи, яркую зелень; прочіе не иное что суть, какъ голые камни. На Кандіи коническая вершина горы Иды, покрытая снѣгомъ, превышая теченіе облаковъ, въ баснословныя времена конечно могла подать мысль, прославить ее мѣстомъ рожденія Юпитера. Угрюмый видъ горъ, покрывающихъ Кандію, соотвѣтствуетъ нравамъ жителей. Кандійскіе Турки почитаются отважнѣйшими и храбрыми мореходцами; они промышляютъ разбоемъ и подобно Флибустьерамъ нападаютъ на суда абордажемъ.

14-го Февраля показались цвѣтущіе берега Аттики, гдѣ подъ свѣтлымъ небомъ, вмѣстѣ съ вольностію процвѣтали науки и художества, а нынѣ все въ ней измѣнилось, кромѣ развалинъ, славныхъ памятниковъ искуства, тѣже Греки, которые удивляли свѣтъ своими Солонами, Ликургами, Сократами, Периклами и Леонидами, тѣже Греки въ скорбномъ уничиженіи рабства болѣе уже не познаваемы.

15 Февраля, на кораблѣ Твердомъ поднятъ сигналъ пріуготовиться стать на якорь. Ожиданіе, куда насъ поведутъ, и чѣмъ начнутся военныя дѣйствія, занимали каждаго; но обогнувъ восточный мысъ острова Идро, мы весьма мирно бросили якорь между симъ островомъ и матерымъ берегомъ.

Островъ Идро.

Островъ Идро, есть не иное что какъ длинный голый камень, лежащій отъ Аттическаго берега въ 8 верстахъ; не видно на немъ ни одного дерева. Городъ построенъ по крутой скалѣ. Отъ краю берега, гдѣ видна небольшая гавань, до вершины горы, представляется амфитеатръ строеній, разбросанныхъ по косогору. Чистые бѣлые домики, изъ коихъ есть и двуэтажные, съ красными черепичными крышками, восходя по уступамъ выше и выше, издалека кажется занимаютъ все пространство между неба и моря. Множество вѣтренныхъ мѣльницъ, стоя-

щихъ одна подлѣ другой, окружаютъ городъ или лучше составляютъ рамки хорошей картины, помѣщенной не у мѣста въ неопрятномъ домѣ; ибо сія громада красивыхъ строеній дѣлаетъ разительную противуположность, съ голыми унылыми окрестностями.

Идріоты по всей справедливости заслуживаютъ имя лучшихъ, проворнѣйшихъ и отважныхъ матрозовъ. Обитая на безплодной землѣ, они всю жизнь проводятъ на морѣ, торгуютъ чужими произведеніями, и очень любятъ перевозить запрещенные товары, Суда ихъ, строемыя по одному навыку, удивительно какъ легки на ходу, и кажется построены только для контрабандовъ. Не смотря на искуство Европейскаго кораблестроенія, едва ли какой мастеръ, можетъ построить подобное Идріотскому судну. Греческія суда вообще, въ подводной части, чрезвычайно остры, подымаютъ мало груза, и при томъ члены ихъ такъ тонки и слабо скрѣплены, что для большихъ и бурныхъ плаваній, они вовсе неудобны; словомъ всѣ качества мореходнаго судна пожертвованы въ нихъ одному ходу, и въ семъ особенно при умѣренныхъ вѣтрахъ и въ бейдевиндъ не имѣютъ себѣ соперниковъ.

Видъ довольства и изобилія Идріотовъ не показываетъ никакого притѣсненія Турецкаго деспотизма, который неумолкаемо бранятъ всѣ путешественники. На всѣхъ Архипелажскихъ островахъ, гдѣ не живутъ Тур-

ки, жители управляются сами собою, и заплативъ годовую подать, весьма умѣренную, пользуются всею возможною свободою и даже такою, что можно смѣло сказать, ни подъ какимъ другимъ самымъ кроткимъ правленіемъ, не льзя имѣть равной. Въ правилахъ торговли Идріотовъ замѣчательно то, что каждый матрозъ и даже мальчикъ, служитъ безъ жалованья, но по мѣсту, имъ занимаемому, получаетъ извѣстную часть въ грузѣ; иногда же матрозы складываются, строятъ судно, выбираютъ Капитана, и на общій капиталъ покупаютъ грузъ. Такимъ образомъ имѣя въ кораблѣ или грузѣ свою собственность, и будучи большею частію ближайшіе родственники, въ барышахъ и убыткахъ каждый равное принимаетъ участіе, отъ чего и должность исполняется съ большимъ рвеніемъ. Суда ихъ вооружены пушками и Варварійцы никогда не осмѣливаются нападать на нихъ.

Прибытіе Россійскаго флота въ Архипелагъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ. Начальники острововъ Идро, Специи и другихъ ближайшихъ, съ восторгомъ и рѣдкою готовностію предложили свои услуги (*). По взятіи Тенедоса, со всѣхъ прочихъ островов,

(*) Отъ островов Идро и Специи, на третій день прибытія нашего, 5 судовъ вооруженныхъ отъ 18 до 26 пушекъ присоединились ко флоту.

назависимые Майноты, Суліоты, а потомъ жители Мореи и древней Аттики, предложили собрать корпусъ войскъ, словомъ вся Греція воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться отъ ига неволи; но Адмиралъ, дѣйствуя осторожно, отклонилъ сіе усердіе до времени, и даже Турокъ, поселившихся въ Архипелагѣ, которые малымъ числомъ своимъ не могли вредить Грекамъ, оставилъ покойными и симъ избавилъ Христіанъ отъ ужаснаго мщенія ихъ жестокихъ властителей. Въ прокламаціи, изданной въ Идро, жители Архипелага объявлены принятыми подъ особое покровительство Всероссійскаго Императора, а порты на матеромъ берегу, равно и острова Кандія, Негропонтъ, Метелинъ, Хіо, Лемносъ, Родосъ и Кипръ, занятые Турецкими гарнизонами, признаны непріятельскими; для отличенія же Христіанскихъ судовъ отъ Турецкихъ, опредѣлено выдать онымъ новые Патенты на Іерусалимской флагъ, подъ которымъ, по соглашенію съ Англинскимъ Правительствомъ, могли они пользоваться торговлею съ союзными державами. За тѣмъ Греки освобождены были отъ всякой повинности, кромѣ того, что они по собственному ихъ вызову, и на ихъ содержаніи, съ 20 прекрасно вооруженными судами отъ 10 до 26 пушекъ, присоединились ко флоту и отправляли военную службу съ усердіемъ и ревностію. Такимъ образомъ при появленіи флота, Архипелагъ сдѣлался достояніемъ Россіи, и

флагъ нашъ не съ кровопролитіемъ и смертію, но съ радостію и благословеніемъ отъ жителей встрѣченъ былъ. Множество корсеровъ вышли подъ нимъ для крейсерства, и не только въ Архипелагѣ, но и на всемъ пространствѣ отъ Египта, до Венеціи, развѣвалъ Россійскій флагъ. Варварійцы, узнавъ о столь грозномъ вооруженіи, отказались отъ союза съ Турціею, и нашъ купеческій флагъ на Средиземномъ морѣ безъ постыдной подати былъ ими уважаемъ.

Соединение съ Англинскимъ флотомъ.

Сильный противный вѣтръ, продолжавшійся четверо сутокъ, удержалъ эскадру у Идро, въ которое время корабли налились свѣжею водою на Аѳинскомъ берегу; наконецъ 21-го Февраля при попутномъ маловѣтріи снялись съ якоря. Ночь была тиха, паруса чуть наполнялись, и корабли подвергались сильному теченію Еврипской пучины, находящейся между Негропонтомъ и Ливадіею, но къ свѣту, когда эскадра миновала островъ Андро, вѣтръ посвѣжѣлъ. Заря занималась у насъ въ правой рукѣ, въ лѣвой къ югу отъ Негропонта простиралась длинная цѣпь островов, коихъ зеленыя вершины, утопая въ морѣ, заливались колеблющимися волнами. Въ полдень вѣтръ стихъ; но къ вечеру сдѣлался опять свѣжій,

и обрадовалъ насъ воображеніемъ, что скоро достигнемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ надѣемся вложить въ уста славы новую трубу для возвѣщенія о нашихъ дѣяніяхъ. Пушечные выстрѣлы, раздавшіеся въ чистомъ воздухѣ, возвѣстили намъ повелѣнія Адмирала, исправить ордеръ, сомкнуть линію и нести возможные паруса. Корабли не уступали въ ходу одинъ другому. На всей линіи, какъ бы по взаимному согласію, раздались звуки музыки и веселыя пѣсни съ бубнами и барабанами; въ ночь прошли большее разстояніе, а утромъ 23-го Февраля обсерваціонный корабль Селафаилъ, посланный впередъ для открытія непріятеля, увѣдомилъ сигналомъ, что видитъ флотъ изъ 12 кораблей состоящій; ему отвѣтствовано вопросительнымъ, какой націи? Съ Селафаила отвѣчали, „по не имѣнію флаговъ не извѣстно." Тогда на Твердомъ подняты сигналы, построить ордеръ баталіи, заднимъ прибавить парусовъ и приготовиться къ сраженію. Подходя къ острову Тенедосу, увидѣли мы военный корабль, а ближе къ Дарданелламъ цѣлый флотъ. На опознательный сигналъ, оный корабль отвѣчалъ поднятіемъ Английскаго флага, потомъ снялся съ якоря и пошелъ вмѣстѣ съ нами. Когда открылась крѣпость Тенедосъ, то на Адмиральскомъ кораблѣ сдѣланъ сигналъ изготовить десантъ для штурму. Адмиралъ повелъ флотъ мимо крѣпости на картечный выстрѣлъ; свернутый сигналъ

начать бой виденъ былъ на стенгѣ его корабля; мы смотрѣли во всѣ глаза, когда оный будетъ развернутъ, ожидали того съ нетерпѣніемъ, но обманулись; Адмиралъ Сенявинъ думалъ иначе; проходя мимо, онъ не считалъ полезнымъ убить нѣсколько человѣкъ безъ цѣли, а потому ожидалъ перваго выстрѣла съ крѣпости. Турецкій Комендантъ, не смотря на желаніе своихъ Янычаръ, также не хотѣлъ начать сраженія первый, и къ немалому удивленію нашему Флотъ прошелъ мирно. Великодушный Турка даже не сдѣлалъ ни одного выстрѣла по послѣднему кораблю нашей линіи тогда, когда оный не могъ уже вредить крѣпости. Эскадра наша бросила якорь подлѣ Англинской, состоящей изъ двухъ 3хъ дечныхъ, пяти 2хъ дечныхъ кораблей, 4хъ фрегатовъ, 2хъ бомбандирскихъ и брига, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дукворта.

Тутъ узнали мы о дѣйствіи Англинской эскадры противу Константинополя. Вице-Адмиралъ Дуквортъ 7го Февраля, дождавшись крѣпкаго попутнаго вѣтра, съ 7ю кораблями, 2мя фрегатами и 2мя бомбандирскими судами, пустился въ Дарданеллы. Турки не были еще въ готовностя, и хотя палили съ нѣкоторыхъ батарей; но не сдѣлали Англичанамъ никакого почти вреда. У Пескисъ или Нагара-бурну, послѣдней батареи на Азіятской сторонѣ, стояла Турецкая эскадра, состоящая изъ одного 64хъ пушечнаго корабля, 4 фрегатовъ, 4 корветъ и 3 канонирскихъ ло-

докъ. Англичане безъ сопротивленія взяли одну корвету и лодку, корабль сожгли сами Турки, а прочія суда бѣжали въ Константинополь. 9 го Февраля Дукворть достигъ Константинополя, и 9 дней потомъ имѣлъ всегда штиль или противное маловѣтріе. Между тѣмъ Константинополь и Дарданеллы сильно укрѣпили. Набережная уставлена была болѣе 200 пушекъ, корабли и фрегаты подлѣ берега поставлены были такъ, что во всякомъ пунктѣ нападающіе Англинскіе корабли были бы подвержены выстрѣламъ съ трехъ сторонъ. Бомбардированіе не могло также устрашить Султана; ибо Константинопольскіе жители такъ привыкли къ пожарамъ, что если бы сгорѣло и 100,000 домовъ, то это не принудило бы столицу, населенную милліономъ, просить мира. Извѣстно, что въ Константинополѣ домы строятся изъ тонкаго лѣса, не украшаются дорогою мебелью, и какъ во всякое время года можно жить здѣсь на открытомъ воздухѣ, то при пожарахъ, Турки, вынесши чересъ съ деньгами, шубу и коверъ, составляющія всю ихъ роскошь, не думаютъ гасить своего дома. По симъ причинамъ Англинскій Адмиралъ не могши вступить въ переговоры, и ничего не сдѣлавъ, за лучшее призналъ удалиться отъ Константинополя. 19 го февраля проходя обратно Дарданелы, Турки открыли огонь со всѣхъ батарей, ядра, особенно мраморныя, имѣющія аршинъ въ поперечникѣ (28 дюймовъ), пробивали корабли

на вылетъ сквозь оба борта, одно такое ядро, на кораблѣ *Виндзорб-Кестль* вырвало болѣе 3хъ четвертей діаметра гротъ мачты. Корабль *Помпей*, на коемъ былъ флагъ Сиднея Смита, получилъ каменное ядро въ бархоутъ, которымъ сдѣлало столь чрезвычайной проломъ, и столько вдавило и разслабило члены, что корабль неминуемо бы утонулъ, еслибъ ядро попало на одинъ футъ ниже. Леггъ Капитанъ корабля *Репольсб*, за два мѣсяца предъ симъ, бывъ въ Константинополѣ, и въ сопровожденіи Капитана-Паши осматривая Арсеналъ въ Топханѣ удивлялся величинѣ мраморныхъ ядеръ, и на вопросъ Паши отвѣчалъ, что по мнѣнію его; такія ядра годятся только для украшенія воротъ.“ Не желаю, возразилъ Сеидъ-Али, чтобы мы имѣли когда либо съ вами дѣло; еслиже случится сіе, то вы увидите, какой вредъ они могутъ причинять. При обратномъ возвращеніи чрезъ Дарданеллы, мраморное ядро попало въ Капитанскую каюту Репольсъ, пробило оба борта на сквозь и сдѣлало въ оныхъ такой проломъ, что два юнга могли въ оной вмѣстѣ пролезать. Два фрегата такъ раздроблены были въ корпусѣ, что не могли болѣе быть въ открытомъ морѣ. Потеря въ людяхъ также была значительна, оная простиралась до 600 убитыхъ и раненыхъ. Сею безполезною экспедиціею, Англичане имѣли въ виду предостеречь Турокъ отъ насъ, открыть

имъ глаза; и увѣрить, что Дарданелы ихъ не непроходимы.

Не взирая на всѣ сіи невозможности, Вице-Адмиралъ Сенявинъ, по точному повелѣнію Государя Императора, идти по полученіи помощи отъ Англичанъ, съ большею частію флота къ Константинополю, дабы силою принудить Диванъ подписать миръ, предложилъ Дукворту вторично атаковать сію столицу общими силами; но Англинскій Адмиралъ представлялъ, что и съ 50-ю кораблями едва ли можно въ чемъ нибудь успѣть. Сенявинъ двое сутокъ упрашивалъ его всевозможно. Славный Сидней Смитъ и храбрые Англинскіе Капитаны, называемые у нихъ огне-ѣдами (Fire-Eaters) соглашались, что бы еще разъ испытать; но Дукворть рѣшительно и письменно отъ сего отказался. Мы сначала удивлялись, что понудило Англинскаго Адмирала, не дождавшись нашей эскадры, идти съ малою силою къ столицѣ, но недоумѣніе наше еще болѣе увеличилось, когда на представленіе Сенявина оставить для подкрѣпленія нашего флота 2 корабля и 2 бомбандирскихъ судна, Дукворть 1-го Марта объявилъ, что онъ имѣетъ другое назначеніе, снялся, ушелъ и оставилъ насъ однихъ. Послѣ сего Адмиралъ пригласилъ Капитановъ на совѣтъ и сообразивъ настоящія обстоятельства, положилъ взять Тенедосъ, и содержать Константинополь въ тѣсной блокадѣ. Богъ намъ помогъ, мы имѣли во всемъ успѣхъ, а

Англичане вмѣсто того, чтобы быть съ нами вмѣстѣ у Дарданелъ и освободить Данцигъ отъ осады, повезли войска свои въ другую сторону и какъ въ Буеносъ-Айресѣ, такъ и въ Египтѣ разбиты были и ни въ чемъ успѣха не имѣли.

Взятіе Тенедоса.

Въ тотъже самый день, какъ Англинская эскадра ушла отъ насъ, Контръ-Адмиралъ Грейгъ съ кораблями Ретвизаномъ, Рафаиломъ и фрегатомъ Венусомъ отряженъ былъ къ острову Тенедосу, съ предложеніемъ Турецкому начальнику сдать крѣпость. Послѣ учтивыхъ сношеній, 3-го Марта, Паша рѣшительно отвѣчалъ, что будетъ защищаться до невозможности. 4-го и 5-го числъ дулъ сильный вѣтръ, а 6-го Адмиралъ оставилъ для наблюденія непріятельскихъ движеній предъ Дарданеллами корабли Скорой и Селафаилъ, съ остальными пришелъ къ Тенедосу. 7-го сдѣланы были распоряженія для высадки. 8-го Марта ночью корабли заняли назначенныя имъ мѣста. Съ разсвѣтомъ Мощный, Венусъ, и Корсеръ начали дѣйствовать изъ пушекъ по Турецкимъ пикетамъ, которые и оставили берегъ. Крѣпость открыла огонь по Рафаилу; корабль отвѣтствовалъ съ совершенною исправностію, такъ что рѣдкое ядро не причиняло вреда непріятелю. Тотчасъ повезли десантъ; 160 Албанцевъ и нѣсколько Идріотовъ

съ Корсера сбили Турецкіе передовые посты, и тѣмъ очистили мѣсто регулярнымъ войскамъ, которыя во всемъ порядкѣ вышли на берегъ, устроились, раздѣлились въ двѣ колонны и пошли впередъ. Первая колонна изъ 900 человѣкъ Козловскаго полку, подъ командою Полковника Падейскаго, съ 4-ю полевыми орудіями пошла въ лѣво горами, а вторая изъ 600 солдатъ 2-го Морскаго полку, подъ командою Полковника Буаселя, съ 4-ю пушками и 6-ю фалконетами въ право по морскому берегу. Албанскіе стрѣлки съ охотниками регулярныхъ войскъ и матрозовъ наступали, дрались впереди колоннъ. Турки отступали по мѣрѣ наступленія. Контръ - Адмиралъ Грейгъ находился при первой колоннѣ. Главнокомандующій располагалъ всѣми движеніями при второй.

Колонна Буаселя, прибывъ къ шанцамъ, атаковала засѣвшихъ тамъ Турокъ Стрѣлками; легкія орудія, управляемыя морскими Офицерами, отважно подвезены были на картечный выстрѣлъ и съ отмѣнною удачею дѣйствовали противъ непріятеля. Маіоръ Гедеоновъ, отряженный отъ первой колонны, прогналъ Турокъ съ горы, господствующей отъ сѣверной стороны надъ городомъ. Полковникъ Падейской, устроивъ свою колонну подъ выстрѣлами крѣпости, съ словомъ ура! на штыкахъ ворвался прямо въ предмѣстіе; 2-я колонна въ тоже время штурмовала ретраншементъ, и по упорномъ сопротивленіи овладѣла онымъ, отнявъ у непріятеля 5 знаменъ.

Турки бросились въ крѣпость. Первая колонна, выгнавъ непріятеля изъ города, встрѣтила бѣгущихъ изъ ретраншемента залпомъ, тутъ подоспѣли 2 пушки, и Турки, стѣснившись на площади и на мосту, кидались въ ровъ; солдаты обѣихъ колоннъ, поражая штыками, гнали непріятеля съ площади до самыхъ воротъ. Въ самое сіе время отрядъ отъ второй колонны взялъ штурмомъ маленькую крѣпостцу съ 7-ю пушками. МичманъСалморанъ поднялъ на оной Императорской флагъ. Непріятель заключился въ главную крѣпость; по оной немедленно открыли пальбу изъ полевыхъ орудій и изъ малой крѣпостцы, сраженіе симъ кончилось, но перестрѣлка съ крѣпости и въ предмѣстіи еще продолжалась. Турки въ домахъ защищались упорно; Греки же, съ семействами своими скрывшіеся въ своей части города, съ довѣренностію вышли, и отведены въ безопасное мѣсто; скоро и Турки потребовали пощады, и имъ не отказано было въ возможной помощи. Для Гречанокъ поставлены были палатки, и караулъ, дабы не допускать до нихъ любопытныхъ. Три Турчанки, попавшіяся въ плѣнъ, отвезены на Адмиральскій корабль, и сіе вниманіе, какъ увидимъ въ послѣдствіи, принудило Турокъ скорѣе сдаться.

Въ тотъже день начали строить 4 батареи, каждую о 4 пушкахъ съ тѣмъ, что бы оными и двумя кораблями атаковать крѣпость. Къ вечеру съ крѣпости почти пере-

стали палить, а наши войска расположились вокругъ города, которой ночью Турки зажгли, дабы очистить крѣпость и избавиться отъ вреда, нашими Стрѣлками имъ наносимаго. 9-го числа Адмиралъ предложилъ капитуляцію, съ условіемъ на честное слово отпустить Турокъ съ ихъ имуществомъ на Анатольскій берегъ; на что они и согласились. Письмо въ крѣпость носила одна изъ плѣнныхъ Турчанокъ.

10-го Марта гарнизонъ въ числѣ 1.200 человѣкъ и до 400 женщинъ и дѣтей немедленно были перевезены на Анатольскій берегъ, а войска вступивъ въ крѣпость подняли на оной Россійскій флагъ. Греки приступили къ потушенію пожара и съ великимъ равнодушіемъ перенесли сіе нещастіе, будучи обрадованы тѣмъ, что они избавились Турокъ, которыхъ домы, оставшіеся неповрежденными, провіантъ и провизія, полученные въ добычу, розданы жителямъ потерпѣвшимъ разореніе.

Въ семъ дѣлѣ убито съ нашей стороны Албанцевъ 2, ранено: Офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ солдатъ и матрозъ 73, да на кораблѣ Рафаилѣ убито матрозовъ 2, ранено: Гардемаринъ 1, матрозовъ 6; всего убито 4, ранено 86, Турокъ убито и ранено около 400 человѣкъ. Въ обѣихъ крѣпостяхъ взято пушекъ 79; въ томъ числѣ 48 мѣдныхъ, сверхъ оныхъ 3 мортиры и довольное количество снарядовъ.

Пріобрѣтеніемъ острова Тенедоса, эскадра обезпечена была въ главнѣйшей потребности прѣсной воды и доставлено оной удобное пристанище, которое, находясь отъ Дарданелъ въ 25 верстахъ, дало возможность наблюдать проливъ, и лишить Константинополь сообщенія съ Архипелагомъ.

Описаніе острова Тенедоса.

Островъ сей былъ сборнымъ мѣстомъ Грековъ, осаждавшихъ Трою, и какъ повѣствуетъ Виргилій, мѣстомъ, куда удалились Греки, дабы оставить Троянцевъ въ пагубной безопасности. Часть воротъ, нѣсколько торчащихъ колоннъ и высокія кучи камней, видимые съ кораблей нашихъ, составляютъ бѣдные остатки столицы Иліона. Конечно сіи развалины не принадлежатъ къ древней Трои, ниже къ той Троадѣ, которая Александромъ Македонскимъ построена была на могилѣ Ахиллесовой; но вѣроятно суть остатки Трои, возобновленной уже въ позднѣйшія времена. Однакожъ нѣкоторые путешественики съ помощію воображенія, нашли тутъ часть дворца Пріамова, а три кургана, видимые близъ развалинъ, назвали Ахиллесовою, Патрокловою и Аяксовою гробницами. По причинѣ, что Турецкій 20000 корпусъ стоялъ лагеремъ близъ развалинъ, не можно было осмотрѣть ихъ, но я часто и съ удовольствіемъ любовался прекраснымъ положеніемъ окрестностей. Об-

ширная равнина, распещренная многими деревнями, тщательно обработана и примыкаетъ къ зеленымъ хребтамъ Идалійскихъ горъ, между коими выше всѣхъ стоитъ славный Олимпъ.

Островъ Тенедосъ, длиною 18, шириною 12 верстъ, имѣетъ почти круглый образъ. Изключая три горы, въ сѣверной части лежащихъ, прочая поверхность его плоска. Взошедъ на Торо, гору болѣе другихъ возвышенную, гдѣ устроенъ былъ телеграфъ, весь островъ съ городомъ, крѣпостью и гаванью видѣнъ кругомъ какъ на чертежѣ; почему Турки и называютъ его *книжка* островъ. Кромѣ небольшаго дубоваго и плодовитаго лѣса на югозападной, и нѣсколько пашенъ и луговъ на западной и сѣверной сторонѣ, весь островъ покрытъ виноградными садами, кои даютъ славное Тенедоское вино, вкусомъ и крѣпостію неуступающее портвейну.

Городъ не великъ; улицы въ немъ узки и кривы. На трехъ площадяхъ и во многихъ домахъ есть водометы съ прекраснѣйшею водою. Турки могутъ похвалиться однимъ только искуствомъ проводить и имѣть всегда хорошую воду. Водоемы въ городѣ, водопроводы въ виноградныхъ садахъ, показываютъ, что Турки довольно знающи въ семъ родѣ строеній. Греческая часть города, лежащая на сѣверъ, имѣетъ плохіе каменные домы съ подвалами для вина. Осматривая Греческій монастырь, признаюсь, пожалѣлъ я о нынѣшнихъ

Грекахъ, видя дурныя строенія, бѣдность и униженіе ихъ духа; тщетно предавался я великолѣпнымъ мечтаніямъ о славѣ ихъ предковъ. Смотря на все, Греческимъ нынѣ называемое, всѣ прелести воспоминаній изчезаютъ и горестная истинна ясно показываетъ нещастіе тѣхъ, кои съ гордостію всѣхъ, не носящихъ имя Грека, нѣкогда именовали варварами! Турецкая часть города съ прекрасными мечетями и минаретами, украшенными позлащенною луною, не могутъ не понравиться тому, кто ихъ въ первой разъ увидитъ. Смѣсь Греческаго и Арабскаго зодчества, витыя колонны, множество весьма не совершенной рѣзьбы, какая то странная, но пріятная несоразмѣрность и разнообразіе бросаются въ глаза. Турецкіе домы имѣютъ верхній этажъ сдѣланный изъ тонкихъ досокъ, съ окнами обращенными на дворъ, и цѣлыя улицы состоятъ изъ однихъ только высокихъ заборовъ. Здѣшніе Греки, столь долго жившие съ Турками, приняли ихъ обыкновенія, носятъ чалмы и кажется мыслятъ подобно чалмоносцамъ. Съ начала нашего здѣсь пребыванія Гречанки не показывались на улицахъ, все ихъ удовольствіе состояло въ томъ, чтобы ввечеру выдти на террасъ своего дома, и закрыться шалью такъ, чтобы никто не могъ видѣть ихъ лица, но въ короткое время они ознакомились и съ нашими обыкновеніями. Сперва хотя и удушали себя покрывалами, но стали, оставляя одни только глаза не закрытыми, выходить на про-

гулку, *потомъ* сидѣли на террасахъ нѣсколько открывши лицо, *потомъ*, когда увидѣли, что это нашимъ Офицерамъ нравится или можетъ и услышали похвалу красотѣ своей, уже безъ робости занимались рукодѣльемъ у открытыхъ оконъ; а гдѣ ихъ не было, тамъ ихъ пробили, и *потомъ* скоро сбросили покрывала, нарядились, стали выходить всюду и городъ оживился.

Кладбища Турокъ и Христіанъ представляютъ печальную противуположность. Первое, осѣненное кипарисами, прохлаждаемое журчащимъ водоемомъ, украшается надгробными памятниками въ видѣ гробницъ, пирамидъ, а большею частію мраморныхъ столбовъ, увѣнчанныхъ грубо изсѣченными чалмами, изъ коихъ на тѣхъ, кои умерли насильственною смертію, надписано: по повелѣнію какого Султана они были казнены. Турки убитаго по волѣ Монарха не почитаютъ преступникомъ, ниже приписываютъ какое либо безчестіе его дѣтямъ, но чтутъ память его какъ мученика!.... Христіянское же кладбище, вмѣсто надгробныхъ камней, между дикой травы покрыто изсохшими костями и черепами. Нѣтъ ничего грустнѣе, какъ сравненіе сихъ двухъ кладбищъ, гдѣ даже въ равенствѣ смерти замѣчается отличіе между властителемъ и рабомъ.

Сохранившаяся отъ пожара Турецкая баня заслуживаетъ особенное вниманіе. Оная нагрѣвается съ низу, такъ что теплота одной комнаты бываетъ болѣе или менѣе дру-

гой, по мѣрѣ удаленія отъ печи. Каждыя пять залъ покрыты стеклянным куполомъ, а въ стѣнахъ нѣтъ ни одного окна. Внутри полъ и стѣны выложены бѣлымъ мраморомъ. Въ первой залѣ, и въ нѣсколькихъ особенныхъ малыхъ покойцахъ раздѣваются. Во второй по срединѣ поставленъ водоемъ холодной воды. Въ третей, въ вазы безпрестанно струится чистая холодная вода, а чрезъ кранъ получается горячая. Въ послѣднихъ залахъ, гдѣ полъ очень горячь и воздухъ довольно жарокъ, сдѣланы низкія мраморныя полки, на коихъ Греки, не хуже нашихъ парильщиковъ, умѣютъ мыть и выправить кости, посредствомъ жестокаго тренія кускомъ грубаго стамеда или кокой-то травы. Турки по закону обязаны часто мыться, и ничего не жалѣютъ для украшенія бань, сдѣлавшихся для женщинъ театромъ роскоши и щегольства; это одно удовольствіе, которое имъ предоставлено, и онѣ умѣютъ имъ пользоваться. Турчанки, идучи въ баню, наряжаются какъ можно лучше, проводятъ въ нихъ по цѣлымъ днямъ, и сіи собранія между женщинами, лишенными всякаго удовольствія, конечно могутъ почесться нѣкоторою отрадою; ибо въ баняхъ только, хотя предъ особами своего пола, могутъ похвалятся своею красотою, смѣяться, пѣть и играть безъ запрещенія.

Крѣпость Тенедосская построена Генуезцами; она четвероугольная, имѣетъ цитадель съ башнею, находящеюся въ стѣнахъ главнаго

вала, отдѣляется отъ города сухимъ рвомъ и небольшою площадью, брустверъ низокъ, стѣны ветхи, нѣтъ казематовъ отъ бомбъ, никакого строенія для гарнизона и одинъ только пороховой погребъ. Крѣпость, находясь у моря и подъ горою, во время осады съ моря или съ сухаго пути не можетъ долго выдерживать оной; ибо навѣсные съ горы выстрѣлы, даже и ружейные могутъ перебить всѣхъ людей, и съ сей стороны крѣпость совершенно открыта и беззащитна. Пушки также неисправны; нѣкоторыя подобныя Дарданельскимъ стрѣляютъ мраморными ядрами или заряжаются мѣшкомъ каменьевъ. Малый редутъ защищаетъ съ южной стороны гавань, въ которой помѣститься можетъ до 20 малыхъ судовъ. Проливъ между островомъ и Анатольскимъ берегомъ, имѣя глубину отъ 9 до 12 сажень, грунтъ вездѣ илъ, составляетъ хотя открытый, но хорошій рейдъ.

Плаваніе до Солоники и обратно въ Тенедосъ.

По взятіи Тенедоса, Турецкая эскадра, состоящая изъ 8 кораблей, 6 фрегатовъ и 50 лансоновъ и канонерскихъ лодокъ, спустилась къ устью Дарданелъ. Главнокомандующій, желая уменьшеніемъ своихъ силъ выманить непріятеля изъ крѣпкой засады, приказалъ Контръ-Адмиралу Грейгу съ кораблемъ Ретвизаномъ, фрегатомъ Венусомъ и однимъ Ид-

ріотскимъ корсеромъ, идти къ Солоникѣ, дабы сей богатый торговый городъ лишить сообщенія съ Архипелагомъ и если представится какой либо ко вреду непріятеля случай, то нечаянно появиться и онымъ воспользоваться. Въ слѣдствіе сего 19-го Марта отрядъ оставилъ Тенедосъ. На другой день совершенное безвѣтріе остановило насъ у Аѳонской горы. Высота ея $2\frac{1}{2}$ версты уменьшала разстояніе, въ какомъ мы отъ ней находились, и когда солнце начало заходить, то длинная тѣнь ея далеко за насъ простиралась на востокъ. Во время солнцестоянія конецъ тѣни достигаетъ до Лемноса, во 100 верстахъ отъ нея лежащаго. Элліанъ повѣствуетъ, что на вершинѣ горы воздухъ особенно здоровъ, отъ чего живущихъ тамъ нѣкогда называли *Макробіи*, то есть долголѣтные. Чрезмѣрная высота горы дѣлаетъ, что солнце при восхожденіи показывается на вершинѣ гораздо прежде, нежели у подошвы по западную сторону горы. Филостратъ въ жизни Аполлонія пишетъ, что многіе философы удалялись на сію гору, дабы лучше наслаждаться зрѣлищемъ небесъ, столь къ вершинѣ ея близкихъ, и пріятнымъ положеніемъ окрестностей, на дальнее разстояніе видимыхъ.

Въ самой глубочайшей древности, гора Аѳонъ посвящена была Аполлону, коего капище стояло на томъ мраморномъ верху, гдѣ нынѣ сооружена церковь Преображенія Господня. Еще болѣе она была извѣстна тѣмъ, что Ксерксъ, хотя и могъ обойти ее, хотѣлъ для сокра-

щенія пути своему войску перерыть ее; а другіе увѣряютъ, что Александръ Великій предполагалъ сдѣлать изъ нее статую, изображающую всадника на конѣ, и на каждой рукѣ выстроить по городу. Во время гоненій, отшельники построили тамъ монастыри, коихъ теперь щитается 20, и съ тѣхъ поръ Аѳонъ называется святою горою.

Монастыри расположены по покатости горы одинъ надъ другимъ отъ вершины и до самаго моря, такъ что издали представляютъ они огромную лестницу ведущую на небеса: Бѣлыя стѣны, коими окружены монастыри наподобіе замковъ и злато верхія главы церквей, столько поражали зрѣніе и говорили чувствамъ, что я не могъ свести съ нихъ глазъ, желалъ поклониться симъ святымъ мѣстамъ, думалъ, что, бывъ столь близко, не простительно Рускому, не посѣтить ихъ; но море зарябѣло, вѣтерокъ подулъ, и мелькающіе въ кельяхъ огоньки скоро скрылись и угасли. Огорченный, съ стѣсненнымъ сердцемъ, долженъ былъ разстаться съ набожными мыслями, и плыть противу воли туда, куда вѣялъ вѣтръ.

Ночь была свѣтла, день послѣдовалъ за ней прекраснѣйшій и вѣтръ дулъ самый умѣренный; мы плыли вдоль берега Македоніи и чѣмъ ближе подходили къ Солоникскому заливу, тѣмъ мѣста становились болѣе прелестны. Когда миновали мы городъ Кассандрію, окруженный каштановымъ лѣсомъ, то по обѣ сто-

роны залива открылись намъ два совершенно различныхъ вида. Восточный берегъ являетъ взору равнину, легкимъ скатомъ отъ горизонта склоняющуюся къ морю, покрытую полями, лугами и небольшими перелѣсками плодоносныхъ рощей. Малые ручьи, искривленнымъ направленіемъ текутъ къ морю, рисуютъ, такъ сказать, по землѣ узоры и украшаются многими селеніями, разсѣянными на берегахъ ихъ. Западная сторона, берегъ Өессаліи, представляетъ высокія голыя скалы, уныло склонившія главы свои къ морю. На нихъ не видно было и малѣйшаго слѣда жилища; славная гора Олимпъ, величественно восходя до небесъ, поражала взоръ своею огромностію; печальныя сосны, растущія на ея вершинѣ, колеблемыя вѣтромъ, качались надъ пропастями, со всѣхъ сторонъ ее окружающими. И въ сихъ-то вертепахъ, засыпанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, кочуетъ воинственное племя Епиротовъ, кои подобно Майнотамъ, до сихъ поръ сохранили свою независимость. 15,000 сихъ воиновъ, ежегодно, когда поспѣетъ жатва, сходятъ на долины и предаютъ все огню и мечу, во избѣжаніе чего Солоникскій Паша, удовлетворяетъ ихъ нужды, починиваетъ имъ ружья, даетъ порохъ и свинецъ, и сія горсть людей, подъ щитомъ непроходимыхъ горъ и дикой храбрости, не боится ни наказанія, ни мщенія. Кромѣ Олимпа, горы: Осса, Пеліонъ и Пиндъ, послѣдняя съ раздвоенною вершиною, прославленныя древними

Стихотворцами, также Темпейская долина, Термскія теплицы и рѣка Пеней тутъже находятся, словомъ на каждомъ шагу и на обоихъ сторонахъ залива, мѣста ознаменованы какимъ нибудь знаменитымъ именемъ и произшествіемъ.

22-го Марта къ вечеру, не доходя Солоники, корабль и фрегатъ бросили якорь, а корсеръ съ Контръ-Адмираломъ пошелъ далѣе для осмотру крѣпости, и въ туже ночь возвратился назадъ, 23-го на 15 саженяхъ глубины въ семи верстахъ отъ города, отрядъ бросилъ якорь; противу насъ въ устьѣ рѣки видно было нѣсколько лодокъ. Вооруженныя гребныя суда взяли ихъ и привели къ кораблю Контръ-Адмирала; съ оныхъ лодокъ предположено было бомбандировать городъ.

Солоника лежитъ въ концѣ залива между двумя рѣками, обнесенъ высокою четвероугольною стѣною и бойницами, окружность сихъ стѣнъ, по видимому, можетъ простираться отъ 20 до 30 верстъ. Съ морской стороны городъ защищается только двумя башнями, вооруженными 19-ю большими пушками, стрѣляющими мраморными ядрами; амбразуры ихъ очень велики и запираются желѣзными затворами; между башнями, которыя нѣсколько выдались впередъ, на городской стѣнѣ поставлено 20 орудій обыкновеннаго калибра; тутъ останавливаются купеческія суда. Съ сухаго пути, отъ Сѣверо-востока, городъ защищается зáмкомъ, называемымъ

Семи-башенной; онъ стоитъ внутри главнаго вала, и отдѣляется отъ города большимъ полемъ. Солоникской рейдъ окруженъ ровными мѣстами, цѣпь Өессалійскихъ горъ тутъ прерывается, но вдали другой хребетъ горъ окружаетъ равнину, орошаемую пятью рѣками, изъ коихъ Вардаръ и Вистрица судоходны; отъ сихъ рѣкъ вода на рейдѣ прѣсна. Мысъ *Бернусъ* защищаетъ рейдъ отъ южныхъ вѣтровъ; оный будучи закрытъ и съ прочихъ сторонъ берегомъ, и притомъ имѣя глубину отъ 5 до 9 саженъ, грунтъ илъ съ пескомъ, удобенъ и безопасенъ. Въ городѣ щитаютъ 48 мечетей, 30 Греческихъ монастырей и 36 синагогъ. Обширный куполъ соборной церкви Св. Діонисія превышаетъ всѣ зданія. Евреи, богатѣйшіе изъ жителей, производятъ значительную торговлю хлѣбомъ, лѣсомъ, рогатымъ скотомъ, виномъ и хлопчатою бумагою.

24-го Марта шлюбка съ Контръ-Адмиральскаго корабля ѣздила два раза въ городъ; были переговоры: Контръ-Адмиралъ требовалъ выдачи Французской собственности; но какъ Губернаторъ города, населеннаго 100,000 жителей, и защищаемаго 10,000 Янычаръ, словесно въ ономъ отказалъ, то послѣ полудня фрегатъ нашъ снялся съ якоря, дабы приближиться къ крѣпости, но не дошедъ къ оной на пушечный выстрѣлъ, приткнулся къ мѣли, и хотя скоро, и, по мягкости грунта, безъ вреда сошелъ съ оной, но предпріятіе было симъ

замедлено. На другой день подулъ крѣпкій сѣверный вѣтръ, почему Контръ-Адмиралъ принужденъ былъ оставить предпріятіе. Отрядъ снялся съ якоря, и, по причинѣ мрачности и сильнаго вѣтра, не выходя изъ залива остановился у деревни Паноми. 26-го поутру, когда вѣтръ уменьшился, отрядъ снова вступилъ подъ паруса; корсеръ пошелъ въ *Скополу*, для взятія тамъ нагруженныхъ пшеницею Турецкихъ судовъ, а корабль и фрегатъ 30-го Марта соединился со флотомъ у Тенедоса.

На передовомъ постѣ у Дарданелъ.

2-го Апрѣля корабль Мощный и фрегатъ Венусъ, назначенные для блокады и наблюденія непріятельскихъ движеній у Дарданелъ, смѣнили корабли Рафаила и Ярослава. Отряжаемые въ авангардъ корабли обыкновенно въ 8 верстахъ отъ крѣпостей, останавливались у пустаго острова Маври, гдѣ могли наливаться водою. Поелику наши суда находились весьма близко отъ пролива, были всегда въ готовности сняться съ якоря, и вступить въ сраженіе; то со времени прибытія нашего флота въ Архипелагъ, не только судно, ниже одна лодка не осмѣливались приближиться къ Дарданеламъ; торговля совершенно прекратилась, и многолюдная столица, наводненная проходящими войсками, и обремененная содержаніемъ другой арміи, собранной для защиты Дарданелъ и Констан-

тинополя, скоро истощила всѣ запасы; недостатокъ и въ семъ мѣсяцѣ былъ уже чувствителенъ.

Дарданельскій,(*) въ древности Геллеспонтскій проливъ, получилъ свое названіе отъ царя Дардана, построившаго на немъ городъ своего имени (нынѣ малыя Дарданелы). Не возможно повѣрить, чтобы на такомъ теченіи, которое иногда бываетъ по 6 миль ($10\frac{1}{2}$ вер.) въ часъ, могъ Ксерксъ утвердить чрезъ проливъ мостъ; по сейже причинѣ еще менѣе вѣроятна прекрасная исторія Геро и Леандра. Устье пролива между Европейскою и Азіатскою крѣпостью, имѣетъ 10 верстъ ширины, у крѣпости Сестосъ и мыса Барбіери съуживается до $2\frac{1}{2}$ верстъ; далѣе за крѣпостью Абидосомъ и мысомъ Пескисъ до крѣпости Галиполи ширина $4\frac{1}{4}$ версты. Первыя укрѣпленія построилъ Магометъ II, возобновилъ ихъ Магометъ IV, а послѣднія построены въ 1770 году кавалеромъ Топтомъ. Теперь поставили новыя рекошетныя баттареи на ровнѣ съ поверхностію воды, (à fleur d'eau) такъ что прорывающійся корабль, во всю длину канала на разстояніи 63 верстъ (36 миль) долженъ будетъ сражаться на оба борта, а часто выдерживать огонь съ четырехъ крѣпостей вдругъ. За всѣми сими грозными укрѣпленіями излучистое направленіе канала, сильное теченіе, бьющее изъ стороны въ сторону, отмѣли у многихъ мысовъ находящіяся, наконецъ спорное те-

(*) Смотри карту Дарданельскаго пролива.

Ветръ
D
C
М. Феличе
A. Первая позиция предъ началомъ сраженія.
B. Вторая позиція предъ окончаніемъ.
C. Мѣсто гдѣ взятъ Турец. корабль Сед-ель-бахръ.
D. Мѣсто гдѣ Непріятельскій корабль и два фрегата сожже.
E. Мѣсто гдѣ еще сожженъ Турец. корабль и фрегатъ.
Мѣсто гдѣ стоялъ Турец. флотъ по выходѣ изъ Дарданелъ.
Мѣсто гдѣ стоялъ Россійской и Турецкой флотъ.
Путь Россійскаго флота.
Путь Турецкаго флота.
Имена Россійскихъ корабл
a. Твердый
b. Ретвизанъ
c. Рафаилъ
d. Уріилъ
e. Селафаилъ
f. Мощный
g. Сильный
h. Ярославъ
i. Елена
l. Скорый
Турецкія кор
Капитанъ
Капитанъ
Капитанъ
Партикуля
корабли.
Фрегатъ
Корветы и
р. Обсерваціонн

ченіе въ устье, идущее у одного берега къ сѣверу, а другаго къ югу, дѣлаетъ проходъ чрезъ Дарданелы весьма опаснымъ, и даже непроходимымъ.

Островъ Имбро.

Въ ночь на 3-е Апрѣля, три вооруженныя шлюпки Мощнаго и Венуса съ 120 солдатами, матрозами и Албанцами, отправились на островъ Имбро, для покупки провизіи, и для приглашенія жителей привозить оную въ Тенедосъ. На разсвѣтѣ мы пристали по южную сторону острова. Пастухи безъ робости встрѣтили насъ на берегу; потомъ пришли и поселяне ближней деревни и съ радостію предложили, хотя не многое, но все, что они имѣли, не требуя платы; но какъ отъ нихъ ничего не хотѣли взять даромъ, то тутъ обнаружилась смѣтливость Грековъ, кои за то, что прежде отдавали за 10 копѣекъ, стали требовать рубль. При всемъ томъ, нѣсколько домовъ не могли снабдить насъ нужнымъ; почему Лейтенантъ Рикордъ отправилъ Мичмана Поздѣева въ городъ, въ 20 верстахъ отъ берега лежащій. Я оставленъ у судовъ.

Имбро гористъ и плодороденъ. Горы покрыты дубовымъ и Карагичевымъ лѣсомъ; долины, орошаемыя многими небольшими источниками, покрыты плодоносными деревьями, виноградниками и частію производятъ пшеницу, ячмень и кукурузу. Не смотря на богатство природы, жители бѣдны. Домы ихъ

сложены изъ камней безъ всякой связи, плоскія крыши покрыты плитой или хворостомъ. Каждый начальникъ селенія, Турка, требуетъ подарка. За свободу Богослуженія, начальникъ острова требуетъ ежегодно иногда произвольную подать. Если тотчасъ не внесутъ ее, приказываетъ сломать церковь. Сіе нещастіе случилось и съ здѣшними жителями. Не знаю по чему думалъ Священникъ будто бы я имѣю право позволить жителямъ возобновить церковь. Онъ въ длинной рѣчи, изъявилъ свое прошеніе. Когда переводчикъ, мало разумѣвшій Италіянскій языкъ, пересказалъ мнѣ, что онъ отъ меня хочетъ, то я удивился; но имѣя въ мысли внушенія начальства, «сколь-со можно снисходительно обходиться съ Греками»; и притомъ полагая, что отказъ мой не будетъ имъ понятенъ, (ибо не только Офицера, но и простаго солдата почитаютъ они существомъ гораздо ихъ превосходнѣйшимъ) я далъ мое согласіе и принужденъ былъ идти вмѣстѣ съ народомъ туда, куда меня повели. Мы спустились въ оврагъ, со всѣхъ сторонъ закрытый сплошною густотою деревъ. Внизу подъ скалою не безъ сожалѣнія увидѣлъ я одни стѣны часовни. Священникъ прочелъ молитву, окропилъ святою водою, и прихожане ревностно приступили поправлять стѣны, принесли дверь и солому, чтобы сдѣлать крышку; люди наши также имъ помогали; я подарилъ попу мѣдный складень; онъ столь былъ обрадованъ симъ подаркомъ, что не зналъ какъ бла-

годарить, и всѣмъ его показывалъ. Когда исправленіе церкви приходило къ концу, вдругъ прибѣгаетъ молодой человѣкъ и съ испуганнымъ лицомъ увѣдомляетъ, что Турки напали на нашихъ въ городѣ, и почти всѣхъ побили. Я воротился къ шлюпкамъ, собралъ своихъ людей, Лейтенантъ Рикордъ, начальствовавшій отрядомъ, приказалъ поставить по возвышеніямъ часовыхъ, и дабы дождаться вѣрнѣйшихъ свѣденій, перевесть барказы къ одному мысу, гдѣ на случай удобнѣе было защищаться. Между тѣмъ люди, возвращавшіеся изъ города съ провизіею, сказывали, что въ Сѣверной части острова отрядъ Турокъ точно набираетъ матрозовъ для флота. Начальникъ селенія отправилъ въ Тенедосъ лодку увѣдомить о семъ Адмирала. Около полдня нѣсколько Турокъ показались въ отдаленіи на горѣ, но скоро отступили и скрылись за горы. Между тѣмъ всѣ наши люди собрались, и барказы въ 6 часовъ по полудни отправились къ Маврамъ.

День былъ жарокъ, и море тихо, но заходящее солнце предвѣщало бурю; небо покрылось мрачностію; южный горизонтъ горѣлъ молніями и отъ сейже стороны шла зыбь. Слишкомъ нагруженный барказъ начало заливать, вѣтру еще не было, но сильнымъ волненіемъ выбивало весла изъ рукъ гребцовъ. Не успѣвая отливать воду, принуждены мы были бросить въ море купленную провизію, ядра, порохъ, и всѣ другія тяжести. Послѣ полу-

ночи вѣтръ подулъ, но противный, и насъ несло къ Дарданеламъ. Матрозы, другой день не имѣя покоя, и 10 часовъ сряду гребя безъ отдыха, напрягали послѣднія усилія, но барказъ мало подвигался впередъ противу зыби. Къ утру вѣтръ началъ свѣжѣть: на разсвѣтѣ сдѣлалась буря, но къ щастію я успѣлъ взять выше острововъ Маври, и могъ полнымъ вѣтромъ пристать къ кораблю Мощному. Ночь сія стоила мнѣ великаго безпокойства, ибо не имѣя съ собою компаса, не былъ точно увѣренъ, такъ ли держу, и естьлибъ не удалось достигнуть къ Маври, то бы долженъ искать спасенія въ Дарданелахъ, что и случилось съ двумя катерами корабля Мощнаго: но къ щастію корабль Скорый и Венусъ, отправленные Адмираломъ къ Имбро, увидѣли ихъ, спустились и спасли; у Венуса подъ самыми батареями Европейскаго мыса изорвало марсели, и фрегатъ съ крайнею опасностію едва могъ обойти мысъ Грео.

Скорый и Венусъ прибыли къ сѣверной оконечности Имбро, высадили тамъ 300 солдатъ и Албанцевъ, но Турокъ не нашли; ибо они уже переѣхали на лодкахъ въ заливъ Саросъ; почему Скорый возвратился въ Тенедосъ, а Венусъ занялъ свой постъ въ авангардѣ. На фрегатѣ меня встрѣтили какъ воскресшаго изъ мертвыхъ; ибо Греки, посланные съ Имбро, увѣряли, что насъ всѣхъ побили.

10-го Апрѣля Турецкая эскадра изъ 7 кораблей и 6 фрегатовъ пришла изъ Мраморнаго

моря, и остановилась въ устьѣ Дарданелъ у Азіятской крѣпости, а 2 корабля стали у Европейскаго берега. Сего числа 4 нашихъ корсера прошли за островъ Имбро къ западу.

Офицерской запасъ уже давно истощился, морской провизіи матрозамъ выдавали также скупою рукою; надѣялись что нибудь достать на Имбро; но я возвратился оттуда по пословицѣ: ѣздилъ ни по что, привезъ ничего. Въ полночь, на праздникъ Пасхи, слушали заутреню, любовались пальбою со флота и Тенедоской крѣпости, и сами, при громѣ артиллеріи, обнялись, похристосовались по братски, поздравляли другъ друга съ великимъ праздникомъ; а разговѣлись черным размоченнымъ сухаремъ. Не привыкнувъ въ такой день столь строго поститься, хотя мы и шутили, но не долго; скоро всѣ разошлись по каютамъ философствовать, предаваться романическимъ мечтаніямъ, одинъ легъ спать, другой пѣлъ заунывныя пѣсни. Матрозы также сбивались съ ладу, прохаживались на шканцахъ въ новыхъ мундирахъ, воспоминали какъ въ Россіи въ сіе время уже всѣ веселы, и также шутили съ горемъ пополамъ. Къ вечеру со флота видѣнъ былъ идущій барказъ; оный приставъ къ нашему борту, наполненный баранами, боченками вина, корзинами яицъ и зелени. Какая радость! Адмиралъ вспомнилъ о насъ и удѣливъ изъ своего запасу прислалъ намъ разговѣться. Подарку этому мы такъ обрадовались, что тотчасъ развели на кухнѣ огонь,

часто посылали торопить поваровъ и наконецъ въ полночь сѣли обѣдать. На разсвѣтѣ и матросы разговѣлись, начались игры и пѣсни, всѣ были довольны, забыли прошедшее и съ большимъ удовольствіемъ наслаждались настоящимъ. Турки въ Дарданелахъ что-то суетились, корабли переходили съ мѣста на мѣсто. Можетъ они думали воспользоваться нашимъ праздникомъ, но какъ бы они обманулись; у насъ кромѣ великаго изобилія воды получаемой съ островов Маври, вино въ бочкахъ очень повысохло.

16-го Апрѣля корабли Уріилъ и Скорый смѣнили насъ въ авангардѣ, а мы возвратились къ Тенедосу, гдѣ флотъ нашъ усилился двумя кораблями, прибывшими изъ Адріатики, и 20 корсерами, кои получивъ военные флаги отправились въ разныя мѣста Архипелага для крейсерства.

Заливъ Саросъ.

21-го Апрѣля, дабы уничтожить сообщеніе чрезъ заливъ Саросъ, находящійся по сѣверную сторону Дарданельскаго полуострова, откуда могли перевозить провіантъ, Капитанъ получилъ повелѣніе идти между Имбро и Румелійскомъ берегомъ. Контръ-Адмиралъ Грейгъ въ тоже время съ 4 кораблями отправился къ Смирнѣ, гдѣ долженъ былъ крейсеровать предъ входомъ сей гавани между Хіо и Метелиномъ. Главнокомандующій имѣлъ

въ предметѣ какъ блокаду сего богатѣйшаго торговаго города, такъ и то, что бы развлеченіемъ силъ поощрить Турокъ выдти изъ Дарданелъ. Къ намъ присоединился Идріотскій корсеръ, *курьеръ Архипелажскій,* Капитанъ Киріако Скурти.

22-го. По прибытіи въ заливъ взяли два судна, и прошедъ до самаго конца его остановились на якорѣ у островковъ, на одномъ изъ коихъ находится укрѣпленный монастырь. Турки сдѣлали по насъ нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ. 23-го Апрѣля возвращаясь назадъ у пунто Журонто замѣтили два судна, называемыя здѣсь Соколевы, они были отвартовлены (*) къ берегу, толпа Турокъ были готовы защищать ихъ. Маневръ, который сдѣлалъ Капитанъ Корсера, заслужилъ общую похвалу и принесъ бы честь наилучшимъ матрозамъ. Вѣтръ былъ свѣжъ, корсеръ близъ берега подъ всѣми парусами, далъ залпъ, пустилъ бѣглой огонь картечью, уменьшилъ паруса, задержалъ нѣсколько ходъ, придержался какъ можно ближе къ Соколевѣ, и въ то время баркасъ бывшій на бакштовѣ присталъ къ ней, Греки вскочили на судно, въ одно мгновеніе ока обрубили канаты, и такимъ образомъ вытащили оное кормою на бакштовѣ изъ гавани въ море. Два плѣнныхъ, взятыхъ на Соколевѣ, показали, что въ семъ мѣстечкѣ,

---

(*) Привязаны канатами

находится Султанскій магазейнъ, и пекутъ хлѣбы для арміи, посему фрегатъ бросилъ тутъ якорь, нѣсколькими выстрѣлами очистили берегъ и всѣ гребныя суда, тотчасъ были туда посланы; Греки также не замедлили къ нашимъ людямъ присоединиться, и въ полчаса, когда непріятельская конница, артиллерія и пѣхота начали спускаться съ высотъ, успѣли нагрузить другую Соколеву хлѣбами, мукою и всѣмъ, что попало подъ руку, остальное зажгли и возвратились безъ потери.

Прибытіе наше въ Сароскій заливъ причинило Туркамъ не малое безпокойство. Большая ихъ армія, которой ввѣрена была защита Дарданелъ и столицы, соединилась, и заняла кругомъ берега́ залива, ибо тутъ они ожидали высадки нашихъ войскъ. Главнокомандующій, нашедъ средство имѣть сообщеніе съ Константинополемъ, и даже съ арміею Генерала Михельсона, дѣйствовавшею на Дунаѣ, съ намѣреніемъ распространилъ слухъ, будто бы 100.000 нашихъ и Англинскихъ войскъ, вмѣстѣ съ Греками и Славянами, выйдутъ на берегъ въ семъ заливѣ, и такимъ образомъ оставивъ Дарданелы въ сторонѣ, пойдутъ прямо на столицу, которая отъ конца залива находится только въ трехъ дняхъ марша. Слуху сему столько повѣрили, что 5000 Албанцевъ взбунтовались, заклепали въ одной Дарданельской крѣпости пушки, и видя свою ошибку, послѣ кровопро-

литнаго сраженія, пробились и ушли въ свои горы, предавъ на пути всѣ Турецкія селенія огню и мечу. Къ сему присоединился недостатокъ въ хлѣбѣ, которой прежде получали изъ Египта и Архипелага; и съ сего времени Константинополь былъ свидѣтелемъ кровавыхъ происшествій. Многіе Паши были казнены, а потомъ и самъ Султанъ Селимъ былъ сверженъ съ престола.

Обошедъ кругомъ Сароскій заливъ и отправивъ призовыя суда въ Тенедосъ, мы пошли къ западу вдоль Румелійскаго берега. За мысомъ Еніо у города Нино видно было въ устье рѣки на мѣлководіи и подъ крѣпостью 30 лодокъ; на нихъ не возможно было напасть, однакожъ корсеръ нашъ возвратившись къ нимъ ночью взялъ своимъ барказомъ 2 лодки, а мы проходя близь берега, и невстрѣтивъ ни одного судна, бросили якорь въ открытомъ морѣ, на глубинѣ 34 саженъ по западную сторону Самондраки, куда на утро 24 Апрѣля пришелъ и Корсеръ.

Островъ Самондраки.

Самондраки, имѣющій въ окружности отъ 30 до 40 верстъ, лежитъ по западную сторону Имбро, противу Румеліи. На немъ нѣтъ ни одной пристани, кромѣ якорныхъ мѣстъ по западную и южную его сторону находящихся. Видъ острова съ западу, гдѣ мы стояли на якорѣ, представляетъ одинъ изъ пре-

краснѣйшихъ проспектовъ въ природѣ. Холмы, возвышенія, наконецъ горы раздѣльно стоящія, наполняютъ все его пространство. Высокія горы имѣютъ голыя вершины, изъ рѣдко поросшія строевымъ лѣсомъ, меньшія составляя уступы первыхъ, покрыты плодоносными рощами, между ими зеленыя долины, тучные луга, и хижины, разбросанныя по берегу малыхъ источниковъ, подобно блестящимъ точкамъ, показывались въ отдаленности.

Турки, бывшіе на островѣ, бѣжали въ Румелію. Новый начальникъ изъ Грековъ пріѣхалъ на фрегатъ, поднесъ подарки, состоящіе въ плодахъ и винѣ, и неотступно просилъ Капитана послать въ городъ, лежащій отъ берега верстахъ въ 15, нѣсколько солдатъ, дабы тѣмъ обрадовать народъ и устрашить Турокъ, которые узнавъ, что Руские заняли городъ, и по отбытіи фрегата не осмѣлятся изъ Румеліи возвратиться на островъ. 40 солдатъ и столько же Грековъ съ корсера, рано поутру отправились двумя дорогами въ городъ. Мнѣ порученъ былъ сей отрядъ съ такимъ наставленіемъ, чтобы пригласить Грековъ возить съѣстные припасы въ Тенедосъ, а Турокъ, если какіе попадутся по дорогѣ или приведены будутъ жителями, взять въ плѣнъ.

Мы шли съ пригорка на пригорокъ, съ горы на гору, вездѣ встрѣчая прелестную природу, въ полномъ цвѣтѣ, разнообразіи и

богатствѣ. Тутъ проходили мы боръ дубовыхъ, орѣховыхъ и каштановыхъ деревъ; тамъ густой лѣсъ смоковничныхъ, миндальныхъ и черешневыхъ, коихъ вѣтви переплетены дикимъ виноградомъ и жесминными лозами. Спускаясь съ горъ мы входили въ прекрасныя долины. Зеленыя ковры луговъ, поля, виноградники и сады, дремлющіе подъ тѣнію горъ, свѣжесть утра, красота и дикость мѣстъ, удовольствіе встрѣчать на каждомъ шагу неожиданное зрѣлище, видѣть необыкновенныхъ птицъ, обонять запахъ неизвѣстныхъ у насъ цвѣтовъ, словомъ чувствовать себя перенесеннымъ въ другой міръ, гдѣ каждый взоръ, сообщая сердцу новое и живое впечатлѣніе, часто останавливалъ меня, и я въ мечтаніи блуждалъ въ очарованныхъ садахъ Армиды. Иногда дорога шла узкою тропинкою, пробитою на отвѣсѣ, тутъ скалы висѣли надъ головою, тамъ пропасти зіяли подъ ногами, но прошедъ сей опасный путь и взошедъ на гору, съ одной стороны открылось шумящее море, съ другой прелестная долина. Разбросанныя въ безпорядкѣ хижины, скрывающіяся подъ тѣнію пирамидальныхъ тополей; виноградные сады, и большее поле хлопчатой бумаги, раздѣленное обширнымъ ровнымъ лугомъ, примыкавщимъ къ скалѣ, на коей въ половинѣ ея высоты, въ пустынномъ уединеніи показывалась бѣдная церковь съ кладбищемъ, осѣненнымъ кипарисами; а ниже ея водопадъ, обширнымъ жерломъ какъ бы

пролитый изъ урны, вырывался изъ скалы, падалъ и изъ-дали представлялъ свѣтящееся зеркало, за коимъ обильный потокъ, стекая внизъ по долинѣ, изгибался по лугу свѣтлою чертою; наконецъ рогатый скотъ, спокойно щиплющій мураву, стадо овецъ, бродящихъ подъ скалою и отдыхающихъ вокругъ водопада, и козы, прыгающія по обрывамъ, довершали картину, и составляли совокупно прелесть сельской жизни.

Наконецъ прошедъ тѣсное ущелье, между двухъ каменныхъ утесовъ заключенное, въ право открылись развалившіяся стѣны крѣпости, а за нею и городъ. Дабы извѣстить жителей о нашемъ прибытіи, провожавшій насъ начальникъ города просилъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, послѣ коихъ съ барабаннымъ боемъ пошли впередъ. Вскорѣ мы увидѣли толпу народа, вышедшую къ намъ на встрѣчу. Священникъ въ ветхой рясѣ окропилъ насъ святою водою, подалъ мнѣ въ руки кипарисный крестъ, и когда я приложился къ нему, то взявъ у меня обратно оный, благословлялъ солдатъ; потомъ сказалъ краткую рѣчь, въ которой я и переводчикъ мой поняли одно имя Александра, за тѣмъ принимая отъ мальчиковъ букеты цвѣтовъ подалъ мнѣ и каждому солдату, прося украсить ими шляпы и киверы. Послѣ сей церемоніи, гражданскіе какъ казалось чиновники, ибо въ платьѣ ихъ не было отъ другихъ различія, поднесли мнѣ медовые хлѣбы и соль. При восклицаніяхъ народа, да здравствуетъ Александръ, вступили

мы въ городъ вмѣстѣ съ народомъ, на лицахъ котораго ясно изображена была радость, смѣшенная съ какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ. У дверей каждаго дома, хозяинъ кладя руку на грудь и не много наклонившись подносилъ хлѣбъ и соль, женщины съ великимъ любопытствомъ и робостію, можетъ быть происходившею отъ стуку барабановъ, смотрѣли на насъ съ террасъ домовъ. Впереди шелъ Священникъ и Начальники, они вывели насъ за городъ на одно возвышеніе, гдѣ небольшое четвероугольное мѣсто, огражденное перилами, было услано коврами; меня просили войти и сѣсть тамъ на подушку, солдаты стали вокругъ, началась новая церемонія; Начальникъ города съ 6 другими и попомъ, вошли и въ почтительномъ отдаленіи опустясь на колѣна сѣли предо мною. Одинъ изъ стариковъ съ жаромъ говорилъ длинную рѣчь; но переводчикъ мой худо знавшій по Гречески и еще менѣе по Италіянски, сказалъ мнѣ: они просятъ, чтобы мы оставили нѣсколько солдатъ для защиты ихъ отъ Турокъ, что содержаніе берутъ на себя и желаютъ дать присягу въ вѣрноподданствѣ. На сіе я отвѣчалъ, что Архипелагъ уже объявленъ подъ покровительствомъ нашего Императора, что присяга не нужна тамъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія въ вѣрности и преданности, что впрочемъ съ особенными прозьбами они могутъ отнестись къ Главнокомандующему, а я имѣю только порученіе установить цѣну

съѣстнымъ припасамъ, и пригласить жителей доставлять оные въ Тенедосъ. На сіе Начальники отвѣчали, что нѣкоторое количество провіанта и скота, собраннаго Турками для арміи ихъ въ Румеліи расположенной, мы можемъ взять, какъ собственность непріятельскую; сверхъ того желая доказать готовность свою, они обѣщали собрать къ вечеру еще нѣсколько провизіи собственно отъ себя. Впредь же, какъ не имѣютъ удобныхъ лодокъ для перевозки скота въ Тенедосъ, они будутъ отпускать дровъ сколько угодно, а провизіи сколько могутъ на корабли для сего присылаемые, по цѣнѣ условленной и самой умѣренной. Они сдержали слово: глашатели обвѣстили всѣхъ начальниковъ семействъ, что̀ именно каждый изъ нихъ долженъ къ вечеру доставить на фрегатъ.

И тутъ, какъ на Имбро, я долженъ былъ позволить возобновить разоренную церковь, но священникъ здѣшній былъ щастливѣе прежняго. Капитанъ подарилъ ему рясу, и образъ Николая Чудотворца въ окладѣ. Начальникъ города пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, и послѣ того, какъ у насъ на святой недѣлѣ попы, долженъ былъ переходить изъ дома въ домъ, и непремѣнно чего нибудь откушать; солдаты также усердно были угощаемы. Въ одномъ домѣ нашедъ женщину раненую Туркомъ, у которой пуля остановилась въ ногѣ, за неимѣніемъ у здѣшняго лѣкаря инструментовъ, послалъ я на фрегатъ за своимъ, кото-

рой вынулъ пулю, далъ наставленіе какъ лѣчить, и снабдилъ лѣкаря нѣкоторыми медикаментами.

Мѣстоположеніе города мнѣ очень понравилось. Три каменныя безплодныя горы, сходясь подошвами, составляютъ узкой треугольникъ, съ двухъ угловъ котораго быстро текутъ два источника, соединяются и однимъ теченіемъ вертятъ нѣсколько колесъ, обращающихъ небольшіе жернова, весьма просто устроенные и безъ всякаго надъ ними строенія. Съ двухъ сторонъ по хребту горъ, построены вѣтряныя мѣльницы, которыя служатъ и для защиты; съ третьей стороны стоитъ крѣпость. Обошедъ уголъ ея, тотчасъ увидишь городъ, раздѣленный по скатамъ на три слободы. Съ перваго взгляда нравится онъ дикимъ, уединеннымъ своимъ положеніемъ. Строенія представляютъ кучу разбросанныхъ хижинъ, низкихъ мазанокъ съ плоскими крышами. Всѣ онѣ каменныя безъ половъ, съ двумя малыми окнами, и въ срединѣ составляютъ одну нештукатуренную комнату. Домъ лѣкаря, почитающійся лучшимъ, обитъ въ срединѣ рѣзными кипарисными досками.

Крѣпость построена Генуезцами; отъ стѣнъ ея осталась только одна круглая бойница и развалившееся строеніе, въ погребахъ коего лежала пшеница. Зерна, почернѣвшія отъ времени, можно было отдѣлить одно отъ другаго; но какъ скоро сожмешь ихъ въ рукѣ, то онѣ обращались въ земляную пыль. И пшенич-

ное зерно, столь тлѣнная вещь, чрезъ нѣсколько столѣтій, подобно мраморной статуѣ, торжествуетъ надъ временемъ и раздѣляетъ съ нимъ вѣчность.

Самондраки изобилуетъ хлѣбомъ, плодами, скотомъ и табакомъ. Какъ Турки, поселившіеся здѣсь, не составляютъ и четвертой части жителей, то Греки не всѣ еще утратили свои обычаи. Одѣваются по Турецки; женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ; онѣ прелестны, но не столько красотою, сколько кротостію, цѣломудріемъ, и особенною склонностію къ мирной семейственной жизни извѣстны въ Архипелагѣ. Всѣ женихи, и богатые и ревнивые и благоразумные, ищутъ здѣсь невѣстъ своихъ. Самондраки древле славился капищемъ, котораго предвѣщанія уважались не менѣе Елевзинскихъ.

Получивъ на семъ маломъ островѣ болѣе запасовъ, нежели ожидали, 26-го Апрѣля снялись мы съ якоря, и пользуясь тихимъ попутнымъ вѣтромъ плыли близъ Румелійскаго берега. У мѣстечка Макри нѣсколькими выстрѣлами пустили ко дну три лодки. Тутъ былъ укрѣпленный шанцами лагерь; Турки по пустому стрѣляли въ насъ изъ ружей и даже изъ пистолетовъ; не много далѣе корсеръ нашъ взялъ одну лодку, а другую сжегъ; суда же, бывшія у города Нино и Чиберже, разгрузились и вытащены были на берегъ. Такимъ образомъ лишили мы непріятеля послѣдняго средства доставлять симъ путемъ что либо изъ Архи-

пелага. Обошедъ отмѣль у мыса Еніо, находящуюся по лѣвую сторону при входѣ въ заливъ Саросъ, и миновавъ другой камень близъ острова Имбро, мы спустились къ Тенедосу, куда и прибыли 28-го Апрѣля.

Румелія очень изрядно обработана, отсюда получается лучшій курительный табакъ; берега ея населены Керджіалами, или лучше сказать, военными помѣщиками. Они не платятъ никакой подати, и только въ военное время обязаны служить на конѣ на своемъ содержаніи. Судя по множеству селеній, видныхъ у набережной, и особенно по большимъ табунамъ лошадей, должно думать, что Керджіалы зажиточны. Домы ихъ въ видѣ бесѣдокъ и павильоновъ, обыкновенно строемые на берегу рѣки и подъ тѣнію купы деревъ, нравятся взору, и обѣщаютъ прохладу и удобство.

Островъ Скиро.

Капитанъ фрегата Венуса съ двумя корсерами, прежнимъ *Курьеромъ* и другимъ *Ирида* называемымъ, получилъ повелѣніе идти, къ островамъ Св. Евстратія и Скиро, гдѣ изготовлено было для флота нѣсколько съѣстныхъ припасовъ и скота. 2-го Маія, принявъ на фрегатъ 20 Албанцевъ съ Офицеромъ, снялись мы съ якоря, и подошедъ къ острову Св. Евстратія легли въ дрейфъ. Старшина острова тотчасъ пріѣхалъ на фрегатъ, привезъ въ подарокъ нѣсколько зелени, плодовъ, вина и обѣщалъ на

другой же день отправить въ Тенедосъ на своихъ лодкахъ 100 барановъ, и столько зелени и вина, сколько собрать можетъ, съ обѣщаніемъ каждую недѣлю отправлять на флотъ по двѣ лодки съ провизіею. Отъ острова Св. Евстратія 3-го Маія въ полночь, прибыли въ гавань Санъ Жоржіо, находящуюся на южной сторонѣ острова Скиро. Одинъ изъ Корсеровъ нашихъ пошелъ къ Негропонту, а другой къ Тино, откуда послѣдній прислалъ намъ два грузовыхъ судна.

Гавань Санъ Жоржіо защищается отъ западныхъ вѣтровъ длиннымъ островомъ Фрикю, и тремя небольшими островами, между коими и берегомъ Скиро простирается большой рейдъ, гдѣ на глубинѣ отъ 10 и до 30, а далѣе и 40 саженъ, корабли безопасны отъ всѣхъ вѣтровъ. Самое лучшее мѣсто, гдѣ грунтъ илъ, на глубинѣ 10 саженяхъ, находится противу одного развалившагося строенія, вокругъ котораго на малое пространство берегъ покрытъ бѣлымъ пескомъ.

Тихое утро, день прекраснѣйшій, вокругъ насъ не видно было никакого селенія, но зелень лѣсовъ, растущихъ на небольшихъ возвышеніяхъ, луга и поля, манили выдти на берегъ. Сѣвъ въ шлюбку и приближаясь къ берегу примѣтили мы, что вода на глубинѣ 6 саженъ, сдѣлалась прозрачна какъ стекло; тамъ на чистѣйшемъ пескѣ дна плавали тысячи многообразныхъ полиповъ, морскихъ ежей, звѣздъ,

коньковъ и всякаго рода рыбъ, столь прелестно испещренныхъ, какихъ не льзя и вообразить въ нашемъ климатѣ. Кажется будто рукою можно достать растенія, плавающія въ глубинѣ; но по точномъ изслѣдованіи, онѣ лежали на днѣ. Но что меня болѣе удивило, это это были играющія на поверхности моря рыбы. Семь довольно большихъ гонялись за стаею малыхъ, дѣлали различные обороты, изъ коихъ нѣкоторые имѣли сходство съ маневрами войскъ и эволюціями флота.

Какъ начальникъ острова, пріѣзжавшій на фрегатъ, обѣщалъ не прежде двухъ дней доставить скотъ и провизію, а между тѣмъ должно было ожидать возвращенія корсеровъ, то для отдыху Капитанъ приказалъ на берегу раскинуть палатки, и половину экипажа свезть къ онымъ. Тотчасъ изъ баласта сдѣлали походную баню: Рускому во всѣхъ климатахъ баня необходима. Люди наши одни ловили рыбу, другіе съ ружьями пошли въ лѣса, и та и другая охота была болѣе, нежели удачна. Жители приходили къ намъ съ подарками, и столько обрадованы были нашимъ прибытіемъ, что оставались въ палаткахъ до самаго нашего отбытія. Мы угощали и ласкали всѣхъ равно, ибо начальника отъ земледѣльца ничѣмъ отличить было не можно.

Скиросъ имѣетъ въ окружности около 150 верстъ, покрытъ невысокими горами. Почва земли на каменистомъ грунтѣ весьма плодо-

носна. Виноградъ даетъ прекрасное вино, въ лѣсахъ безъ всякаго призору ростутъ плодовитыя деревья. Жители занимаются земледѣліемъ, и хлѣбныя поля даютъ имъ изобильныя жатвы. На всемъ островѣ щитается не болѣе 400 семействъ, раздѣленныхъ на три селенія; большое изъ нихъ, называемое городомъ, лежитъ въ Сѣверной части острова въ милѣ отъ моря, и занимаетъ такую высоту, что строенія кажутся висящими надъ водою; такимъ онъ представлялся съ моря, когда мы его проходили. Любопытство побудило меня съ тремя товарищами идти въ городъ пѣшкомъ; но проводникъ нашъ въ 5 верстахъ отъ рейда, показалъ намъ развалины древняго Скироса, это насъ остановило, мы предпочли древній новому, и послѣ сожалѣли о семъ предпочтеніи. Куски мрамора, глубокія ямы, означающія мѣста строеній, колючій кустарникъ, и черепки отъ сосудовъ багрянаго цвѣту, вотъ что осталось отъ великолѣпной столицы, гдѣ родился Ферекидъ, гдѣ Ахиллъ въ женскомъ платьѣ воспитывался между дочерями царя Никомеда, и гдѣ наконецъ умеръ Тезей.

Великолѣпныя зданія, нравы и даже образъ людей подвержены перемѣнамъ; все истребляется временемъ и варварами, въ рукахъ которыхъ искуства, науки и художества мертвѣютъ. Но природа остается не измѣняемою, мы видимъ ее въ томъже велелѣпіи, какова

она была при сотвореніи міра. — Возвращаясь назадъ другою дорогою, мы вошли въ лѣсъ, обремененный плодами столь рѣдкими, что воображеніе перенесло меня въ щастливые острова Тихаго Океана, гдѣ человѣкъ безъ знанія искуствъ, роскошествуетъ въ избраніи богатыхъ даровъ земли уединенной и никѣмъ не посѣщаемой. Шумъ воды привлекъ наше вниманіе, мы обратились въ ту сторону, и увидѣли прекрасный водопадъ. Падая съ небольшой высоты и разбиваясь о мшистые каменья, весь обращенный въ пѣну, онъ течетъ послѣ спокойно, раздѣляется на два рукава и тѣмъ образуетъ островокъ, поросшій огромными деревьями, корни которыхъ, подмытые водою, склонились съ обѣихъ сторонъ рѣчки, соединились вѣтвями и составили такимъ образомъ живой мостъ. Далѣе по берегу рѣки не можно было пройти: терновникъ, вьющійся виноградъ, утлые пни и упавшія деревья принудили насъ идти кратчайшею дорогою. Зеленый лугъ привелъ насъ къ палаткамъ.

7-го Маія по прибытіи корсеровъ, и по принятіи 70 быковъ и 400 барановъ, снялись мы съ якоря, лавируя къ сѣверу при перемѣнномъ тихомъ вѣтрѣ. 8-го въ полдень слышны были пушечные выстрѣлы, а спустя нѣсколько Греческая лодка, вышедшая изъ Тенедоса, увѣдомила насъ, что Турецкой флотъ вышелъ изъ Дарданелъ; посему сдѣлавъ корсерамъ сигналъ держаться соединенно, мы

поставили всѣ паруса, и 9-го Маія рано по утру, въ густомъ туманѣ сошлися со флотомъ нашимъ, состоящимъ изъ 10 кораблей и 7 корсеровъ по западную сторону Тенедоса, и вмѣстѣ съ нимъ стали на якорь на прежнемъ мѣстѣ противу крѣпости.

Высадка Турецкихъ войскъ на островъ Тенедосъ.

7-го Маія по захожденіи солнца, телеграфъ далъ знать, что Турецкая эскадра снимается съ якоря, къ полудню вышла оная изъ пролива и расположилась на якоряхъ выше островковъ Маври къ Анатольскому берегу, всѣхъ числомъ кораблей восемь, между которыми одинъ 120 пушечный и три 80-ти пушечные, фрегатовъ о 50-ти пушкахъ шесть, шлюповъ 4, бригъ 1, лансоновъ и канонерскихъ лодокъ до 50-ти; флагманы были: Капитанъ Паша Сеидъ Али, Капитанъ-Бей (Адмиралъ), Патронъ-Бей (Вице-Адмиралъ), и одинъ Адмиралъ, начальствующій гребною флотиліею.

Главнокомандующій будучи увѣренъ, что Турки и съ большими силами не возмогутъ скоро овладѣть крѣпостью Тенедоскою, на вечеръ тогоже числа при Сѣверномъ вѣтрѣ, съ 10-ю кораблями вступилъ подъ паруса и обойдя островъ Тенедосъ по южную сторону, направилъ путь къ острову Имбро. Въ дви-

женіи семъ Адмиралъ имѣлъ въ предметѣ, чтобы дать непріятелю болѣе способа устремиться на островъ и тѣмъ самымъ отвесть его далѣе отъ пролива: притомъ естьли бы Сѣверной вѣтръ подулъ хотя сутки постоянно, чего и ожидать должно было по настоящему времени, то флотъ нашъ могъ бы выдти у непріятеля на вѣтръ, отрѣзать его отъ пролива и принудить къ битвѣ, которой онъ тщательно старался избѣжать; но 8-го числа во весь день случились тишили и перемѣнныя противныя отъ Сѣвера маловѣтрія.

9-го Маія поутру вѣтръ былъ противный отъ Сѣверо-востока свѣжій, небо облачно и временно дождь, къ томуже и лунное затмѣніе при полнолуніи, все сіе обѣщало продолжительную ненастную погоду или бурю; то, чтобы не подвергнуть корабли какому непріятному приключенію, въ 9-ть часовъ утра флотъ спустился къ острову Тенедосу, и при самомъ положеніи якоря нашелъ отъ Сѣвера жестокой шквалъ съ дождемъ, дулъ съ полчаса съ великою силою, потомъ вѣтръ, дождь и мрачность начали упадать и погода прояснилась. Въ полночь вѣтръ стихъ, и къ досадѣ нашей опять сдѣлался отъ NO легкій.

8-го Маія, когда флотъ нашъ находился у Имбро, Турки поспѣшно высадили десантъ въ 4-хъ верстахъ къ Сѣверу отъ крѣпости Тенедоской. Маіоръ Гедеоновъ съ 2-мя ротами и 2 пушками пришедъ на мѣсто послѣ малой

перестрѣлки, первой непріятельской отрядъ принудилъ отступить. Турки отошли къ лежащему на ружейной выстрѣлъ отъ Тенедоса, маленькому голому островку, и подъ прикрытіемъ сильнаго картечнаго огня гребной флотиліи, вторично и въ большей силѣ вышли на берегъ. Маіоръ не давая имъ осмотрѣться и устроиться, немедленно на самомъ берегу отважно вступилъ съ непріятелемъ въ ручной бой. Турки не могли выдержать такого натиску, и не имѣя мѣста къ отступленію, бросались въ воду и на лодки; новыя толпы заступали ихъ мѣсто и имѣли туже участь. Высадкою располагали Французскіе офицеры; три раза подъ защитою канонерскихъ лодокъ Турки выходили на берегъ и не взирая на рѣшительность и мужество, въ великомъ безпорядкѣ наконецъ отступили и отплыли къ Анатольскому берегу. Жители Тенедоскіе и Греки другихъ островов, по случаю бывшіе тогда въ городѣ, показали въ семъ случаѣ храбрость и отважность похвальную. Турокъ убитыхъ на берегу сочтено 200 человѣкъ, 30 выбросило моремъ, сверхъ того потонуло двѣ лодки и съ людьми. А какъ при каждомъ ихъ отступленіи, поражаемы они были картечью изъ 4-хъ пушекъ, то вся ихъ потеря должна простираться до 300 человѣкъ. Съ нашей стороны, по выгодному положенію, коимъ люди были укрыты отъ картечныхъ выстрѣловъ непріятельской флотиліи, потеря состояла только въ 5 раненыхъ солдатъ и 4 Грековъ.

Дарданельское сраженіе 10-го и 11-го Маія.

10-го Маія съ утра вѣтръ былъ отъ NO самый удобный для Турокъ, естьли бы они расположены были атаковать насъ; но не удачное покушеніе на Тенедосъ лишило ихъ бодрости, и два флота стояли въ виду другъ друга во всякой готовности. Въ полдень два судна подъ парусами шли на нашу линію. Почитая ихъ брандерами, Венусъ по сигналу вступилъ подъ паруса, но по осмотрѣ оказалось, что то были Австрійскія; шкиперы просили Адмирала позволить возвратиться имъ въ Тріестъ. Наконецъ послѣ полудня въ 2 часа, къ общей всѣхъ радости вѣтръ сдѣлался отъ SW, который въ лѣтнее время бываетъ здѣсь очень рѣдко. Едва оный началъ навѣвать, то на Твердомъ раздался пушечный выстрѣлъ и поднятъ сигналъ сняться съ якоря. Радость, надежда сразиться съ Турками была общая на всемъ флотѣ; не думали о опасностяхъ предстоящей битвы, боялись только штиля и перемѣны вѣтра. Въ полчаса всѣ корабли были уже подъ парусами и въ ордерѣ баталіи. Мы ожидали, что Турки не осмѣлившись атаковать насъ, примутъ нападеніе наше стоя на якорѣ; но они вскорѣ также снялись, потомъ пять кораблей ихъ близъ крѣпостей бросили якорь, и снова отрубивъ канаты вступили подъ паруса, весь флотъ ихъ направилъ путь въ Дарданелы. На Твердомъ под-

нять сигналъ несть всевозможные паруса и напасть на непріятеля каждому по способности. Легкіе корабли пошли впередъ, но вѣтръ началъ стихать, наконецъ перемѣнился, подулъ отъ W и довольно свѣжій, Турецкая эскадра поспѣшала на всѣхъ парусахъ войти въ Дарданелы, вѣтръ имъ къ тому весьма способствовалъ Хотя въ узкомъ мѣстѣ пролива не можно было надѣяться чѣмъ нибудь овладѣть, но храбрый нашъ Адмиралъ рѣшился дать имъ ударъ при дверяхъ самыхъ крѣпостей.

Въ 6 часовъ, когда день клонился уже къ вечеру, Венусу, бывшему впереди, сдѣланъ сигналъ атаковать отдѣлившійся корабль (*). Мы подойдя къ нему подъ корму открыли огонь. Вскорѣ Селафаилъ, Ретвизанъ, Рафаилъ и Сильный напали на другіе корабли и сраженіе началось за полчаса до ночи. Корабли наши, упреждая непріятельскіе, проходя между ими впередъ, обходя съ кормы или носу, бились временно на оба борта. Селафаилъ, первый догнавъ 100 пушечной корабль Капитанъ-Паши, далъ ему залпъ въ корму и когда оный сталъ приводить на правой галсъ, дабы избѣжать сего огня, то корабль нашъ, поворотя чрезъ фордевиндъ, упредилъ его и снова напалъ на него съ кормы. Уріилъ толь близко миновалъ Турецкой Вице-Адмиральскій корабль, что такелажемъ своимъ сломалъ у него утлегарь. Сенявинъ стремился

(*) Смотри планъ сраженія.

на Сейдъ-Али, и прошедъ подъ корму корабля Бекиръ-Бея, вступилъ съ ними въ бой съ обѣихъ бортовъ; потомъ спустившись атаковалъ Капитанъ-Пашу такъ близко, что реи съ реями почти сходились. Сейдъ-Али показавъ сначала желаніе драться, отпаливался тутъ весьма рѣдко и на всѣхъ парусахъ уклоняясь отъ корабля Твердаго несся подъ свои крѣпости. Всѣ Турецкіе корабли также на всѣхъ парусахъ спѣшили за своимъ Адмираломъ въ Дарданелы, вовся не помышляя о сраженіи; многіе изъ нихъ опустя борты даже не защищались; напротивъ того наши корабли, каждый по способности своей, то спускаясь, то приводя, то убирая, то прибавляя парусовъ, преслѣдовали и поражали на самомъ близкомъ разстояніи, стрѣляя наиболѣе вдоль ихъ кораблей. Въ восьмомъ часу наступила темнота, вѣтръ началъ уменьшаться, въ самомъ устьѣ пролива флоты смѣшались, и отъ двойнаго теченія одни наши корабли, у Азіатскаго берега бывшіе, выносило изъ Дарданелъ, другіе прижимало къ Европейскимъ крѣпостямъ и несло въ проливъ, съ обѣихъ береговъ коего мраморныя ядра поражали друзей и непріятелей безъ разбору. Для отличія на нашихъ корабляхъ подняли на мачтѣ по три фонаря, Турецкіе корабли, бывшія близъ насъ сдѣлали тоже; и отъ сего нѣсколько времени были биты своими и нашими кораблями. Дабы въ темнотѣ и въ узкости не вредить другъ другу, корабли наши стали выходить изъ проли въ 9 часу кончилось, но

съ нѣкоторыхъ перестрѣлка продолжалась до 11 часу. Бѣгство непріятельскаго флота столь было поспѣшно и безпорядочно, что три корабля стали на мѣль у Азіатской крѣпости. Въ первомъ часу по полуночи, при совершенномъ штилѣ, эскадру нашу вытащило теченіемъ изъ Дарданелъ, и всѣ корабли по сигналу стали на якорь, гдѣ кто находился.

Во время сраженія, Адмиральскій корабль Твердый столько приблизило къ Европейской крѣпости, что пули стали вредить. Адмиралъ приказалъ закрыть фонари и буксировать корабль шлюпками. Потерявъ изъ виду огни, отличающіе корабль Главнокомандующаго, весь флотъ чрезмѣрно былъ симъ обезпокоенъ, и какъ въ сіе время лавировали мы предъ входомъ въ Дарданелы, то проходя, спрашивали другъ друга, гдѣ Адмиралъ? но скоро среди непріятельскаго флота, начался весьма правильный бѣглый огонь, дымъ прочистился, показались три фонаря, и мы крикнули ура! это былъ Сенявинъ. На другой день, когда корабль Сильный поднятымъ съ флагштока въ половину брейдъ-вымпеломъ, извѣстилъ о потерѣ своего Капитанъ-Командора, мы сожалѣя о славной смерти сего достойнаго начальника, обѣщавшаго Отечеству хорошаго Адмирала, еще болѣе опечалены были не видя на стеньгѣ Твердаго Вице-Адмиральскаго флага. Не могу описать общаго при семъ смущенія. Я будучи при повтореніи сигналовъ, первый замѣтилъ сіе и смотря въ зритель-

ную трубу, не видя на стеньгѣ флага, воображалъ или лучше мнѣ казалось, что оный развѣваетъ. Капитанъ, вахтенный Лейтенантъ и другіе Офицеры, бывшіе на палубѣ, также смотрѣли, и ни чего не видя блѣднѣли и не смѣли спросить другъ друга живъ или убитъ Адмиралъ. Матрозы одинъ за однимъ выходили на шканцы, смотрѣли, также боялись сообщить другъ другу свои мысли, искали предлога сойти въ палубу и тамъ въ печальномъ молчаніи клали земные поклоны у образа. Въ такомъ расположеніи духа, подошли мы подъ корму Твердаго. Капитанъ нашъ, вмѣсто обыкновеннаго рапорта, спросилъ: здоровъ ли Адмиралъ? намъ отвѣчали слава Богу! мы еще сомнѣвались; но Дмитрій Николаевичъ показался въ галлереи, въ одно слово раздалось у насъ на фрегатѣ громкое радостное ура; Адмиралъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить, но матрозы не скоро могли умолкнуть и онъ поклонившись ушелъ.

11 Маія поутру три Турецкихъ корабля были довольно подавшись отъ устья Дарданелъ въ море; два изъ нихъ буксировались гребнымъ флотомъ. До 10 часовъ было тихо; когда же въ сіе время вѣтръ подулъ попутный, то эскадра снялась съ якоря, начала соединяться, а въ полдень, когда вѣтръ нѣсколько прибавился, сигналомъ Контръ-Адмиралу Грейгу со кораблями Ретвизаномъ, Селафаиломъ, Скорымъ, Ярославомъ и фрегатомъ Венусомъ приказано видимые непріятельскіе корабли спа-

раться отрѣзать, взять или истребить. Между тѣмъ Турецкіе корабли на всѣхъ парусахъ поспѣшали въ проливъ; нашъ отрядъ догналъ ихъ почти у самыхъ крѣпостей и не возмогши никакъ взять ихъ выше подъ жестокимъ на себя огнемъ, дѣйствовалъ на проходѣ по кораблямъ и флотиліи отмѣнно удачно. Корабли Турецкіе послѣ первыхъ залповъ, отпаливались весьма слабо; истребленіе парусовъ, подбитіе снастей и разрушеніе корпусовъ ихъ, видно было глазами. Непріятель, имѣя въ выгоду свою попутный вѣтръ, который въ то время установился такъ свѣжъ, что и при противномъ теченіи, они подавались впередъ; нашъ же отрядъ, обращенный бортомъ къ теченію, выносило изъ пролива; но за всѣмъ тѣмъ трижды успѣли мы сдѣлать обороты къ нанесенію большаго вреда непріятелю. Гребной флотъ, защищавшій непріятельскій корабль, ставшій на мѣли ниже Азіатской крѣпости, бѣжалъ. Другой корабль, догнанный Селафаиломъ, а послѣ и Ретвизаномъ, бросился на мѣль подъ прикрытіемъ Европейскихъ крѣпостей и своего флота. Вице-Адмиральскій, желая пробраться въ проливъ у Азіатскаго берега, будучи сильно обитъ, бросилъ якорь; потомъ снялся и уклоняясь отъ огня нашего отряда также сталъ на мѣль; близость оной къ Азіатской крѣпости препятствовала атаковать его какъ должно. Между тѣмъ вѣтръ началъ тихнуть, теченіемъ корабли наши снесло ниже Турецкихъ; почему сигналомъ приказа

но отряду Контръ-Адмирала соединиться съ эскадрою. 12-го, флотъ нашъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ у Тенедоса.

Въ сіе сраженіе убито: матрозовъ 26, ранено: Офицеровъ 3, Гардемаринъ 1, Албанскихъ Офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 50 человѣкъ; поврежденія же, какія случились, всѣ на другой день были исправлены. Турецкій флотъ, не взирая на крѣпости, тѣсноту пролива и ночь, уклоняясь отъ сраженія, былъ сильно разбитъ. Три корабля ихъ оказались неспособными къ службѣ, потеря въ людяхъ простиралась до 2000 человѣкъ. Капитанъ-Паша удавилъ Вице-Адмирала и двухъ Капитановъ на кораблѣ своемъ. Спустя нѣсколько дней послѣ сраженія, онъ принялъ Вице-Адмирала очень ласково, но лишъ вышелъ онъ изъ каюты, въ мигъ былъ задавленъ. Поступокъ сей покажется сначала слишкомъ жестокимъ; но входя въ причины, оный не есть таковъ и напротивъ въ немъ заключается доброе намѣреніе. Турки думаютъ иначе о исполненіи смертныхъ приговоровъ, и говорятъ, что лучше умереть нечаянно, нежели продолжительно страдать въ ожиданіи опредѣленной казни. Въ Турціи не объявляютъ преступникамъ о рѣшеніи ихъ судьбы, и выводя его изъ тюрьмы на казнь обыкновенно объявляютъ милость, прощеніе Султана, а какъ многіе въ самомъ дѣлѣ получаютъ оныя, то осужденный вмѣсто страха, конечно мучительнѣйшаго самой смерти, надѣется, ра-

дуется и вдругъ безъ торжественнаго шествія на ешафотъ, безъ грознаго пріуготовленія, нечаянно умерщвляется, и необходимая смерть, опредѣленная закономъ, тѣмъ самымъ по возможности облегчается.

Если въ сраженіи на сухомъ пути, человѣкъ оказываетъ всю силу мужества, то въ морскомъ долженъ имѣть всю неустрашимость; и хотя въ обоихъ управляетъ нами рука Божія, но въ послѣднемъ воля его очевиднѣе. Въ первомъ мы сражаемся и умираемъ только отъ руки сопротивника, не боимся, что земля разступится подъ ногами нашими, не думаемъ взлетѣть на воздухъ, и если проигрываемъ битву, то укрываемся въ крѣпостяхъ, или находимъ спасеніе въ выгодномъ занятіи мѣстъ и искуствѣ своего Полководца. Мореходецъ же, отдѣленный отъ смерти одною доскою, заключенный въ тѣсной плавающей по водѣ крѣпости, въ коей нѣтъ мѣста, гдѣ бы укрывшись можно было съ выгодою поражать непріятеля, сражаясь съ которымъ, еще должно бороться съ вѣтромъ и волнами. Близость земли и удаленіе отъ нея равно могутъ быть бѣдственны. Подводный камень и отмѣль уничтожаетъ его предпріятія, и то, что препятствуетъ одному, служитъ въ выгоду другому. Сею выгодою пользуется только тотъ, кому вѣтръ благопріятствуетъ, или какъ говорится по морскому, кто на вѣтрѣ. Часто самый опытный и храбрый Адмиралъ, завися отъ силы и

перемѣны вѣтра, не можетъ побѣдоноснаго флота своего ни отъ бури спасти, ни воспользоваться одержанною п бѣдою. Въ морскомъ сраженіи смерть является во всѣхъ видахъ. Кромѣ ядра, картечи и пули, бьетъ людей обломками и щепами, летящими отъ бортовъ и мачтъ. При взорваніи и потопленіи, всѣ погибаютъ, счастливый только спасается. Абордажъ превосходитъ ужасъ кровопролитнаго штурма тѣмъ, что побѣжденный въ отчаяніи можетъ зажечь свой корабль, и тогда враги вмѣстѣ летятъ на воздухъ.

12-го Маія, въ то время, какъ тѣло Капитанъ-Командора Игнатьева съ военными почестями предали землѣ въ Тенедоскомъ монастырѣ, Капитанъ нашъ получилъ повелѣніе, для наблюденія непріятельскихъ движеній, итти къ Дарданелламъ. Турецкій флотъ устроивался въ линію близъ крѣпости Ченакъ-Колеси, одинъ же корабль, какъ думать должно, болѣе поврежденный, на буксирѣ канонерскихъ лодокъ шелъ далѣе въ проливъ. 16-го Маія корабль Мощный соединился съ нами, 18-го же Контръ-Адмиралъ Грейгъ съ пятью кораблями остановился предъ устьемъ Дарданелъ, такъ что не только судамъ, ниже лодкамъ, не можно было пройти въ проливъ. Фрегатъ нашъ съ Мощнымъ возвратился въ Тенедосъ.

Капитанъ-Командоръ Игнатьевъ убитъ былъ ядромъ въ голову въ то самое время,

какъ онъ намѣревался свалиться съ непріятельскимъ кораблемъ. Отечество лишилось въ немъ человѣка просвѣщеннаго, мореходца осторожнаго и воина неустрашимаго. Честолюбіе его было основано на истинномъ достоинствѣ, при обширныхъ познаніяхъ, духъ его стремился ко всему изящному и благородному. Пышность въ домашней жизни, совершенное безкорыстіе по службѣ были отличительнѣйшими чертами его характера. Онъ былъ гордъ, но любилъ отличать, награждать своихъ подчиненныхъ; былъ къ несчастію иногда вспыльчивъ, но въ семъ искренне раскаивался; никогда власть свою не употреблялъ во зло и боялся быть несправедливымъ.

Островъ Ипсеръ.

21-го Маія получили мы съ корсеромъ Иридою повелѣніе, сдѣлать поискъ надъ появившимся въ Архипелагѣ Французскимъ о 28 пушкахъ корсеромъ, и потомъ подъ Смирною простоять нѣсколько времени для наблюденія 10-ти купеческихъ судовъ, готовившихся оттуда выдти. Въ ночь на 23-е число корсеръ Ирида отсталъ отъ насъ, а мы, прошедъ весьма близко южный мысъ острова Ипсеро, легли въ дрейфъ. Поутру находясь противу порта Санъ Николо, Капитанъ приказалъ мнѣ съ 2-мя вооруженными гребными судами осмотрѣть, нѣтъ ли въ числѣ 18 судовъ, стоявшихъ въ гавани, Французскаго корсера. Старшина остро-

ва, ѣхавшій на фрегатъ, встрѣтился со мною и увѣрялъ, что если бы Французскій корсеръ осмѣлился притти къ нимъ, то непремѣнно былъ бы взятъ. Не взирая на его увѣренія, я осмотрѣлъ всѣ суда и не нашедъ ничего подозрительнаго, вышелъ на пристань. Городъ Санъ-Николо построенъ на мысу; улицы въ немъ прямы; посреди города лежитъ площадь, съ прекрасною церковью; домы каменные двуэтажные Европейской архитектуры; нижнія жилья служатъ для складки товаровъ. Псаріоты, также какъ и Идріоты, почитаются искусными морскими промышленниками. Островъ ихъ безплоденъ; они живутъ моремъ, имѣютъ прекрасныя суда и очень зажиточны. На ихъ содержаніи два корсера служили при нашемъ флотѣ. Портъ не великъ, открытъ только юговосточнымъ вѣтрамъ, и суда на глубинѣ отъ 5 до 9 саженъ, грунтъ илъ, находятъ въ немъ хорошее пристанище. Хотя было еще очень рано, однакоже народъ толпился вокругъ насъ. Я, чтобъ увидѣть городъ, только пробѣжалъ по немъ, и по усильной прозбѣ принужденъ былъ войти въ одинъ домъ, гдѣ подали мнѣ завтракъ; другіе также просили сдѣлать имъ честь, но торопясь возвратиться на фрегатъ, я отказался и пошелъ къ пристани.

Оставя Ипсеро, мы плыли вдоль западной стороны острова Хіо, гдѣ представляется взорамъ обрывистый каменный утесъ, и дошедъ до Никаріи поворотили на востокъ. За симъ островомъ виденъ былъ Патмосъ, гдѣ святый

Іоаннъ въ заточеніи написалъ Апокалипсисъ. Островъ сей, какъ и Никарія, покрытъ прекрасною зеленью и лѣсомъ. Никарія получилъ имя свое отъ Икара, дерзостнаго сына Дедалова, который приближась къ солнцу растопилъ восковыя свои крылья и упалъ въ море близь острова Иктіозы, съ того времени названнаго Икара, а нынѣ Никарія. Хотя день былъ очень жаркой, однакожъ наши крылья не растопились, и мы продолжая плыть по Сѣверную сторону Самоса, 24-го Маія въ вечеру бросили якорь въ небольшой серповидной гавани, называемой Вохти. Она открыта отъ Сѣвернаго и западнаго вѣтра и имѣетъ 22 сажени глубины, грунтъ илъ.

Островъ Самосъ.

Лишь только положили мы якорь, посланные отъ города поздравили насъ съ прибытіемъ и на двухъ лодкахъ въ подарокъ для команды привезли зелени, плодовъ, мяса и вина; они ходатайствовали за добраго своего Турецкаго Губернатора, который узнавъ о нашемъ приходѣ, оставилъ городъ въ намѣреніи удалиться съ острова. Капитанъ приказалъ увѣрить его, что бы онъ, если Греки имъ довольны, не опасался Рускихъ. Чтобы узнать достовѣрно, гдѣ находится Францускій корсеръ, послали гонцовъ во всѣ гавани острова.

На другой день нашего пребыванія въ Самосѣ было Воскресенье; мы поѣхали къ обѣднѣ въ городъ. Оный выстроенъ на горѣ въ

двухъ верстахъ отъ гавани, вокругъ набережной коея, видно нѣсколько магазейновъ и лавочекъ. Церковь только что отстроена, снаружи пріятнаго вида, а внутри живопись на образахъ столь дурна, что лики святыхъ не иначе какъ по надписямъ узнать можно. Иконостасъ расписанъ золотомъ, голубою и красною краскою и украшается маленькими одна на одной поставленными витыми колоннами. Для женщинъ хоры съ рѣшеткою, закрыты занавѣсомъ. Для стариковъ по сторонамъ сдѣланы родъ креселъ, въ которыхъ не сидѣть, но прислониться можно. При выносѣ упоминали имя Государя, которое распространило въ церквѣ молчаніе, и всѣ слушатели положили земной поклонъ съ благоговѣніемъ. Сколь намъ было сіе пріятно, всякой Руской сердцемъ удобно можетъ себѣ представить. Здѣшній дьячекъ, старикъ лѣтъ 60-ти, славится своимъ пѣніемъ, голосъ его чистъ и громокъ; онъ пѣлъ съ такою страстію, силою и напряженіемъ, что трудъ его по справедливости немаловаженъ. Голова его безпрестанно обращалась къ небу, руки попеременно прилагалъ онъ къ сердцу или простиралъ къ олтарю, весь дрожалъ и находился въ полномъ изступленіи. Носовой напѣвъ его имѣетъ нѣчто особенное, ибо всѣхъ слушателей приводилъ въ священный восторгъ.

Городъ, называемый Копа, расположенъ неправильно; въ немъ есть кривыя, прямыя, широкія и узкія улицы, каждая площадь съ фонтаномъ. Домы Италіянскаго и восточнаго вкуса,

[illegible] ... любов-
[illegible]
[illegible] прекрасный несравненный
[illegible] ко-
торые [illegible] деревянными [illegible].
Зачемъ открыть имъ солнца положить: въ
[illegible] одна можно сидѣть
подъ[illegible] ноги, разложены пестрые шелковые
ковры, а возлѣ нихъ мягкая лавка.

Архонтъ [illegible] которое несетъ Греческій Начальникъ городишь, пригласилъ насъ къ себѣ. Когда проходили мы городомъ, толпа народа или лучше весь городъ шелъ за нами. На площади у фонтана дѣвицы, [illegible] умыть можно по [illegible] и опущенными [illegible], оставляя свои кувшины, подносили намъ букеты цвѣтовъ, коими они украшаютъ головы. Архонтъ богатъ, домъ его убранъ великолѣпно, но безъ вкуса. Каменныя стѣны обиты рѣзными кипарисными досками. Рѣзьба не много лучше той, которою наши [illegible] украшаютъ свои корабли. Насъ ввели въ большую комнату, круглую въ окнахъ, стекла въ нихъ круглыя и разноцвѣтныя какъ въ мечетяхъ; потолокъ испещренъ красными, голубыми и золотыми полосками, исходящими отъ одного круга, въ центрѣ коего подвѣшана хрустальная люстра. Пре-

красные ковры и пестрые шелковые диваны на полу по Турецки составляютъ лучшее убранство въ восточномъ вкусѣ, и угощеніе было также по Азіатски. Вопервыхъ подали кофе и трубки, потомъ облили всѣхъ розовою водою, накурили комнату ладономъ и мастикою, наконецъ сама хозяйка поднесла медовые миндальные пирожки, варенье съ перцомъ, шербетъ съ Амброю, ликеры и вино также съ ароматами, а въ заключеніе сушенныя дынныя сѣмячки. При прощаніи каждаго изъ насъ одарили, даже и вѣстовыхъ — кому достался цитронъ, кому шитой кисетъ для табаку, кому позолоченая трубка, кому мастиковыя четки или рѣзной образокъ трудовъ затворниковъ Аѳонскихъ, и наконецъ одному синяго стекла стаканчикъ, а послѣднему горсть табаку.

Архонтъ просилъ удостоить присутствіемъ нашимъ ихъ праздничныя забавы. Мы пошли къ пристани, и на лугу возлѣ города увидѣли толпы женщинъ и мущинъ. Насъ привели въ загородной домъ Англинскаго Консула и посадили на балконѣ. Нарядъ женщинъ, сохранившій нѣчто отъ древнихъ одеждъ, нравится еще болѣе по тому, что молодыя вообще пригожи, и даже изъ пожилыхъ нѣтъ ни одной дурнаго лица. Тюникъ достигаетъ только до колѣнъ, и держится на бѣломъ шелковомъ или серебряномъ парчевомъ поясѣ. Широкіе шировары изъ полосатаго весьма прозрачнаго флеру, подвязываются розовыми лен-

шами къ желтымъ или краснымъ мештямъ (Турецкіе башмаки). Женщины носятъ небольшой тюрбанъ и шаль, два конца отъ тюрбана вышитые шелкомъ или золотою битью, опускаются сзади, два локона впереди ихъ падаютъ на открытую шею. Дѣвицы плетутъ волосы въ мѣлкія косы и опускаютъ ихъ по плечамъ. Шея и руки у всѣхъ нагія, грудь едва прикрыта розовою дымкою. Черные волосы при бѣлизнѣ и свѣжести лица, глаза полные огня и стыдливости, величавый ростъ, тонкій станъ, брови дугою, какъ бы нарисованныя, стройность всѣхъ членовъ, и правильныя черты лица, дѣлаютъ наружность женщинъ столь необычайною и прелестною, что не смотря на неловкость ихъ, воображеніе находитъ въ нихъ подобіе съ тѣми образцами, коими Греческіе ваятели и живописцы безсомнѣнія руководствовалися для совершеннѣйшаго произведенія умственной красоты въ изображаемыхъ ими богиняхъ и нимфахъ. Начались пляски и я могу сказать, что видѣлъ Олимпійскія игры. Скрыпка, тимпанъ и бубенчикъ, сопровождаемые унылымъ и тихимъ пѣніемъ, составляли музыку. Пляшущія держались рука за руку. Вожатый пѣлъ съ разстановками стиховъ, прочіе повторяли только послѣднія его слова. Между тѣмъ всѣ вдругъ и согласно, подымая руки вверхъ, плавно переступая съ ноги на ногу, и всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону наклоняясь, медленно обходили кругомъ. За сею пан-

томиною, также при унылой но нѣсколько скорой музыки, послѣдовала круговая пляска, въ которой танцующія, кружатся разными оборотами, развиваются и опять сходятся въ кругъ. Сія пляска совершенно подобная тѣмъ, кои мы видимъ въ Греческихъ Барельефахъ, можетъ быть одна только сохранилась отъ времени учрежденія Олимпійскихъ игръ. Она-то по глубокой ли старинѣ своей, или по особенной нѣкоей пріятности, производитъ великое дѣйствіе надъ зрителями; ибо и тѣ, кои не пляшутъ, даже старики, сопровождаютъ сидя каждое движеніе пляшущихъ, или умильнымъ взглядомъ, или движеніемъ ногъ своихъ.

Самосъ лежитъ противу Ефеса, и отдѣляется отъ малой Азіи Микальскимъ проливомъ. Островъ сей посвященъ былъ Юнонѣ. Въ великолѣпномъ ея храмѣ ежегодно отправлялось торжество въ воспоминаніе бракосочетанія ея съ Юпитеромъ. Въ сіе время юношество всей Греціи стекалось въ Самосъ. Антоній и Клеопатра, приготовляя флотъ противу Октавія, въ одно таковое празднество расточали столько сокровищъ на театрахъ и играхъ, что и самые Самосцы, чрезмѣру любившіе забавы, говорили: чтожъ они будутъ дѣлать одержавъ побѣду, естьли такъ веселятся прежде сраженія? Кучи камней и мраморовъ, близъ порта Вохти показываемыхъ, мраморная стѣна, упавшая въ море, обломки

колоннъ, капителей, водопроводовъ, какъ увѣряли меня, суть остатки древняго Самоса. Въ 3-хъ верстахъ отъ города сохранились отъ Юнонина капища только три колонны Іоническаго ордена; я ихъ не видалъ, и не имѣлъ любопытства видѣть, по тому что множество мраморныхъ столповъ, безсомнѣнія также составлявшихъ храмы, или иныя зданія, валялись близъ самой гавани. Самосъ славился рожденіемъ въ немъ Философа Пиѳагора, ревностнаго защитника переселенія душъ; Сивиллы, предсказавшей рожденіе Іисуса Христа, и тирана Поликрата, который послѣ преблагополучной жизни, позналъ изъ опыта, что никто не долженъ себя почитать совершенно щастливымъ прежде смерти.

Самосъ почитается изъ числа изобильнѣйшихъ Архипелажскихъ острововъ. Поверхность его покрыта горами, называемыми Ампелосъ, на скатахъ коихъ произрастаетъ виноградъ, дающій мускатное вино, извѣстное у насъ подъ именемъ Малвазіи. Самые вкусные плоды поспѣваютъ здѣсь два раза въ годъ. Палящій зной, освѣжаемый морскими вѣтрами и ночною росою, содержитъ землю всегда влажною. Хлопчатая бумага, шерсть и масло, доставляютъ жителямъ значительныя выгоды; сверхъ того здѣсь дѣлаютъ шелковыя матеріи и легкое полусукно, употребляемое Греками и Турками.

Греки строго наблюдая посты, большую часть года питаются рыбою, съ отмѣннымъ вкусомъ ее приготовляютъ и съ отличнымъ искуствомъ умѣютъ ее ловить. Они употребляютъ наметъ или круглую шелковую сѣтку. Въ тихую погоду, молодые люди, вмѣсто прогулки ходятъ по берегу, и замѣтивъ рыбу, бросаютъ наметъ съ руки, такъ искусно, что оный разстилается по водѣ, помощію грузилъ тотчасъ опускается и стягиваемый снуркомъ становится мѣшкомъ. Надобно имѣть привычку, ловкость и проворство, что бы симъ образомъ поймать рыбу.

Крейсерованіе между Хіо, Чесмою и Метеленомъ.

По прибытіи изъ Тенедоса корсера Панагеи съ повелѣніемъ отъ Главнокомандующаго, 28-го Маія снялись мы съ якоря, и пошли къ востоку. Прибывъ въ Микальскій проливъ, мы крейсеровали тутъ въ ожиданіи корсера, который пошелъ къ западу вокругъ Самоса. Вѣтри были тихіе и перемѣнные, погода прекраснѣйшая. Берегъ малой Азіи низокъ, весь покрытъ зеленью и множествомъ Турецкихъ селеній, кои примѣтны по прекраснымъ минаретамъ, украшеннымъ позлащенными лунами. Видимыя поля кажется весьма тщательно обработаны. Смотря на сіи достопамятныя въ исторіи мѣста, исполненныя славою человѣческихъ дѣяній, представлялись мыслямъ

развалины древнаго великолѣпія Греціи: тутъ каждый шагъ ознаменованъ славнымъ событіемъ и памятникомъ. Взирая на нихъ только издали, не возможно было не сожалѣть, что проходишь мимо. Я довольствовался зрѣніемъ въ трубу, приводилъ на память бытописанія, отыскивалъ древніе грады, и не хотѣлъ вѣрить, чтобы бѣдныя деревнишки Аязалукъ и Фигена стояли на мѣстахъ прекраснаго Каистра и Ефеса, славнаго Діаниными храмомъ, почитавшимся въ числѣ седьми чудесъ свѣта. Въ построеніи сего зданія, украшавшагося 127 столбами, сооруженными 127 Царями, Іоняне только чрезъ 200 лѣтъ привели его къ окончанію. Геростратъ, желая заслужить безсмертіе, въ тотъ самый день, когда родился Александръ Македонскій, сжегъ сей храмъ; и не обманулся, имя его осталось въ исторіи и сохраняется въ потомствѣ точно также какъ и всѣхъ злодѣевъ, которые не одинъ храмъ, но цѣлыя Государства предавали огню и мечу. Въ Христіянскія времена Ефесъ извѣстенъ третьимъ Вселенскимъ Соборомъ противъ Несторія, признававшаго единое только естество въ Іисусѣ Христѣ. И тутъ, гдѣ церковь осуждала съ толикою ревностію поклоненіе иконамъ, ничего инаго не видно, кромѣ изломанныхъ изображеній Боговъ язычества. Близъ Ефеса находится пещера седьми отроковъ, спавшихъ 200 лѣтъ. Чистыя воды Меандра, и теперь извиваются не въ

дальномъ разстояніи отъ Каистра: но лебеди, какъ не стало въ Греціи стихотворцевъ, уже болѣе не поютъ. Отечество Иродота, Гиппократа и Өалеса, города Милетъ, Галикарнасъ и Книдъ, Мавзолова гробница и капище Книдской Венеры, также въ окрестности Ефеса находились. Въ Ефесѣ преставился Святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Апостолъ Павелъ писалъ къ гражданамъ его посланіе; онъ же гору Мимасъ, имѣющую раздвоенную вершину, просѣкъ мечемъ. Воспоминаніе баснословныхъ временъ и идолопоклоническаго служенія не столько занимали мое воображеніе, сколько воспоминанія дѣяній Апостоловъ, проповѣдывавшихъ въ сихъ мѣстахъ вѣру. Берегъ отъ Ефеса къ Хіо низокъ, очень населенъ и по видимому хорошо воздѣланъ. Множество минаретовъ въ видѣ колоннъ и бѣлыхъ пирамидъ, длинныя и узкія наподобіе стрѣлъ трубы, строеніе домовъ совсѣмъ отличное отъ нашего, украшая веселое мѣстоположеніе, придаютъ прелестный видъ даже и маленькимъ хижинамъ.

31-го Маія, соединившись съ Панагеею, въ проливѣ между Хіо и Чесмою, взяли мы двѣ Соколевы съ пшеницею. Тутъ древніе герои Греціи уступаютъ мѣсто Рускимъ. Имена Орлова, Спиридова и Ильина навсегда сохранятся въ исторіи вѣка Екатерины Великой. Я съ особливымъ любопытствомъ разсматривалъ мѣсто сраженія, гдѣ Адмиралъ Спиридовъ разбилъ Турецкій флотъ, и удивлялся,

Іоаннъ въ заточеніи написалъ Апокалипсисъ. Островъ сей, какъ и Никарія, покрытъ прекрасною зеленью и лѣсомъ. Никарія получилъ имя свое отъ Икара, дерзостнаго сына Дедалова, который приближась къ солнцу растопилъ восковыя свои крылья и упалъ въ море близь острова Иктіозы, съ того времени названнаго Икара, а нынѣ Никарія. Хотя день былъ очень жаркой, однакожъ наши крылья не растопились, и мы продолжая плыть по Сѣверную сторону Самоса, 24-го Маія въ вечеру бросили якорь въ небольшой серповидной гавани, называемой Вохти. Она открыта отъ Сѣвернаго и западнаго вѣтра и имѣетъ 22 сажени глубины, грунтъ илъ.

Островъ Самосъ.

Лишь только положили мы якорь, посланные отъ города поздравили насъ съ прибытіемъ и на двухъ лодкахъ въ подарокъ для команды привезли зелени, плодовъ, мяса и вина; они ходатайствовали за добраго своего Турецкаго Губернатора, который узнавъ о нашемъ приходѣ, оставилъ городъ въ намѣреніи удалиться съ острова. Капитанъ приказалъ увѣрить его, что бы онъ, если Греки имъ довольны, не опасался Рускихъ. Чтобы узнать достовѣрно, гдѣ находится Француской корсеръ, послали гонцовъ во всѣ гавани острова.

На другой день нашего пребыванія въ Самосѣ было Воскресенье; мы поѣхали къ обѣднѣ въ городъ. Оный выстроенъ на горѣ въ

двухъ верстахъ отъ гавани, вокругъ набережной коея, видно нѣсколько магазейновъ и лавочекъ. Церковь только что отстроена, снаружи пріятнаго вида, а внутри живопись на образахъ столь дурна, что лики святыхъ не иначе какъ по надписямъ узнать можно. Иконостасъ расписанъ золотомъ, голубою и красною краскою и украшается маленькими одна на одной поставленными витыми колоннами. Для женщинъ хоры съ рѣшеткою, закрыты занавѣсомъ. Для стариковъ по сторонамъ сдѣланы родъ креселъ, въ которыхъ не сидѣть, но прислониться можно. При выносѣ упоминали имя Государя, которое распространило въ церквѣ молчаніе, и всѣ слушатели положили земной поклонъ съ благоговѣніемъ. Сколь намъ было сіе пріятно, всякой Руской сердцемъ удобно можетъ себѣ представить. Здѣшній дьячекъ, старикъ лѣтъ 60-ти, славится своимъ пѣніемъ, голосъ его чистъ и громокъ; онъ пѣлъ съ такою страстію, силою и напряженіемъ, что трудъ его по справедливости немаловаженъ. Голова его безпрестанно обращалась къ небу, руки поперемѣнно прилагалъ онъ къ сердцу или простиралъ къ олтарю, весь дрожалъ и находился въ полномъ изступленіи. Носовой напѣвъ его имѣетъ нѣчто особенное, ибо всѣхъ слушателей приводилъ въ священный восторгъ.

Городъ, называемый Копа, расположенъ неправильно; въ немъ есть кривыя, прямыя, широкія и узкія улицы, каждая площадь съ фонтаномъ. Домы Италіянскаго и восточнаго вкуса,

кто имѣетъ прекрасную жену и ревнивъ, то по Турецки окна на дворъ; кто рѣдко бываетъ дома и имѣетъ довѣренность къ своей любезной, у того окна на улицу; домъ съ балкономъ и террасою. Словомъ всякой строится какъ ему вздумается. Тутъ подметено, тамъ куча сору, тутъ прекрасный раскрашенный домъ, возлѣ него хижина безъ окончинъ, которыя замѣняются деревянными рѣшетками. Базаръ закрытъ отъ солнца полотномъ; въ низкихъ лавочкахъ, гдѣ едва можно сидѣть поджавъ ноги, разложены пестрые шелковые товары, а возлѣ нихъ мясная лавка.

Архонтъ, славное титло, которое носятъ Греческіе Начальники городовъ, пригласилъ насъ къ себѣ. Когда проходили мы городомъ, толпа народа или лучше весь городъ шелъ за нами. На площади у фонтана дѣвицы, (ибо ихъ узнать можно по заплетеннымъ и опущеннымъ косамъ), оставляя свои кувшины, подносили намъ букеты цвѣтовъ, коими они украшаютъ головы. Архонтъ богатъ, домъ его убранъ великолѣпно, но безъ вкуса. Каменныя стѣны обиты рѣзными кипарисными досками. Рѣзба не много лучше той, которою наши ямщики украшаютъ свои ворота. Насъ ввели въ большую комнату, кругомъ въ окнахъ, стекла въ нихъ круглыя и разноцвѣтныя какъ въ мечетяхъ; потолокъ испещренъ красными, голубыми и золотыми полосками, исходящими отъ одного круга, въ центрѣ коего подвѣшана хрустальная люстра. Пре-

красные ковры и пестрые шелковые диваны на полу по Турецки составляютъ лучшее убранство въ восточномъ вкусѣ, и угощеніе было также по Азіатски. Вопервыхъ подали кофе и трубки, потомъ облили всѣхъ розовою водою, накурили комнату ладономъ и мастикою, наконецъ сама хозяйка поднесла медовые миндальные пирожки, варенье съ перцомъ, шербетъ съ Амброю, ликеры и вино также съ ароматами, а въ заключеніе сушенныя дынныя сѣмячки. При прощаніи каждаго изъ насъ одарили, даже и вѣстовыхъ — кому достался цитронъ, кому шитой кисетъ для табаку, кому позолоченая трубка, кому мастиковыя четки или рѣзной образокъ трудовъ затворниковъ Аѳонскихъ, и наконецъ одному синяго стекла стаканчикъ, а послѣднему горсть табаку.

Архонтъ просилъ удостоить присутствіемъ нашимъ ихъ праздничныя забавы. Мы пошли къ пристани, и на лугу возлѣ города увидѣли толпы женщинъ и мущинъ Насъ привели въ загородной домъ Англинскаго Консула и посадили на балконѣ. Нарядъ женщинъ, сохранившій нѣчто отъ древнихъ одѣждъ, нравится еще болѣе по тому, что молодыя вообще пригожи, и даже изъ пожилыхъ нѣтъ ни одной дурнаго лица. Тюникъ достигаетъ только до колѣнъ, и держится на бѣломъ шелковомъ или серебряномъ парчевомъ поясѣ. Широкіе шировары изъ полосатаго весьма прозрачнаго флеру, подвязываются розовыми лен-

шами къ желтымъ или краснымъ мештямъ (Турецкіе башмаки). Женщины носятъ небольшой тюрбанъ и шаль, два конца отъ тюрбана вышитые шелкомъ или золотою битью, опускаются сзади, два локона впереди ихъ падаютъ на открытую шею. Дѣвицы плетутъ волосы въ мѣлкія косы и опускаютъ ихъ по плечамъ. Шея и руки у всѣхъ нагія, грудь едва прикрыта розовою дымкою. Черные волосы при бѣлизнѣ и свѣжести лица, глаза полные огня и стыдливости, величавый ростъ, тонкій станъ, брови дугою, какъ бы нарисованныя, стройность всѣхъ членовъ, и правильныя черты лица, дѣлаютъ наружность женщинъ столь необычайною и прелестною, что не смотря на неловкость ихъ, воображеніе находитъ въ нихъ подобіе съ тѣми образцами, коими Греческіе ваятели и живописцы безсомнѣнія руководствовалися для совершеннѣйшаго произведенія умственной красоты въ изображаемыхъ ими богиняхъ и нимфахъ. Начались пляски и я могу сказать, что видѣлъ Олимпійскія игры. Скрыпка, тимпанъ и бубенчикъ, сопровождаемые унылымъ и тихимъ пѣніемъ, составляли музыку. Пляшущія держались рука за руку. Вожатый пѣлъ съ разстановками стихъ, прочіе повторяли только послѣднія его слова. Между тѣмъ всѣ вдругъ и согласно, подымая руки вверхъ, плавно переступая съ ноги на ногу, и всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону наклонясь, медленно обходили кругомъ. За сею пан-

томиною, также при унылой но нѣсколько скорой музыки, послѣдовала круговая пляска, въ которой танцующія, кружатся разными оборотами, развиваются и опять сходятся въ кругъ. Сія пляска совершенно подобная тѣмъ, кои мы видимъ въ Греческихъ Барельефахъ, можетъ быть одна только сохранилась отъ времени учрежденія Олимпійскихъ игръ. Она-то по глубокой ли старинѣ своей, или по особенной нѣкоей пріятности, производитъ великое дѣйствіе надъ зрителями; ибо и тѣ, кои не пляшутъ, даже старики, сопровождаютъ сидя каждое движеніе пляшущихъ, или умильнымъ взглядомъ, или движеніемъ ногъ своихъ.

Самосъ лежитъ противу Ефеса, и отдѣляется отъ малой Азіи Микальскимъ проливомъ. Островъ сей посвященъ былъ Юнонѣ. Въ великолѣпномъ ея храмѣ ежегодно отправлялось торжество въ воспоминаніе бракосочетанія ея съ Юпитеромъ. Въ сіе время юношество всей Греціи стекалось въ Самосъ. Антоній и Клеопатра, приготовляя флотъ противу Октавія, въ одно таковое празднество расточали столько сокровищъ на театрахъ и играхъ, что и самые Самосцы, чрезмѣру любившіе забавы, говорили: чтожъ они будутъ дѣлать одержавъ побѣду, естьли такъ веселятся прежде сраженія? Кучи камней и мраморовъ, близъ порта Вохти показываемыхъ, мраморная стѣна, упавшая въ море, обломки

колоннъ, капителей, водопроводовъ, какъ увѣряли меня, суть остатки древняго Самоса. Въ 3-хъ верстахъ отъ города сохранились отъ Юнонина капища только три колонны Іоническаго ордена; я ихъ не видалъ, и не имѣлъ любопытства видѣть, по тому что множество мраморныхъ столповъ, безсомнѣнія также составлявшихъ храмы, или иныя зданія, валялись близъ самой гавани. Самосъ славился рожденіемъ въ немъ Философа Пиѳагора, ревностнаго защитника переселенія душъ; Сивиллы, предсказавшей рожденіе Іисуса Христа, и тирана Поликрата, который послѣ преблагополучной жизни, позналъ изъ опыта, что никто не долженъ себя почитать совершенно щастливымъ прежде смерти.

Самосъ почитается изъ числа изобильнѣйшихъ Архипелажскихъ островов. Поверхность его покрыта горами, называемыми Ампелосъ, на скатахъ коихъ произрастаетъ виноградъ, дающій мускатное вино, извѣстное у насъ подъ именемъ Малвазіи. Самые вкусные плоды поспѣваютъ здѣсь два раза въ годъ. Палящій зной, освѣжаемый морскими вѣтрами и ночною росою, содержитъ землю всегда влажною. Хлопчатая бумага, шерсть и масло, доставляютъ жителямъ значительныя выгоды; сверхъ того здѣсь дѣлаютъ шелковыя матеріи и легкое полусукно, употребляемое Греками и Турками.

Греки строго наблюдая посты, большую часть года питаются рыбою, съ отмѣннымъ вкусомъ ее приготовляютъ и съ отличнымъ искуствомъ умѣютъ ее ловить. Они употребляютъ наметъ или круглую шелковую сѣтку. Въ тихую погоду, молодые люди, вмѣсто прогулки ходятъ по берегу, и замѣтивъ рыбу, бросаютъ наметъ съ руки, такъ искусно, что оный разстилается по водѣ, помощію грузилъ тотчасъ опускается и стягиваемый снуркомъ становится мѣшкомъ. Надобно имѣть привычку, ловкость и проворство, что бы симъ образомъ поймать рыбу.

Крейсерованіе между Хіо, Чесмою и Метеленомъ.

По прибытіи изъ Тенедоса корсера Панагеи съ повелѣніемъ отъ Главнокомандующаго, 28-го Маія снялись мы съ якоря, и пошли къ востоку. Прибывъ въ Микальскій проливъ, мы крейсеровали тутъ въ ожиданіи корсера, который пошелъ къ западу вокругъ Самоса. Вѣтри были тихіе и перемѣнные, погода прекраснѣйшая. Берегъ малой Азіи низокъ, весь покрытъ зеленью и множествомъ Турецкихъ селеній, кои примѣтны по прекраснымъ минаретамъ, украшеннымъ позлащенными лунами. Видимыя поля кажется весьма тщательно обработаны. Смотря на сіи достопамятныя въ исторіи мѣста, исполненныя славою человѣческихъ дѣяній, представлялись мыслямъ

развалины древняго великолѣпія Греціи: тутъ каждый шагъ ознаменованъ славнымъ событіемъ и памятникомъ. Взирая на нихъ только издали, не возможно было не сожалѣть, что проходишь мимо. Я довольствовался зрѣніемъ въ трубу, приводилъ на память бытописанія, отыскивалъ древніе грады, и не хотѣлъ вѣрить, чтобы бѣдныя деревнишки Аязалукъ и Фигена стояли на мѣстахъ прекраснаго Каистра и Ефеса, славнаго Діаниными храмомъ, почитавшимся въ числѣ седьми чудесъ свѣта. Въ построеніи сего зданія, украшавшагося 127 столбами, сооруженными 127 Царями, Іоняне только чрезъ 200 лѣтъ привели его къ окончанію. Геростратъ, желая заслужить безсмертіе, въ тотъ самый день, когда родился Александръ Македонскій, сжегъ сей храмъ; и не обманулся, имя его осталось въ исторіи и сохраняется въ потомствѣ точно также какъ и всѣхъ злодѣевъ, которые не одинъ храмъ, но цѣлыя Государства предавали огню и мечу. Въ Христіанскія времена Ефесъ извѣстенъ третьимъ Вселенскимъ Соборомъ противъ Несторія, признававшаго единое только естество въ Іисусѣ Христѣ. И тутъ, гдѣ церковь осуждала съ толикою ревностію поклоненіе иконамъ, ничего инаго не видно, кромѣ изломанныхъ изображеній Боговъ язычества. БлизъЕфеса находится пещера седьми отроковъ, спавшихъ 200 лѣтъ. Чистыя воды Меандра, и теперь извиваются не въ

дальномъ разстояніи отъ Каистра: но лебеди, какъ не стало въ Греціи стихотворцевъ, уже болѣе не поютъ. Отечество Иродота, Гиппократа и Θалеса, города Милетъ, Галикарнасъ и Книдъ, Мавзолова гробница и капище Книдской Венеры, также въ окрестности Ефеса находились. Въ Ефесѣ преставился Святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Апостолъ Павелъ писалъ къ гражданамъ его посланіе; онъ же гору Мимасъ, имѣющую раздвоенную вершину, просѣкъ мечемъ. Воспоминаніе баснословныхъ временъ и идолопоклоническаго служенія не столько занимали мое воображеніе, сколько воспоминанія дѣяній Апостоловъ, проповѣдывавшихъ въ сихъ мѣстахъ вѣру. Берегъ отъ Ефеса къ Хіо низокъ, очень населенъ и по видимому хорошо воздѣланъ. Множество минаретовъ въ видѣ колоннъ и бѣлыхъ пирамидъ, длинныя и узкія наподобіе стрѣлъ трубы, строеніе домовъ совсѣмъ отличное отъ нашего, украшая веселое мѣстоположеніе, придаютъ прелестный видъ даже и маленькимъ хижинамъ.

31-го Маія, соединившись съ Панагеею, въ проливѣ между Хіо и Чесмою, взяли мы двѣ Соколевы съ пшеницею. Тутъ древніе герои Греціи уступаютъ мѣсто Рускимъ. Имена Орлова, Спиридова и Ильина навсегда сохранятся въ исторіи вѣка Екатерины Великой. Я съ особливымъ любопытствомъ разсматривалъ мѣсто сраженія, гдѣ Адмиралъ Спиридовъ разбилъ Турецкій флотъ, и удивлялся,

какъ 15 линейныхъ кораблей и 25 другихъ мѣлкихъ судовъ, могли помѣститься въ Чесменской губѣ, которой небольшая величина конечно могла подать мысль сжечь ихъ, и мужественный Ильинъ столь удачно ввелъ брандеръ въ Турецкій флотъ, что онаго чрезъ 5 часовъ не стало. Иностранные писатели, по предубѣжденію и пристрастію, славу истребителей Оттоманской морской силы, приписали своимъ одноземцамъ. Орловъ, удостоенный титла Чесменскаго, замѣненъ Контръ-Адмираломъ Елфистономъ, а подвигъ Ильина приписанъ Дугдалю, и какъ по видимому не кѣмъ было замѣнить Спиридова, то они о немъ и не упомянули. Въ одномъ Англинскомъ изданіи Гутрая о сожженіи Турецкаго флота сказано: „Дугдаль, Лейтенантъ въ Россійской службѣ, при столь опасномъ и отважномъ предпріятіи, оставленный своими подчиненными, одинъ, подвелъ брандеръ къ Турецкому кораблю.“ Сими-то ложными сказаніями, когда дѣло сіе еще находится у всѣхъ въ свѣжей памяти, и когда участвовавшіе въ семъ сраженіи еще живутъ, хотятъ отнять честь у Руских предводителей, и не довольствуясь симъ, стараются унизить храбрость и извѣстное послушаніе и подчиненность Россійскихъ воиновъ.

Два дни лавировали мы между Хіо и Чесмою. Хіо являетъ взору обширный садъ, простирающійся отъ краевъ моря по скатамъ горъ, коихъ голыя вершины отъ сѣвера,

запада и юга, составляютъ ограду, въ коей лимоны, апельсины, померанцы, и лучшаго сорту виноградъ, будучи обращены къ востоку, какъ въ оранжереѣ, достигаютъ послѣдняго совершенства. Хіо въ древности имѣлъ 36 городовъ, и назывался житницею Римскаго народа. Нынѣ города замѣнены деревнями, а хлѣбныя пашни садами, столь хорошо обработанными, что Хіо по справедливости почитается лучшимъ и плодоноснѣйшимъ островомъ въ Архипелагѣ. Шелковыя, парчевыя и штофныя издѣлія, приносятъ жителямъ великія выгоды въ торговлѣ. Мастика, родъ весьма пріятнаго запаха смолы, текущей изъ пня и вѣтвей Лентисковаго дерева, съ великимъ стараніемъ здѣсь разводимаго, составляетъ главнѣйшій доходъ правительства. 2500 пудовъ перваго разбора мастики отправляется ко двору. Серальскія красавицы, дабы сдѣлать дыханіе пріятнымъ, безпрестанно ее жуютъ, отъ нея десны укрѣпляются, а зубы получаютъ бѣлизну.

Хіо присвоиваетъ себѣ честь рожденіемъ Гомера. Въ недальномъ разстояніи отъ города показываютъ квадратный домикъ, которой жители называютъ школою Гомера. Почтеніе Грековъ ко всему, что имѣетъ сношеніе съ симъ великимъ Стихотворцемъ, сохранило сей древній памятникъ. На семъ же островѣ, развалины одного зданія почитаютъ Нептуновымъ храмомъ, недалеко отъ коего течетъ ручей, котораго вода дѣлала древ-

нихъ безумными; обстоятельства теперь перемѣнились; вода нынѣ ни кому не вредитъ, однакожъ многіе сходятъ съ ума, только не отъ воды, а отъ красавицъ. Трагическій стихотворецъ Іонъ, Историкъ Ѳеопомпъ и Философъ Ѳеокритъ были гражданами Хіо.

Городъ Хіо защищается четвероугольною крѣпостью, въ коей Турки всегда содержатъ 10,000 гарнизона. Строеніе, занимающее довольное пространство возлѣ крѣпости и вокругъ гавани, какъ домы такъ и церкви, новой Европейской Архитектуры. Здѣшніе Греки изъ всѣхъ Архипелажскихъ почитаются просвѣщеннѣйшими, большая изъ нихъ часть говорятъ по Италіянски, и весьма обходительны съ иностранцами, нѣтъ мѣста, какъ увѣряютъ, гдѣ бы вольнѣе жили какъ въ Хіо. По сей причинѣ, также по дешевизнѣ и пріятству климата, многія Италіянскія и Француская семейства здѣсь поселились.

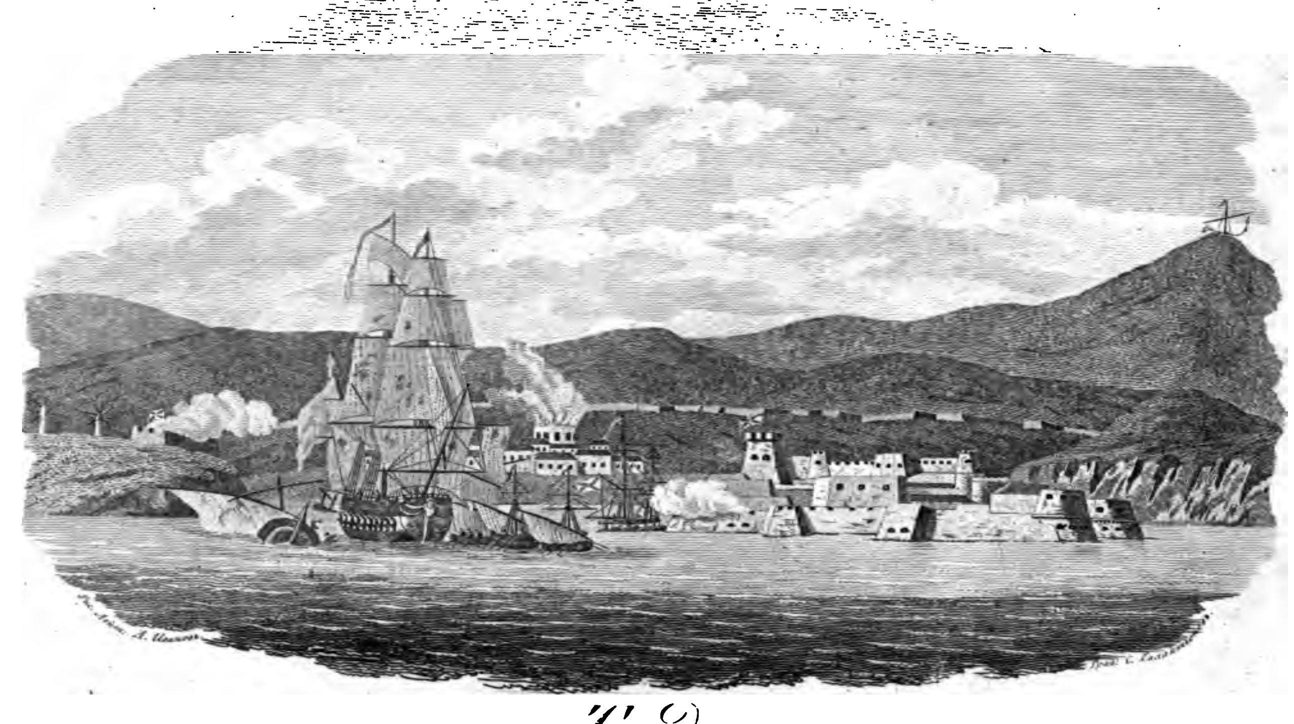
Хіоскія дѣвушки почитаются наилучшимъ украшеніемъ сералей Султановъ и вельможъ. Красавицы Хіоскія въ такой славѣ, что за нихъ платятъ иногда по 100,000 піастровъ. Такая высокая цѣна, какъ мнѣ кажется, объясняетъ столь свободное и столь несообразное съ ревностію Грековъ обращеніе Хіоскихъ дѣвушекъ, и того, что они лучше другихъ Гречанокъ образованы. Самаго посредственнаго состоянія говорятъ по Италіянски и учатся пѣть и танцовать. Корыстолюбіе родителей конечно непроститель-

но, но желаніе при тягостной неволѣ имѣть въ зятѣ сильнаго покровителя, нѣкоторымъ образомъ ихъ извиняетъ. При томъ такое здѣсь обыкновеніе, а обыкновеніе какъ и мода имѣютъ свои законы,

1 Іюня подошли мы къ устью Чесменскаго залива. Французскій корсеръ былъ разоруженъ, и стоялъ подъ самою крѣпостію. Ввечеру сего дня на лодкѣ, шедшей изъ Хіо въ Чесму, взяли трехъ матрозовъ, служившихъ на корсерѣ, которые объявили, что Капитанъ ихъ Николо Идріоти, узнавъ, что фрегатъ ищетъ его, продалъ корветъ Чесменскому Коменданту, распустилъ людей и самъ уѣхалъ въ Хіо. На взятой лодкѣ отправлено письмо къ Турецкому Коменданту, но онъ вмѣсто отвѣта сдѣлалъ по оной нѣсколько выстрѣловъ. Перешедъ къ Хіо и съ тамошней крѣпости встрѣчены мы были по Турецкому обычаю весьма издалека тремя выстрѣлами, корсеръ нашъ въ отвѣтъ выпалилъ изъ фалконета. 2 Іюня, лавируя къ Смирнѣ между островомъ Спалмадоромъ и мысомъ Калаберно, на разсвѣтѣ увидѣли бригъ, по вооруженію похожій на военной, съ фрегата выпалили изъ пушки, подняли флагъ, и требовали, чтобъ бригъ подошелъ для переговора; оный не подымая флага спустился по вѣтру, и поставилъ всѣ паруса, желая какъ вѣроятно укрыться въ Чесму; но мы поставя брамсели, скоро его догнали; бригъ легъ въ дрейфъ, поднялъ Американскій флагъ, а какъ по бумагамъ его оказалось, что

онъ идетъ изъ Марсели въ Смирну, оба порта непріятельскіе и давно объявленные въ блокадѣ; то бригъ, называемый Гекторъ, нагруженный сахаромъ и кофе, задержанъ, мнѣ поручено, вмѣстѣ съ другимъ призомъ, отвесть его въ Тенедосъ, и сдать въ призовую Коммиссію.

Фрегатъ остался предъ входомъ въ Смирну, и перехватилъ еще два судна съ грузомъ, на одномъ изъ коихъ взятъ Капитанъ Французскаго корсера. 3 числа, за крѣпкимъ противнымъ вѣтромъ, фрегатъ укрылся въ Скиро, откуда 7 Іюня прибылъ въ Тенедосъ. Лавируя къ сѣверу у западной стороны Митилена, я любовался прекраснымъ его положеніемъ. Островъ сей въ плодородіи не уступаетъ Хіо, преимуществуетъ въ томъ, что горы его покрыты лѣсомъ, годнымъ для корабельнаго строенія, и кромѣ безопасной гавани Кастро, имѣетъ еще три другія. Винныя ягоды почитаются лучшими въ Левантѣ. Митиленъ, древній Лезбосъ, былъ отечествомъ Сафо, Алкея, Питтака и Ѳеофраста. Епикуръ и Аристотель имѣли здѣсь свои школы. Терпандръ первый изобрѣлъ лиру о семи струнахъ, и Лезбосцы славились не только искусными музыкантами, но и особеннымъ развращеніемъ своихъ нравовъ. Для чести дѣвицъ Лезбійскихъ, неотмѣнно нужно было, чтобы первымъ мужемъ былъ чужестранецъ, и по тому то всякой пріѣзжій обязанъ былъ взять жену, хотя бы и на одну ночь. Даже новѣй-

Тенедосъ.

шіе путешественники пишутъ, что обрядъ сей перемѣнился только въ томъ, будтобы *попъ*, ищетъ пріѣзжему невѣсту, богатому позволяетъ выбирать, а бѣднаго принуждаетъ довольствоваться его выборомъ, и самъ благословляетъ чету, посредствомъ чего новобрачные и родственники успокоиваютъ свою совѣсть. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы такой обычай могъ быть между нынѣшними Греками. Я спросилъ о семъ мнѣнія лоцмана, жителя изъ Мило, Грека весьма остроумнаго и потому уже довольно просвѣщеннаго, что онъ говорилъ по Италіянски и пѣлъ Гомеровы стихи. Вотъ его отвѣтъ: „правда въ Митиленѣ есть нѣсколько такихъ дѣвушекъ, какихъ въ Италіи весьма много; но онѣ не выходятъ изъ своего званія, сіи нещастныя, какъ и вездѣ, цѣною здоровья и добродѣтели промышляютъ свое содержаніе, при томъ онѣ скрываются отъ глазъ свѣта; изъ сего вы заключить можете, почему онѣ предпочитаютъ иностранцевъ, и имѣютъ ли нужду въ попѣ.

Пребываніе въ Тенедосѣ.

4 Іюня при крѣпкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, лавируя прибылъ я на Гекторѣ въ Тенедосъ. Коммиссія, по разсмотрѣніи бумагъ, судно и грузъ признала справедливымъ призомъ; ибо кромѣ того, что Марсель и Смирна были порты непріятельскіе, но уже при Американ-

скія судна были отпущены съ тѣмъ, чтобы они объявили своимъ Консуламъ, что впредь неутральныя суда, у Смирны взятыя, будутъ почитаться добрымъ призомъ. Шкиперъ съ твердостію выслушалъ рѣшеніе суда, но люди его, лишившись заслуженнаго жалованья, и въ такомъ удаленіи отъ отечества, не имѣя надежды получить откуда либо помощь, просили меня ходатайствовать за нихъ. Адмиралъ вошедъ въ ихъ положеніе приказалъ удовольствовать людей жалованьемъ, и на проѣздъ ихъ возвратить часть груза, купленнаго на деньги матрозовъ, и потомъ доставить имъ случай возвратиться въ Смирну, или Мальту, куда они пожелаютъ. Шхиперъ Торндекъ, и всѣ его люди, сначала не хотѣли вѣрить такому снисхожденію, и были столько обрадованы милостію Адмирала, что хотѣли лично благодарить его, но Дмитрій Николаевичъ узнавъ намѣреніе не принялъ ихъ. При прощаньи шхиперъ признался, что онъ почитаетъ себя слишкомъ щастливымъ, что попался къ намъ въ руки, ибо онъ три раза былъ въ плѣну у Испанцовъ, Французовъ и Англичанъ, и его отпускали только въ одномъ платьѣ. Какъ бригъ оказался весьма легкимъ въ ходу, и притомъ способнымъ для военной службы, то Адмиралъ приказалъ ввесть его въ гавань, разгрузить, исправить и поставить на него 10 пушекъ.

Тѣсная блокада Дарданелъ, произвела въ Константинополѣ чувствительный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, слѣдствіемъ

котораго былъ бунтъ; Султанъ Селимъ сверженъ Янычарами съ престола, а новый Мустафа рѣшился взятіемъ Тенедоса удалить насъ отъ Дарданелъ, и были слухи, что Капитанъ-Паша скоро выдетъ изъ пролива. На случай сраженія Адмиралъ избралъ планъ сраженія совершенно новый и далъ Капитанамъ кораблей слѣдующее наставленіе:

Обстоятельства обязываютъ насъ дать рѣшительное сраженіе, но покуда флагманы непріятельскіе не будутъ разбиты сильно, до тѣхъ поръ ожидать должно сраженія весьма упорнаго, посему сдѣлать нападеніе слѣдующимъ образомъ: по числу непріятельскихъ Адмираловъ, чтобы каждаго атаковать двумя нашими назначаются корабли: Рафаилъ съ Сильнымъ, Селафаилъ съ Уріиломъ и Мощный съ Ярославомъ. По сигналу No 3 при Францускомъ гюйсѣ, немедленно спускаться симъ кораблямъ на флагмановъ непріятельскихъ, и атаковать ихъ со всевозможною рѣшительностію, какъ можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы непрітель пожелалъ зажечь себя. Прошедшее сраженіе 10 Маія показало, чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ отъ него менѣе вреда, слѣдовательно еслибы кому случилось и свалиться на абордажъ, то и тогда можно ожидать вящшаго успѣха. Пришедъ на картечный выстрѣлъ начинать стрѣлять. Естьли непріятель подъ парусами, то бить по мачтамъ, естьли же на якорѣ, то по корпусу. Нападать двумъ съ одной стороны, но не съ обоихъ бортовъ, если случится дать

мѣсто другому кораблю, то ни въ какомъ случаѣ не отходить далѣе картечнаго выстрѣла. Съ кѣмъ начато сраженіе, съ тѣмъ и кончить или потопленіемъ или покореніемъ непріятельскаго корабля.

Какъ по множеству непредвидимыхъ случаевъ не возможно сдѣлать на каждой положительныхъ наставленій, я не распространяю оныхъ болѣе; надѣюсь, что каждый сынъ отечества, почтится выполнить долгъ свой славнымъ образомъ.

Корабль Твердый.

Дмитрій Сенявинъ.

Высадка на Лемносъ.

23 го Маія, 20-ть Янычаръ, перехваченныхъ на лодкѣ, объявили, что они, не получая давно жалованья и претерпѣвая крайніе во всемъ недостатки, бѣжали съ острова Лемноса, дабы возвратиться въ домы свои. По поводу сему Главнокомандующій отрядилъ на другой день Контръ-Адмирала Грейга съ четырью кораблями къ Лемносу, развѣдать о состояніи тамошней крѣпости и гарнизона, и если они находятся въ слабомъ положеніи, то предложить Коменданту о сдачѣ, на тѣхъ же условіяхъ, какія сдѣланы были Туркамъ на островѣ Тенедосѣ. Контръ-Адмиралъ прибывъ къ Лемносу, послалъ предложеніе и получилъ отвѣтъ; „какъ Старѣйшины и Градоначальники теперь разсѣяны по острову и по от-

даленности не могутъ скоро собраться, то и проситъ дать ему на сіе нѣкоторое время посовѣтоваться.“ Между тѣмъ 25 го числа Главнокомандующій получилъ извѣстіе, что изъ Константинополя прибыло въ Галлиполи нѣсколько кораблей, фрегатовъ и другихъ разной величины военныхъ судовъ, то посланъ бригъ Фениксъ возвратить эскадру Грейга къ Тенедосу.

Турецкій флотъ точно получилъ подкрѣпленіе, и хотя вѣтръ ему способствовалъ выйти, но онъ оставался за крѣпостями въ томъже положеніи, почему Главнокомандующій 1 го Іюня снова отправилъ къ Лемносу Контръ-Адмирала Грейга съ 5 ю кораблями, дабы симъ раздѣленіемъ флота нашего, поощрить Турокъ выйти изъ Дарданелъ и еще разъ попробовать сразиться съ нами. 2-го Іюня Контръ-Адмиралъ, прибывъ въ портъ Ст. Антоніо, отправилъ Агѣ вторичное предложеніе о сдачѣ, соотвѣтственное первому. Весь день и ночь прошли безъ всякаго отъ него отвѣта, почему 3-го числа подъ начальствомъ Капитана 1-го ранга Лукина высажено 812 человѣкъ матрозовъ и морскихъ солдатъ, и 28 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Войска, не смотря на трудную дорогу, въ шесть часовъ прошедъ 40 верстъ, прибыли на видъ крѣпости Ликодіи. Капитанъ Лукинъ, не видя предъ собою и до сего времени не встрѣчая непріятеля, занявъ двѣ высоты, тотчасъ выслалъ впередъ стрѣлковъ, кои скоро отыска-

ли его, напали и будучи подкрѣплены прогнали къ форштату; Турки въ ономъ защищались упорно. Сраженіе, продолжавшееся два часа, рѣшено было отважнымъ подвигомъ матрозовъ, кои взошедъ штурмомъ на высоту, находившуюся на крылѣ непріятельской линіи, поставили на оной фальконеты и сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, принудили Турокъ бѣжать и заключиться въ крѣпость. Какъ уже вечерѣло и солдаты отъ быстраго марша чрезмѣрно устали, то Капитанъ Лукинъ удержалъ стремленіе ихъ и на ночь занялъ выгодныя высоты, съ которыхъ, какъ защищаться, такъ и отступить къ кораблямъ было удобно. На другой день, когда готовились напасть на самую крѣпость, получено повелѣніе, не предпріемля ничего, въ ночь возвратиться къ кораблямъ въ заливъ Св. Антонія. Главнокомандующій, удостовѣрившись, что Капитанъ-Паша намѣренъ выйти, послалъ повелѣніе Контръ-Адмиралу Грейгу, если Турки предположатъ защищаться, то не усиливаясь оставить осаду крѣпости и поспѣшить соединиться со флотомъ, въ Тенедосѣ. Отступленіе расположено было благоразумно и потери при ономъ не было. Для развлеченія вниманія непріятеля, корабль Елена и фрегатъ Кильдюинъ, сдѣлали нападеніе на крѣпость съ сѣверной стороны, а войска въ 10 часовъ ночи, сошедъ съ высотъ, скорымъ шагомъ на разсвѣтѣ прибыли къ перешейку, гдѣ поставлены были вооруженныя гребныя суда для

прикрытія отступленія; но Турки не показывались. 5 го Іюня войска перевезены на корабли, а 6 го эскадра прибыла въ Тенедосъ. Потеря наша въ сраженіе подъ крѣпостью состояла въ 14 убитыхъ и 6 раненыхъ, непріятель потерялъ до 150 человѣкъ убитыми и ранеными, эскадра взяла 7 судовъ съ разнымъ грузомъ.

Лемносъ лежитъ между Тенедосомъ и Св. горою. Климатъ сего острова весьма здоровъ, здѣсь никогда не чувствуютъ большихъ жаровъ. Для зимованія флота онъ представляетъ весьма удобную и безопасную гавань. Покрытый холмами и невысокими горами, островъ сей на всякомъ шагу представляетъ образъ рѣдкаго плодородія, кромѣ всякаго рода плодовъ, изобилуетъ хлѣбомъ, виномъ, рогатымъ скотомъ, особенно минеральною землею, извѣстною подъ именемъ Лемноской или (terra sigillata) печатной земли. Оная почитается лѣкарствомъ противъ моровой язвы, отъ уязвленія ядовитыхъ змѣй и насморковъ. Для доставанія оной, начальники острова съ рабочими людьми идутъ на вершину той горы, которая въ незапамятные вѣки долженствовала быть огнедышущею, ибо въ утробѣ ея находятъ сѣру, квасцы, пемзу и всѣ признаки изверженія, копаютъ глубоко и когда найдутъ жилу сей минеральной земли, берутъ ее столько, сколько думаютъ станетъ на весь годъ, потомъ засыпаютъ яму и не позволяютъ никому доставать ее въ другой разъ.

Во времена баснословныя, когда не имѣли еще понятія о огнедышущихъ горахъ, думали, что Вулканъ, сверженный съ неба Юпитеромъ, упалъ на сію гору и завелъ въ Сталименѣ (древнее названіе Лемноса) первую свою кузницу. Изъ четырехъ славныхъ Лабиринтовъ одинъ находился на семъ островѣ. Галліенъ, для познанія свойства минеральной земли, нарочно ѣздилъ въ Лемносъ, а Филоктетъ, бывъ раненъ въ ногу ядомъ напоенною стрѣлою, былъ отправленъ сюда для излѣченія.

Осада Тенедоса.

10-го Іюня по утру Телеграфъ далъ знать, что непріятельская эскадра снимается съ якоря. Отъ 8 до 10 ти часовъ вышли изъ Дарданелъ Турецкихъ кораблей 8, фрегатовъ 5, шлюповъ 2 и бриговъ 2. Непріятель при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ во весь день лавировалъ противу пролива, а къ вечеру бросилъ якорь у острова Имбро. Бывшіе въ авангардѣ корабли Скорый съ Селафаиломъ и одинъ корсеръ также бросили якорь подъ вѣтромъ у нихъ.

11 го числа флотъ нашъ пополудни въ 5 часу снялся съ якоря, но скоро, по тихости вѣтра, не много подвинувшись къ островкамъ Маври, сталъ на якорь. По отбытіи флота бригъ Богоявленскъ вошелъ въ гавань, и сталъ за каменною грядою въ такомъ положеніи, что, не мѣшая дѣйствію крѣпостныхъ пушекъ, могъ защищать входъ въ гавань.

12-го числа вышли изъ Дарданелъ еще 2 Турецкихъ корабля, 2 фрегата и присоединились къ своей эскадрѣ Отъ 11 го до 14 го Іюня флотъ нашъ безпрестанно, то становился на якорь, то вступалъ подъ паруса и лавировалъ, дабы приближиться къ непріятелю и принудить его къ сраженію, но слабый вѣтръ и сильное теченіе изъ Дарданелъ дѣлало всѣ усилія Адмирала тщетными. Турецкій флотъ, слѣдуя движенію нашего, также лавировалъ и держался такъ, что въ случаѣ перемѣны вѣтра могъ уйти въ проливъ.

14-го. Къ вечеру вѣтръ нѣсколько поблагопріятствовалъ, флотъ нашъ снявшись и построившись въ двѣ колонны, пошелъ къ 5 Турецкимъ кораблямъ, стоявшимъ у Имбро, но оные также вступили подъ паруса, и будучи на вѣтрѣ соединились съ тѣми, кои лавировали въ устьѣ Дарданелъ. Главнокомандующій испытавъ, что при сильномъ противномъ теченіи и вѣтрѣ не возможно отрѣзать Турецкую эскадру отъ крѣпостей, а по движеніямъ ея, непріятель не показывалъ желанія напасть на насъ; то по сему и рѣшился, когда довольно стемнѣло, спуститься за Имбро, и обошедъ сей островъ по западную сторону, гдѣ нѣтъ такого сильнаго теченія, выйти у непріятеля на вѣтръ.

15 го Іюня, когда наша эскадра, лавируя между островами Имбро и Самондраки, имѣла слабый вѣтръ, Турецкая эскадра, лавируя нѣсколько времени противу пролива, вмѣстѣ съ

гребнымъ флотомъ, на коемъ посажены были войска, спустилась къ Тенедосу. Въ третьемъ часу по полудни, 2 непріятельскихъ фрегата изъ авангарда, напали одинъ за однимъ на нашъ корсеръ, который, будучи присланъ отъ флота, не успѣлъ войти въ гавань, и находясь близъ берега, по причинѣ штиля, не могъ уйти въ море. Капитанъ корсера поставилъ судно свое на мѣль, въ семъ положеніи съ отличнымъ мужествомъ сражался до тѣхъ поръ пока разстрѣлялъ весь свой снарядъ, потомъ пушки бросилъ въ воду, и съ оставшимися людьми спасся на берегъ.

Въ 4 часа Турецкій флотъ, въ числѣ 10 ти кораблей, 9 фрегатовъ, корветъ и брига, и 70 судовъ гребной флотиліи, по приближеніи на картечной выстрѣлъ, держась подъ малыми парусами, открылъ по крѣпости, городу, шанцамъ и судамъ, бывшимъ въ гавани, жестокой огонь. Съ нашей стороны отвѣтствовано было съ отмѣннымъ прилѣжаніемъ, а особливо съ брига Богоявленска, котораго ни одинъ выстрѣлъ мимо не пролеталъ. Между сего дѣйствія, продолжавшагося до сумерокъ, 30 лодокъ, приближившись къ Сѣверной сторонѣ острова, хотѣли было сдѣлать высадку: но двѣ роты и 4 орудія, не допустили ихъ. Непріятель съ потерею и въ замѣшательствѣ удалился. Въ 8 мь часовъ Турецкій флотъ остановился на якорѣ по каналу, изключая одного фрегата и нѣсколькихъ лансонъ, которые нарочито желали потопить

бригъ Богоявленскъ, но вскорѣ у фрегата поврежденъ былъ руль, онъ потерялъ крюсъстеньгу и буксировавшія его три гребныя судна пущены ко дну (*). Послѣ сего оный фрегатъ спустился по теченію и отошелъ отъ крѣпости къ своему флоту.

Когда сраженіе еще продолжалось, Полковникъ Падейской, полагая, что Богоявленскъ не въ состояніи выдержать другаго подобнаго огня, и притомъ имѣя надобность въ пушкахъ, послалъ меня къ командиру брига Лейтенанту Додту, сказать, чтобы ночью свесть пушки, снаряды и людей въ крѣпость, гдѣ по надобности въ канонерахъ, матрозы употреблены будутъ съ лучшею пользою.

16 го Іюня, эскадра Турецкая построилась въ линію по берегу острова такъ близко, какъ позволяла глубина. Въ 5 часовъ 2 фрегата и 10 лансоновъ, открыли пальбу по нашимъ укрѣпленіямъ. Въ самое сіе время гребной флотъ и корабельныя шлюбки, собранныя у Анатольскаго берега, повезли войска на островъ. Маіоръ Гедеоновъ съ 200 мушкетеръ, сотнею Албанцевъ и одною пушкою, выступилъ изъ шанецъ, дабы сколько возможно препятствовать высадкѣ. По прибытіи отряда къ мѣсту высадки, болѣе тысячи Турокъ уже стояли на высотѣ, прочія лодки подъ прикрытіемъ кораблей и фрегатовъ, стрѣляв-

---

(*) Смотри картину.

шихъ по берегу картечью безпрестанно, высаживали войска въ разныхъ мѣстахъ, и тотчасъ отваливали за другими.

Хотя таковымъ превосходнымъ силамъ подъ выстрѣлами кораблей, не предвидѣлось возможности воспрепятствовать выйти на берегъ; но какъ и отступленіе безъ разстройки непріятеля было бы весьма опасно, по сему храбрый Маіоръ Гедеоновъ рѣшительно напалъ на правый флангъ непріятеля, и столь скоро и удачно сбилъ его съ высоты, что Турки въ великомъ безпорядкѣ бросились къ берегу, тамъ будучи поражаемы съ одной стороны пулями и штыками нашими, съ другой картечными выстрѣлами своихъ кораблей, въ отчаяніи бросались въ море и многіе потонули; изъ двухъ лодокъ, возвратившихся для спасенія людей, одна пущена ко дну, другая, потерявъ весла и мачту, была прибита къ берегу; Албанцы вошли въ нее и побили всѣхъ людей.

Между тѣмъ лѣвый непріятельскій флангъ, весьма усилившись, обходилъ насъ съ права и занимая высоты подавался внутрь острова; но, усмотря истребленіе своего праваго фланга, остановился въ нерѣшимости. Маіоръ Геденовъ, видя, что столь многочисленному непріятелю не можетъ онъ всюду противустать, притомъ потерявъ до 80-ти убитыми и ранеными, въ семъ числѣ храбраго и опытнаго Капитана Кутамова, пользуясь первою удачею началъ отступать. Непріятель осмотрѣвъ и замѣтивъ малочисленность

нашу, напалъ стремительно, но рота гранодеръ, посланная для подкрѣпленія Гедеонова, явилась во время съ праваго крыла, пустила залпъ, ударила въ штыки, и непріятель, смятый съ двухъ сторонъ, обратился въ бѣгство. Другой отрядъ его показался на правомъ нашемъ крылѣ на высотахъ, но не смѣлъ спуститься съ нихъ и показывалъ видъ обойти насъ въ тылъ. Три роты, построенныя въ колонну, приближаясь къ шанцамъ, должны были проходить подъ картечными выстрѣлами двухъ фрегатовъ; оные пустили залпъ и не успѣли сдѣлать другой, какъ люди наши разсѣявшись пробѣжали мимо ихъ благополучно и безъ потери.

По соединеніи войскъ нашихъ въ шанцахъ, защищаемыхъ 14-ю легкими орудіями, вдругъ атакованы оные были весьма не соразмѣрнымъ числомъ Турокъ, которыхъ, какъ послѣ точно узнали, было около 10,000 человѣкъ и между ими нѣсколько Французскихъ офицеровъ. Непріятель, будучи отбитъ въ первой разъ, еще пять разъ нападалъ и отступалъ; наши картечные выстрѣлы и ружейный огонь были столь исправны, что вокругъ шанцовъ лежало не малое число убитыхъ и раненыхъ. Но когда Турки заняли гору, съ которой тылъ нашъ былъ открытъ, то Полковникъ Падейской отступилъ въ главную крѣпость въ такомъ порядкѣ, что не потерялъ ни одной пушки и ни одного человѣка. Для произведенія сего въ дѣйствіе, двѣ роты

вышли изъ шанцевъ, ударили въштыки; и, когда многочисленныя толпы обращены были въ бѣгство, полевыя орудія отправлены въ передъ, а за ними прочія войска въ порядкѣ вступили въ крѣпость. Малая крѣпостца, подверженная всякому приступу, по невозможности защищать ее, была оставлена. Непріятель столь былъ изумленъ храбростію войскъ нашихъ и своею потерею, что даже не смѣлъ преслѣдовать, и 2 роты, прикрывавшія отступленіе, вошли въ крѣпость безъ потери. Лишь только успѣли затворить ворота, Турки со всѣхъ сторонъ выбѣжали на площадь и бросились на мостъ; залпъ картечью не уменьшилъ ихъ запалчивости, задніе тѣснили переднихъ и когда площадь покрылась убитыми и ранеными, тогда отступили, заняли высоты, предмѣстіе, малую крѣпостцу и открыли по главной крѣпости сильный ружейный огонь со всѣхъ сторонъ. Къ вечеру получили они съ кораблей 3 большія пушки, 9-ти пудовую мортиру, разные припасы и штурмовыя лѣстницы. Непріятель, зная слабость крѣпости, и полагая имѣть къ ней легкій доступъ, тотчасъ по пробитіи вечерней зари, отважно пошелъ на штурмъ. Но люди, несшіе лѣстницы, были убиты; другіе, подбѣгая ко рву и не видя тамъ лѣстницъ, обращались назадъ, но тѣснимые задними, отважно стояли подъ картечнымъ огнемъ, и въ темнотѣ и безпорядкѣ были жертвою своей опрометчивости. Послѣ знатной потери, каковыя бываютъ при неудач-

ныхъ штурмахъ, оставили насъ до утра въ покоѣ.

Капитанъ-Паша, зная положеніе крѣпости, и то, что она ни какъ не могла бы устоять противу нарочитаго съ морской стороны нападенія, 17 числа съ разсвѣтомъ не сберегая кораблей приказалъ всему флоту тянуться къ оной. Между тѣмъ канонерскія лодки приближались въ малой крѣпостцѣ, начали стрѣлять по судамъ нашимъ, въ гавани стоявшимъ, и съ первыхъ выстрѣловъ зажгли бригъ Гекторъ (*); но Лейтенантъ Додтъ, командовавшій съ сей стороны артиллеріею, своими матрозами столь исправно по онымъ лодкамъ произвелъ пальбу, что двѣ изъ нихъ были потоплены, а третья съ отбитою мачтою успѣла уйти за мысъ. Въ 5 часовъ утра, корабль и фрегатъ Турецкіе лавируя близъ крѣпости, производили по оной безпрестанную пальбу; два, стоявшіе на якорѣ, также открыли жестокой огонь; всѣжъ прочіе корабли и фрегаты приближались; но въ 8 часовъ Турки вдругъ прекратили пальбу, съ торопливостію отдалились отъ крѣпости, и весь флотъ ихъ немедленно вступилъ подъ паруса.

Послѣ двухдневной безпрерывной пальбы, въ крѣпости оставалось мало пороху, картечь и другихъ снарядовъ; артиллеристы почти

(*) Американскій призъ.

всѣ были переранены, и потому можно представить себѣ радость всего гарнизона, когда флотъ нашъ показался, идущій на всѣхъ парусахъ отъ Имбро къ Тенедосу, и сіе-то самое было причиною столь поспѣшнаго отступленія непріятельской эскадры. 15-го Іюня, какъ сказано выше, флотъ нашъ лавировалъ при противномъ маловѣтріи между Имбро и Самандраки; 16 числа получивъ вѣтръ, на ночь находясь между Имбро и матерымъ Европейскимъ берегомъ легъ на якорь, оставя Венусъ и Шпицбергенъ подъ парусами для наблюденія непріятеля. 17 числа съ разсвѣтомъ флотъ нашъ при благополучномъ вѣтрѣ спустился къ Тенедосу. Турецкая эскадра, по приближеніи нашей къ островамъ Маври, спустилася по вѣтру и стала держаться какъ можно ближе къ южной сторонѣ Тенедоса. Эскадра наша пройдя Маври устремилась на встрѣчу непріятелю, но передовые Турецкіе корабли угадывая намѣреніе, начали уклоняться отъ вѣтра и тѣмъ самымъ подали поводъ къ заключенію, что намѣреніе непріятеля было, избѣгая сраженія, стараться отвлечь нашу эскадру отъ Тенедоса. Главнокомандующій, узнавъ отъ Капитана фрегата Венуса, посланнаго для освѣдомленія впередъ флота, что крѣпость безъ снабженія не можетъ и двухъ сутокъ устоять, приказалъ всей эскадрѣ спуститься къ Тенедосу и стать на якорь на прежнемъ мѣстѣ. Три корабля, шлюпъ и два корсера, оставлены подъ парусами для

наблюденія Турецкой эскадры. Въ сіе время непріятельскій флотъ въ линіи баталіи вышелъ изъ за Тенедоса, и поворотивъ у Анапольскаго берега послѣдовательно на другой галсъ, удалился къ W. Послѣ сего гребныя суда со всѣхъ кораблей подъ прикрытіемъ Венуса и Шпицбергена отвезли въ крѣпость все нужное. А въ 5 часовъ вооруженные пушками барказы, шлюпъ и два корсера, напали на гребную непріятельскую флотилію, у матераго берега стоявшую; двѣ лодки взяли, нѣсколько сожгли и потопили, а остальные бѣжали къ югу за мысъ Баба, и тѣмъ лишили Турокъ возможности прибавить войскъ на Тенедосѣ. Въ вечеру по пробитіи зари, Турки еще разъ дерзнули было идти на штурмъ; но первые выстрѣлы привели ихъ въ робость, а смѣльчаки только что показывались на площади, тутъ и падали подъ выстрѣлами нашихъ стрѣлковъ.

18-го Іюня, поутру рано, наша эскадра, состоявшая изъ 10 кораблей, пустилась искать непріятеля. Венусъ, Шпицбергенъ, 2 корсера оставлены были на помощь крѣпости (*) и непріятель съ сего числа по 27, по день возвращенія эскадры, производилъ по насъ день

(*) Фрегатъ Кильдюинъ, идучи изъ Корфы съ Английскимъ фрегатомъ 17-го числа вечеромъ наткнулся на Турецкій флотъ, но осмотрѣвшись успѣлъ уйти, и 20 прибылъ къ Тенедосу.

и ночь съ малыми перемежками жестокую пальбу. Положеніе крѣпости, стоящей на самомъ невыгодномъ мѣстѣ между трехъ близкихъ горъ, ея окружающихъ, коимъ она вся открыта, и при томъ не имѣющей ни казематовъ, ни погребовъ и ни какого удобнаго мѣста для защиты людей; словомъ все пространство ея представляло какъ бы западню, гдѣ ядра, картечи и пули выбирали любую жертву. Брустверъ былъ такъ низокъ, что не закрывалъ людей и въ половину; но когда стали бросать 9 пудовыя бомбы, разрушившія все остальное строеніе, то уже не было никакого мѣста, гдѣ бы можно было укрыться отъ огня. Къ тому же Турки съ перваго дня отрѣзали воду, и чрезвычайный въ оной недостатокъ, при палящемъ зноѣ, дѣлалъ нужду въ оной тѣмъ чувствительнѣе, что вопль женщинъ и дѣтей, и безпрестанное служеніе Священниковъ напоминалъ опасность, и положеніе наше дѣлалъ отчаяннымъ; но все сіе не могло поколебать твердости солдатъ, оказавшихъ себя истинными героями; Албанцы и жители Тенедосскіе имъ соревновали; видя растерзанные члены дѣтей и женъ своихъ, видя домы свои, объятые пламенемъ, они обрекли себя на смерть, съ рѣдкимъ мужествомъ искали ее на валахъ и не хотѣли слышать о сдачѣ, которую Турки два раза предлагали. Чѣмъ болѣе мы чувствовали притѣсненія отъ непріятеля, чѣмъ ближе стояли къ гибели, тѣмъ съ большею дѣятельностію и твердо-

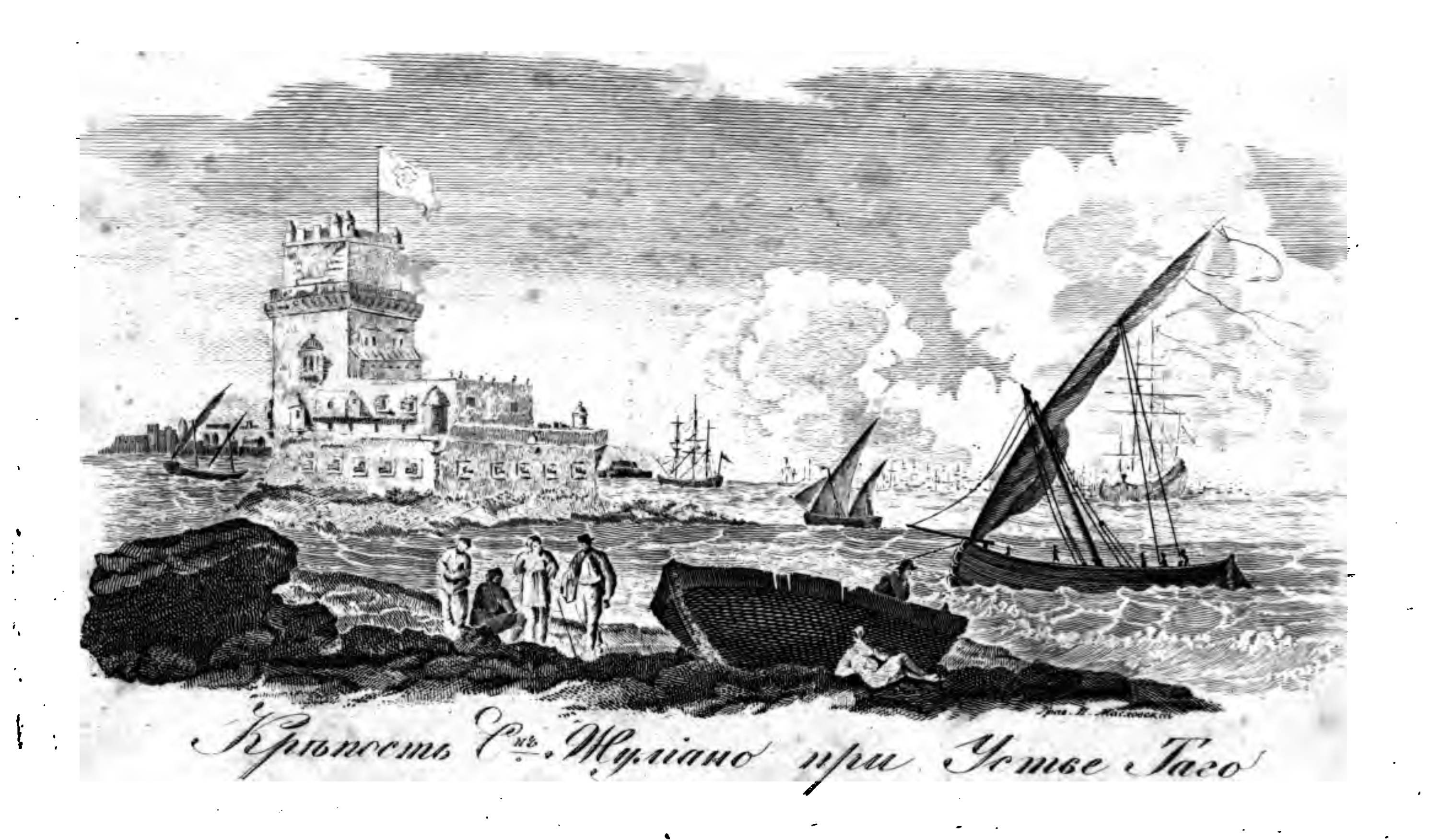
стію, 12 дней сряду, въ безпрерывномъ огнѣ и безсмѣнно, работали на батареяхъ, тѣмъ охотнѣе и отважнѣе заступали мѣста убитыхъ и раненыхъ, и все, что непріятелю удавалось разрушить днемъ, ночью исправно было починяемо.

Старые солдаты признавались, что во всю ихъ службу, даже подъ начальствомъ Суворова, который любилъ опасности, не случалось имъ быть въ толь бѣдственномъ состояніи. Если бы флотъ не скоро возвратился, то Комендантъ, по общему желанію Офицеровъ, солдатъ и жителей, предположилъ выйти съ легкою артиллеріею изъ крѣпости и искать смерти въ полѣ; ибо и Турки, особенно стрѣлки ихъ, засѣвшіе въ домахъ предмѣстія, которое обратилось въ кучу развалинъ, имѣли весьма значительную потерю и при томъ терпѣли крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и осаждая насъ сами находились въ осадѣ. Между тѣмъ, какъ продолжали сражаться съ крайнимъ ожесточеніемъ, участь тѣхъ и другихъ зависѣла отъ того, чѣмъ кончится морское сраженіе; и когда бѣдствіе наше дошло до послѣдней степени, 25-го Іюня къ неизъяснимой радости гарнизона показался корабль Скорый, а за нимъ и весь флотъ нашъ. Громкое ура! и сильная пальба, дали знать Туркамъ, что флотъ ихъ разбитъ, а въ доказательство корабль Турецкаго Адмирала приведенъ на рейдъ.

Разбитіе Турецкаго флота у Аѳонской горы. — Капитуляція высаженныхъ войскъ на Тенедосъ.

При отбытіи нашего флота отъ Тенедоса не извѣстно было гдѣ искать непріятеля. Вмѣсто того, чтобъ итти къ Метелину, куда какъ вообще думали, Турки ушли, Адмиралъ повелъ эскадру къ острову Имбро, совсѣмъ въ противную сторону, и ввечеру находясь противу острова Лемноса къ сѣверу въ 10 верстахъ, до полночи продержалъ эскадру на дрейфѣ, а потомъ подъ малыми парусами спустился къ Лемносу.

Предположеніе Адмирала сбылось. 19-го при разсвѣтѣ показался на вѣтрѣ одинъ Турецкій корабль, вскорѣ потомъ открылись подъ вѣтромъ еще 9 кораблей, 5 фрегатовъ, 3 шлюпа и 2 брига въ неустроенномъ положеніи на якорѣ у крѣпости Ликодіи. Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ поставить всевозможные паруса и спуститься на непріятеля; пушечные выстрѣлы такъ обрадовали всѣхъ, что Офицеры поздравляли другъ друга съ щастіемъ сразиться съ непріятелемъ; матрозы, которыхъ съ 9 числа мучилъ страхъ, что Турки уйдутъ, съ веселымъ духомъ готовились къ битвѣ. Турки скоро и весьма исправно выстроили линію баталіи на правой галсъ. Три флагмана ихъ стали въ срединѣ, большіе фрегаты также были

Крѣпость Снъ. Жуліано при Устье Таго

въ линіи. Непріятельская эскадра состояла изъ слѣдующихъ кораблей:

1. Мессуда (Величество Султана) 120 пушечный подъ флагомъ Капитанъ-Паши (Генералъ-Адмиралъ) Сейдъ Али.

2. Седель-Бахръ (оплотъ морской) 84 пушечный подъ флагомъ Капитанъ-Бея (Адмиралъ) Бекиръ-Бей.

3. Анкай-Бахре (Величество моря) 84 пушечный (Вице-Адмиралъ) Шереметъ-Бей.

4. Таусу Бахре (морская птица) 84 пушечный (Командоръ) Гуссейнъ-Бей.

5. Тенфикъ-Нюма (указатель добраго пути) 84 пушечный.

6. Сайади Бахре (морской рыбакъ) 74 пушечный.

7. Малъ-Банкъ-Несуретъ (щастливый) 74 пушечный.

8. Хибетъ-Ендасъ (неустрашимый) 74 пушечный.

9 Бешаретъ (щастливое извѣстіе) 84 пушечный.

10. Килитъ-Бахре (морской ключъ) 84 пушечный, Патронъ Бей (Командоръ).

фрегаты:

1. Мескензи-Гази (Марсово-поле) 50 пушечный.

2. Бедриза-Фетъ (побѣдитель) 50 пушеч.

3. Фуки-Зефиръ (морякъ) 50 пушечный.

4. Нессимъ (легкій вѣтерокъ) 50 пушечный.

5. Искендеріе (Александрія, городъ въ Египтѣ) 44 пушечный.

Шлюпы.

1. Метелинъ, 32 пушечный.

2. Рехбери-Алимъ, 28 пушечный.

3. Денюветъ (воинъ), 52 пушечный.

Бриги:

1. Алакитъ-Посретъ (пріятный вѣстникъ) 18 пушечный.

2. Меланкай о 18 пушкахъ.

На всѣхъ оныхъ судахъ считалось 1196 пушекъ, на нашихъ же 10 корабляхъ 754. Слѣдственно непріятель превосходилъ 10 судами, 442 орудіями, и числомъ людей, считая по экипажу взятаго въ плѣнъ корабля, почти вдвое.

Чтобы нашимъ двумъ атаковать одного непріятельскаго флагмана назначены были корабли: Рафаилъ съ Сильнымъ, Селафаилъ съ Уріиломъ и Мощный съ Ярославомъ, флотъ нашъ шелъ на непріятельскую линію по парно. Турки, бывъ подъ вѣтромъ, открыли огонь въ дальномъ разстояніи и дѣйствовали безпрестанно. Передовый корабль Рафаилъ, съ великимъ терпѣніемъ, выдержалъ огонь всей непріятельской линіи, не прежде открылъ свой, какъ достигнувъ на самоближайшее разстояніе; но сей корабль, имѣя задніе паруса сильно обитые, и не могши удержаться на вѣтрѣ, очутился въ линіи непріятельской между Капитанъ-Пашинскимъ и Капитана Бея кораблями, потомъ прорѣзалъ линію, и сражаясь на оба борта скрылся въ дымѣ. Прочіе пять нашихъ кораблей, подошедъ на пистолетный

выстрѣлъ, привели къ вѣтру, сомкнули линію такъ тѣсно, что бушприты заднихъ лежали на кормѣ переднихъ и атаковали трехъ непріятельскихъ флагмановъ. Когда такимъ образомъ въ 8 часовъ утра началось сраженіе въ срединѣ непріятельской линіи, Главнокомандующій съ кораблемъ Скорымъ, спускаясь на передовые Турецкіе корабли и фрегатъ, приказалъ Контръ-Адмиралу Грейгу съ кораблемъ Еленою, напасть на авангардъ непріятельской, гдѣ были еще одинъ корабль и два большихъ фрегата. Твердый пришедъ передъ линію, скоро сбилъ фрегатъ, потомъ напавъ на слѣдовавшій за нимъ корабль, принудилъ его лечь въ дрейфъ и симъ движеніемъ остановилъ всю непріятельскую линію; тогда корабль Рафаилъ показался проходящимъ изъ подвѣтра и хотя паруса у него много были обиты, но весьма исправно дѣйствовалъ своею артиллеріею. Когда Рафаилъ прошелъ передовый Турецкій корабль, то сей, будучи сильно избитъ, началъ спускаться, чтобы дѣйствовать вдоль по Рафаилу, но Адмиралъ нашъ, успѣвъ придти передъ непріятельскую линію, остановилъ сіе движеніе его, и началъ дѣйствовать лѣвымъ бортомъ вдоль всей ихъ линіи. Когда первые два корабля, лежавшіе на дрейфѣ, стали отъ него спускаться, тогда корабль Капитанъ-Бея пришелся носомъ противу борта Твердаго, и въ самое короткое время былъ сбитъ и лишенъ остальныхъ парусовъ и реевъ. Корабль Скорый, пре-

слѣдуя сбитые Твердымъ корабли, ставъ между ими, вступилъ съ тремя кораблями и фрегатомъ въ неравной бой, одинъ изъ нихъ, показалъ желаніе итти на абордажъ, но Скорый картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, столь много побилъ у него людей, что непріятельской корабль принужденъ былъ отступить и думать о своей безопасности. Потомъ бывшіе въ Аріергардѣ 2 Турецкіе корабля и фрегатъ, обошли съ подвѣтра защитить бывшіе въ дѣлѣ передовые корабли; нашъ Адмиралъ немедленно привелъ свой корабль нѣсколько къ вѣтру, напалъ на первый корабль съ носу, скоро остановилъ его и всѣ другіе за нимъ слѣдовавшіе. Сими смѣлыми подвигами Адмиральскаго корабля, непріятель сверхъ того сильно тѣснимый съ вѣтру прочими нашими кораблями, на разстояніи самомъ рѣшительномъ, съ половины 10-го часа началъ уклоняться отъ сраженія, и направилъ путь прямо на берегъ къ Аѳонской горѣ, конечно въ томъ предположеніи, чтобы спасая токмо себя корабли предать огню. Въ 10 часовъ, Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ всей эскадрѣ еще ближе спуститься на непріятеля и преслѣдовать его неослабно. Корабль Рафаилъ, бывшій въ опасности, сражаясь за Турецкою линіею, когда оная была остановлена, вышелъ на вѣтръ и началъ исправлять верхнія поврежденія.

Дмитрій Николаевичъ поражая и прогоняя передовые непріятельскіе корабли, сдѣлался нарочито подъ вѣтромъ обоихъ эскадръ;

корабль Скорый и Мощный дрались въ срединѣ Турецкой эскадры, прочіе наши корабли были въ фигурѣ полуцыркуля, нѣкоторые будучи обиты въ парусахъ перемѣняли ихъ (*). Побѣда была несомнѣнна, весь Турецкій флотъ, не смотря на мужественное защищеніе, былъ бы взятъ или истребленъ, но къ нещастію около полдня вѣтръ началъ стихать; дабы не подвергнуть не столь обитые корабли быть атакованными превосходною силою, а поврежденные не оставить внѣ дѣйствительныхъ выстрѣловъ, Адмиралъ счелъ за благо остановить эскадру на мѣстѣ, осмотрѣться хорошо и потомъ опять ударить на непріятеля, почему и приказалъ всѣмъ придержаться къ вѣтру.

Сраженіе продолжалось 4 часа; эскадра наша остановилась на мѣстѣ сраженія, а Турецкая, уклонясь внѣ пушечнаго выстрѣла, придерживалась также къ вѣтру. Наши корабли въ парусахъ и въ вооруженіи потерпѣли много, а паче всѣхъ Твердый, Скорый, Рафаилъ и Мощный; Турецкая же эскадра, по видимому разбита была равно съ нашею, болѣе же всѣхъ корабль 2-го Адмирала, на кото-

---

(*) Капитанъ П. М. Рожновъ, въ самомъ пылу сраженія подъ картечными выстрѣлами перемѣнилъ перебитый рей; многіе другіе Капитаны исправляли поврежденія не преставая драться. Сіе обстоятельство, къ чести Капитановъ кораблей относящееся, доказываетъ при томъ, какимъ мужествомъ одушевлены были наши матрозы.

ромъ мачты стояли какъ голыя деревья безъ реевъ и парусовъ. Адмиралъ собравъ свои корабли, приказалъ какъ наивозможно скорѣе исправить поврежденія и быть въ состояніи тогоже дня сразиться еще, но въ часъ по полудни вѣтръ совершено стихъ, а потомъ сдѣлалось перемѣнное маловѣтріе отъ Сѣверо-запада, отъ чего Турецкая эскадра вышла у насъ на вѣтръ, и держала какъ можно круче, чтобы только избѣжать сраженія. Въ 6 часовъ, когда вѣтръ нѣсколько посвѣжѣлъ, корабль 2-го Адмирала съ однимъ при немъ кораблемъ и 2-мя фрегатами весьма мало поврежденными, начали отставать отъ своей эскадры. Адмиралъ приказалъ отрѣзывать ихъ. Къ вечеру когда три нашихъ корабля уже довольно приближились, то Корабль и два фрегата бросили буксиръ, на коемъ вели Адмиральской корабль и обратились въ бѣгство, почью Турецкій Адмиральскій корабль былъ догнанъ и взятъ Капитаномъ Рожновымъ съ находящимся на ономъ Капитанъ Беемъ (*).

20-го, поутру, Турецкая эскадра была у насъ на вѣтрѣ и держала къ острову Тассо; а одинъ корабль и два фрегата, бывшіе на вспомоществованіи при кораблѣ Капитана Бея, остались подъ вѣтромъ у мыса святой горы. Адмиралъ отрядилъ за отрѣзанны-

(*) Въ Турецкомъ Флотѣ чинъ Капитанъ Бея соотвѣтствуетъ нашему полному Адмиралу.

ми въ погоню Контръ-Адмирала Грейга съ тремя кораблями. 21-го, въ 4-мъ часу по полудни, Турки, убѣгая отъ сего преслѣдованія, успѣли поставить всѣ три оныя суда на мель въ заливѣ святой горы за островкомъ Николинда и свезши съ нихъ людей зажгли. Удары отъ взорванія были столь сильны, что корабли, бывшіе въ 20 верстахъ, весьма чувствительно потряслись. На разсвѣтѣ 22-го Іюня, въ непріятельскомъ флотѣ усмотрѣнъ былъ великой и двойный домъ, который, какъ послѣ получено достовѣрное извѣстіе, произошелъ отъ сожженія еще одного корабля и фрегата.

Послѣ столь совершенной побѣды, истребивъ у непріятеля два корабля и три фрегата и взявъ въ плѣнъ полнаго Адмирала, Сенявину предстоялъ выборъ самый затруднительный. Гнаться ли за остатками, или возвратиться въ Тенедосъ спасти гарнизонъ отъ плѣна неминуемаго и жестокаго и отказаться отъ рѣдкаго случая быть истребителемъ всего Турецкаго флота. Въ семъ случаѣ Сенявинъ не усомнился пожертвовать славою и честолюбіемъ личнымъ спасенію братій своихъ, оставленныхъ и осажденныхъ силою чрезмѣру превосходною, о участи которыхъ соболѣзнуя, доброе его сердце не могло чувствовать сладкихъ ощущеній побѣдителя. Таковой выборъ удивилъ всѣхъ тѣхъ, которые не могли быть, подобно Сенявину, въ торжествѣ умѣренными, въ славѣ скромными

и къ истинной пользѣ отечества ревнительными. Сіе объяснить можетъ простое разсужденіе. После сраженія, во всѣ дни вѣтры были тихіе, перемѣнные, всегда почти противные и штили. Слѣдственно гнавшись за непріятелемъ Тенедосъ былъ бы потерянъ, и тогда истребленіе сего непріятельскаго флота принесло бы намъ гораздо менѣе пользы. Не имѣя толь удобнаго пристанища близь Дарданелъ, никакого средства вознаградить потерю въ людяхъ и исправить свои поврежденные въ сраженіи корабли, мы могли бы только сжечь Турецкіе и можетъ быть нѣсколько своихъ, и принуждены были бы оставить блокаду Дарданелъ, или удалясь отъ оныхъ ослабить оную, и тѣмъ уничтожить главную цѣль: „присутствіемъ Россійскаго флота въ Архипелагѣ лишить Константинополь подвозу съѣстныхъ припасовъ съ моря." Тогда слава истребителя Отоманской морской силы была бы одно лестное для личности стяжаніе. Сверхъ того Адмиралъ надѣялся, подавъ помощь крѣпости, упредить непріятеля, стать предъ Дарданелами или итти паки ему на встрѣчу.

23-го и 24-го. Противные вѣтры и безвѣтрія препятствовали эскадрѣ подвигаться впередъ. 25-го же около полудня, прибывъ къ Тенедосу, остановилась на якорѣ по каналу. Въ тожъ время Турецкая эскадра стала на якорь между островомъ Имбро и Дарданелами.

26-го числа Главнокомандующій, желая скорѣе освободить крѣпость отъ осады,

сдѣлалъ предложеніе Кадымъ Углу, Турецкому начальнику войскъ, оставить островъ, съ обѣщаніемъ отпустить ихъ на Азіатскій берегъ съ имуществомъ и оружіемъ. Въ отвѣтъ на сіе Турецкій Паша испрашивалъ позволенія снестись предварительно съ Анатольскимъ Сераскиромъ Сеидъ Измаилъ Пашею, отъ власти коего онъ зависѣлъ; но Адмиралъ ему въ томъ отказалъ. Къ полудню Турецкая эскадра изъ 7 кораблей, 3 фрегатовъ и 2 бриговъ, при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ, снялась съ якоря и вошла въ Дарданелы.

27-го Прибылъ на Адмиральскій корабль второй по Пашѣ Хаджи-Юсуфъ Ага Оберъ-Комендантъ четырехъ первыхъ отсюда крѣпостей въ Дарданелахъ, съ согласіемъ оставить островъ на сдѣланномъ предложеніи, и 28-го Іюня 4.600 человѣкъ Турецкаго войска, оставя намъ всѣ пушки и снаряды, перевезены на Анатольскій берегъ.

Корабль Капитанъ Бея, взятый въ плѣнъ, назывался Сед-ель Бахръ (оплотъ морскій); имѣлъ 84 пушки, въ нижнемъ декѣ 42-хъ, въ среднемъ 22-хъ, въ верхнемъ 12-ти фунтоваго калибра, всѣ мѣдные; оный корабль хотя сильно разбитъ былъ какъ въ корпусѣ, такъ и мачтахъ, но по исправленіи еще могъ продолжать службу, убитыхъ на ономъ найдено 230, раненыхъ 160; въ плѣнъ досталось 774 человѣка; въ томъ числѣ нашлось плѣнныхъ съ корветы Флоры матрозовъ 11; Англичанъ: Мичманъ 1, матрозовъ 5; сожженный корабль

назывался Бешаретъ (щастливое извѣстіе), ранга 80-ти пушечнаго, фрегаты Нессимъ и Метелинъ, первой 50-ти, второй 32-хъ пушечные. Къ сему урону Турецкаго флота, по достовѣрному увѣдомленію, присовокупить надлежитъ одинъ корабль и фрегатъ сожженные у острова Тассо и еще два фрегата потонувшіе у острова Самондраки. Сіе объясняетъ, почему изъ 20 судовъ, составлявшихъ Турецкій флотъ при началѣ сраженія, вошло обратно въ Дарданелы токмо 12 судовъ. Капитанъ-Паша обѣщалъ Султану привезть голову Сенявина, но самъ потерялъ руку. Должно отдать справедливость, что въ семъ сраженіи, Турки дрались съ отчаяннымъ мужествомъ, на кораблѣ Сеидъ-Али раненыхъ и убитыхъ было до 500 человѣкъ, на прочихъ корабляхъ не менѣе сего числа; почему судить можно сколь великую потерю имѣлъ непріятель въ людяхъ, и весьма вѣроятно, что оная превосходила потерю Французовъ въ Трафалгарскомъ сраженіи, гдѣ они имѣли 33 корабля въ линіи. Потеря въ десантныхъ войскахъ, сколько по собственному признанію, столько по неудачнымъ приступамъ и безпрестаннымъ сраженіямъ въ продолженіи 13-ти дней, а болѣе по найденнымъ тѣламъ, зарытымъ по освобожденіи острова, простирается до 2.000 убитыхъ и раненыхъ.

Россійскій Геркулесъ, Капитанъ 1-го ранга Лукинъ, убитъ въ Аѳонскомъ сраженіи, въ то самое время, когда корабль его, прорѣзавъ

непріятельскую линію, сражался подъ вѣтромъ оной на оба борта. Славная смерть сего достойнаго начальника была самою чувствительнѣйшею потерею для флота и отечества. Дмитрій Александровичъ Лукинъ всегда былъ отличный морской Офицеръ; храбрый, дѣятельный и искусный воинъ; притомъ благородный, ласковый, строгій, справедливый и всѣми подчиненными любимый и уважаемый. При удивительной тѣлесной силѣ, онъ былъ кротокъ и терпѣливъ; даже будучи разсерженъ, онъ никогда не давалъ воли рукамъ своимъ. Опыты силы его производили изумленіе; трудно однакожъ было заставить его что либо сдѣлать, только въ веселый часъ и то въ кругу коротко знакомыхъ иногда показывалъ оные. На примѣръ: съ легкимъ напряженіемъ силъ ломалъ онъ подковы, могъ держать пудовыя ядра полчаса въ распростертыхъ рукахъ; шканечную пушку въ 87 пудовъ со станкомъ, одною рукою подымалъ на отвѣсъ; однимъ пальцомъ вдавливалъ гвоздь въ корабельную стѣну. При такой необычайной силѣ былъ еще ловокъ и проворенъ; бѣда тому, съ кѣмъ бы онъ вздумалъ вступить въ рукопашный бой. Подвиги его въ семъ родѣ съ прибавленіемъ расказываемые, прославили его наиболѣе въ Англіи, тамъ съ великимъ стараніемъ искали его знакомства, и въ Россіи, кто не зналъ Капитана Лукина? Словомъ имя его извѣстно было во всѣхъ Европейскихъ флотахъ, и рѣдкой кто не

слыхалъ какого нибудь любопытнаго о немъ анекдота.

Потеря наша въ Аѳонскомъ сраженіи есть слѣдующая: убитыхъ на флотѣ было 77 человѣкъ, умеръ отъ ранъ Лейтенантъ Куборскій, раненыхъ морскихъ Офицеровъ 5, пѣхотныхъ 2, нижнихъ чиновъ 182; изъ Тенедоскаго гарнизона убито Офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 52; ранено Офицеровъ 6, солдатъ 185; жителей убитыхъ и раненыхъ до 160. Вся потеря въ убитыхъ и раненыхъ состояла въ 674 человѣкахъ.

Анекдоты.

1.) 9-го Марта по занятіи города Тенедоса нашими войсками и по заключеніи Турокъ въ крѣпость, Адмиралъ, желая избѣгнуть напраснаго кровопролитія и продолжительной осады, приказалъ предложить плѣннымъ Туркамъ, отнесть письмо къ Коменданту; но всѣ они отказались по тому, что подвергли бы себя опасности быть убитыми за то, что отдались въ плѣнъ и притомъ объявили, что гарнизонъ поклялся защищаться до послѣдней крайности. Когда желаніе Адмирала даровать пощаду Туркамъ, находившимся въ крѣпости, сдѣлалось извѣстно плѣннымъ женщинамъ, то одна изъ нихъ именемъ *Фатьма* объявила переводчику, что желаетъ говорить съ Адмираломъ, и когда была представ-

лена такъ начинаетъ: „Великодушный Христіанинъ! милостивое твое покровительство, призрѣніе къ твоимъ невольницамъ, ими не ожидаемое, побудили меня предложить тебѣ мою услугу; я берусь и отнесу письмо твое къ Пашѣ, хочу убѣдить непреклонныхъ нашихъ мужей, что мы во врагахъ нашли друзей, какихъ едвали имѣемъ между правовѣрными. Знаю, что пріемлю на себя слишкомъ трудную обязанность; знаю, что едвали повѣрятъ моему свидѣтельству о поступкахъ твоихъ, великій начальникъ Христіанъ; но не колеблюсь сими предположеніями моими, надѣюсь по крайней мѣрѣ ослабить несправедливое предубѣжденіе противу васъ, и въ знакъ благодарности, въ возмездіе милостей твоихъ къ плѣннымъ, обрѣкаю себя за всѣхъ прочихъ на вѣрную смерть! При семъ сына своего, дитя отъ груди только отнятое, съ нѣжностію поцѣловавъ, Фатьма пала на колѣни, и положивъ ребенка къ ногамъ Адмирала продолжала: „оставляю тебѣ дитя мое залогомъ драгоцѣннѣйшимъ для матери: если Богу угодно лишить меня жизни въ сей день, будь ему отцомъ, наставникомъ и покровителемъ, научи его твоей вѣрѣ, да возможетъ онъ подражать тебѣ, и быть достойнымъ твоихъ попеченій.“ Фатьма встала, и твердымъ голосомъ просила, препроводить ее скорѣе въ крѣпость. Адмиралъ, зная что Турки всѣхъ попавшихся въ плѣнъ женщинъ, почитаютъ обезчещенными, и какъ недостойныхъ жизни,

обыкновенно убиваютъ, удивленъ былъ рѣшительностію сей женщины. Будучи самъ отцемъ, поколебался въ душѣ, желалъ отказаться отъ сей жестокой жертвы, но героиня уже удалилась, съ рѣдкою твердостію, сошла она на шлюпку и ни разу не обратилась къ сыну, который голосомъ призывалъ ее и простиралъ къ ней руки.

Адмиралъ приказалъ прекратить пальбу, дать знать трубою, что желаютъ говорить. Турки однакожъ не отвѣчали на сей вызовъ, и когда Фатьма показалась на площади предъ крѣпостью, съ ближняго бастіона сдѣлали по ней нѣсколько выстрѣловъ. Героиня поднявъ письмо вверхъ, смѣло приближилась къ воротамъ и увѣдомила, что несетъ важныя вѣсти. Комендантъ принялъ отъ нее письмо, и выслушавъ, какое уваженіе Сенявинъ оказалъ къ ихъ обычаямъ, тронутый снисхожденіемъ, котораго по предубѣжденію не предполагаютъ Турки въ Христіанинѣ, собравъ совѣтъ, по общему желанію, опредѣлили послать чиновника съ согласіемъ сдаться на предложенныхъ условіяхъ. Благородный Комендантъ, самъ проводилъ Фатьму до воротъ, и когда подчиненные его требовали предать ее смерти, онъ обратившись сказалъ имъ: не допущу до сего; она не обезчещена; непріятели оказали ей уваженіе. Что Христіане подумаютъ о насъ, когда убьемъ слабую жену? Фатьма не принадлежитъ намъ, она плѣнница и должна возвратиться."

Когда Фатьма взошла на корабль, самъ Адмиралъ подалъ ей сына, она бросилась на колѣни, крѣпко прижала его къ груди своей, залилась слезами, и не могла проговорить ни одного слова. Раставаясь съ нимъ, когда шла къ смерти, она не плакала, но теперь, свершивъ свой подвигъ, чувства матерней горячности замѣнили въ душѣ ея всѣ другія; стоя на колѣняхъ она рыдала, занималась однимъ сыномъ, коему расточая ласки, забылась до того, что сбросила съ себя покрывало, и казалось никого вокругъ себя не замѣчала.

Турецкій чиновникъ, свидѣтель сего явленія, увѣрившись въ справедливости показанія Фатьмы, тѣмъ, что Адмиралъ самъ подалъ ей сына, съ знаками глубокаго уваженія приблизившись къ Главнокомандующему сказалъ: „благодарю пророка, что лично узнаю твое снисхожденіе; ты писалъ, что желаешь отпустить насъ съ имуществомъ домой, мы признаемъ себя побѣжденными, и великодушіемъ и силою твоею, не можемъ требовать отъ тебя болѣе, что ты предложилъ намъ: утверди условія, однимъ твоимъ словомъ и крѣпость твоя. Все дѣло скоро было кончено, вмѣсто договора, вмѣсто пергамента съ печатью, ударили по рукамъ и статьи, утвержденныя честнымъ словомъ, были исполнены. Должно представить себѣ удивленіе Турки, когда Адмиралъ приказалъ переводчику сказать ему, что для перевозу женщинъ,

какъ въ крѣпости такъ и въ плѣнъ взятыхъ, присланы будутъ закрытыя шлюпки, съ тѣмъ, чтобы Турки назначили своихъ людей, для перевозу ихъ на Анатольскій берегъ. Чиновникъ признался, что онъ, зная права побѣдителя, и зная, что не легко отказаться отъ стольких прекрасныхъ женщинъ, не смѣлъ ходатайствовать о ихъ освобожденіи; но теперь, когда ты самъ намъ ихъ возвращаешь, то повѣрь, что мы умѣемъ цѣнить твое снисхожденіе, постараемся на опытѣ доказать тебѣ нашу благодарность. Фатьма, будучи жена простаго ремесленника, за столь необыкновенный подвигъ для женщины была щедро одарена Адмираломъ.

2). Въ продолженіи осады, житель Тенедоса Жанъ Миканіото во время приступа Турокъ къ шанцамъ взялъ знамя, а послѣ сжегъ кофейный домъ, стоящій подъ самымъ лѣвымъ фасомъ крѣпости, откуда непріятель много вредилъ нашимъ артиллерійстамъ. Миканіото, одѣвшись по Турецки, въ полночь прокрался къ дому, и зажегши его горючимъ составомъ, щастливо соскочилъ въ ровъ и благополучно возвратился въ крѣпость. Другой молодой Грекъ изъ Смирны Мишель Крутица, спасшійся съ взятаго корсера въ одной рубашкѣ, ни мало отъ сего не унывалъ, мужественно сражался въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, и для доставленія нужныхъ увѣдомленій Адмиралу, подъ картечными выстрѣлами два

раза ѣздилъ на корабль его; но отважность его при потопленіи остатковъ горѣвшаго брига Гектора (*) пріобрѣла ему имя храбраго. Симъ смѣлымъ подвигомъ избавленъ былъ отъ сожженія бригъ Богоявленскъ, и всѣ другія суда, стоявшія въ гавани.

3). Бомбардированіе Тенедоса, крѣпости, не имѣющей ни казематовъ, и ни какихъ погребовъ, гдѣ бы по крайчей мѣрѣ можно положить раненыхъ, было ужаснѣйшимъ нашимъ бѣдствіемъ. При каждомъ паденіи бомбы вопли женщинъ, кричащихъ Панагея! Панагея! (Богородица) давали знать о новыхъ жертвахъ. Одна 9-ти пудовая бомба разрушила половину Комендантскаго дома. Въ нижнемъ

(*) Достойно замѣчанія, что два героя Аяксъ и Гекторъ, убитые при осадѣ Трои и нынѣ также при оной погибли. Когда эскадра Дукворта, для прохода чрезъ Дарданелы и нападенія на Константинополь, ожидала у островковъ Маври попутнаго вѣтра, линейный корабль именуемый *Аяксъ* отъ искры упавшей въ сѣно загорѣлся и былъ взорванъ на воздухъ близъ Тенедоской крѣпости. Изъ всего экипажа, кромѣ Капитана и 13 катерныхъ матрозовъ, бывшихъ на Адмиральскомъ кораблѣ не спаслось ни одного человѣка. Бригъ *Гекторъ* подъ Россійскимъ флагомъ, при нападеніи Турецкаго Флота на Тенедосъ, отъ брандкугелей загорѣлся. Изъ всего экипажа спаслись только раненые, въ томъ числѣ и Капитанъ, прочіе сгорѣли. Такимъ образомъ два корабля, двухъ націй, носившихъ имена двухъ Греческихъ героевъ, погибли одинаковымъ образомъ противу Трои.

этажѣ, гдѣ разорвало бомбу, одна нещастная женщина лишилась вдругъ мужа, брата, двухъ взрослыхъ дѣтей и груднаго ребенка, который лежалъ возлѣ ногъ ея; словомъ она осталась совершенною сиротою безъ подпоры и утѣшенія. Пораженную столь великою потерею, сколько ни старались привести ее въ чувство; но она не могла говорить, не могла и плакать; унылымъ взоромъ смотрѣла на всѣхъ, какъ бы не понимая, что вокругъ ея дѣлается; равнодушіе ко всему показывало признаки сумасшествія; когда же Священникъ пришелъ отдать послѣдній долгъ, она начала молиться усердно, просила дать ей святое причастіе, потомъ съ тѣмъже равнодушіемъ собранныя раздробленныя части убитыхъ облобызала безъ отвращенія, простилась съ ними какъ бы съ нѣкоею радостію и сама своими руками опустила тѣла въ море, (куда во избѣжаніе заразительнаго воздуха бросали убитыхъ). По совершеніи столь плачевнаго обряда, она заплакала, начала говорить, и скоро снова пришла въ оцѣпенѣніе. Страданія ея не долго продолжались, на другой день, укрывшись отъ наблюденія своихъ родныхъ, она бросилась въ море.

4). Въ одинъ день, Албанецъ, служившій въ Турецкомъ войскѣ, приблизился ко рву съ бѣлымъ флагомъ, и объявилъ, что онъ отъ имени Паши, имѣетъ предложить Коменданту выгодныя условія, до сдачи крѣпости ка-

сающіяся. Албанецъ сей, во ожиданіи отвѣта, разговаривая съ своими соотечественниками, нашелъ въ числѣ гарнизона нашего роднаго своего брата. Столь нечаянная встрѣча обрадовала ихъ; но послѣ вопросовъ о родныхъ и семейственныхъ обстоятельствахъ, начались упреки. Турецкій Албанецъ извинялся бѣдностію, необходимостію вступить въ Султанскую службу. Нашъ говорилъ ему: смотри какъ Богъ награждаетъ правое дѣло, я также былъ бѣденъ, теперь имѣю излишнее и могу помочь тебѣ, при томъ совѣсть моя покойна, я служу Государю Православному, единой надеждѣ, коему возможно возстановить уничиженную Грецію; ты служишь тиранамъ нашимъ, врагамъ Бога и церкви; я защищаю отечество; ты его угнетаешь. Мы теперь непріятели, можетъ случиться, что твоя рука лишитъ меня жизни или я нанесу тебѣ смерть; посуди какое покаяніе можетъ очистить твою душу? тебя клясть будетъ наша церковь, за меня она молитъ; тебѣ нѣтъ надежды въ будущемъ, я твердо уповаю на милосердіе моего Бога.“ Разговоръ былъ прерванъ отвѣтомъ Полковника Падейскаго, который приказалъ сказать Пашѣ, „что онъ ошибается, думая имѣть право пред„ложить ему капитуляцію; напротивъ онъ на„дѣется, что самъ Паша скоро просить будетъ „объ оной.“ Братья разставаясь получили позволеніе отъ Коменданта еще разъ увидѣться.

Паша также позволилъ, но съ умысломъ. Албанецъ его на другой день пришедъ ко рву, между разговорами сказалъ брату своему, что Султанъ обѣщаетъ каждому изъ Грековъ по 500 піастровъ, а Тенедоскимъ жителямъ сверхъ того построитъ домы и заплатитъ всѣ ихъ убытки, если согласятся сдаться и принудятъ къ тому малое число нашихъ солдатъ. Ты не братъ, а врагъ мой, во гнѣвѣ отвѣчалъ ему нашъ Албанецъ, удались нещастный, и никогда болѣе не приходи. Въ пылкомъ усердіи преданности своей къ Россіи, Греки снова и торжественно заклялись, пролить за Рускихъ послѣднюю каплю крови. Симъ случаемъ пробудилась ненависть ихъ къ Туркамъ; они съ яростію приступили было къ дому, гдѣ содержались плѣнные; но карaульный Офицеръ, поставивъ солдатъ предъ окнами, остановилъ тѣмъ ожесточенныхъ.

5). Участь Тенедоской крѣпости и Турокъ ее осаждавшихъ зависѣла отъ морскаго сраженія. Хотя мы и не опасались, чтобы Турецкой флотъ побѣдилъ Россійской, но сомнѣвались будетъ ли нашъ Адмиралъ такъ щастливъ, что скоро Турецкій флотъ сыщетъ, и будутъ ли вѣтры ему благопріятствовать, дабы эскадра наша, разбивъ непріятельскую, могла немедленно возвратиться для освобожденія крѣпости, которую по невыгодному ея положенію, и недостатку военныхъ снарядовъ, болѣе двухъ недѣль ни какъ удержать было не возможно. Въ семъ расположеніи духа, когда

мысли каждаго блуждали въ океанѣ неизвѣстности, одинъ изъ Албанскихъ начальниковъ, явился къ Коменданту и просилъ у него позволенія сдѣлать торжественное гаданіе для удовлетворенія любопытства народа. Комендантъ далъ свое согласіе. Албанецъ со всѣми обрядами языческихъ жрецовъ, заклалъ барана, разсмотрѣлъ его внутренность, потомъ изжаривъ разрубилъ на части, очистилъ мясо со передней лопатки, и разсматривая и обращая ее во всѣ стороны, всплеснувъ руками, увѣрительнымъ голосомъ воскликнулъ: „благодарите Бога! Турецкій флотъ разбитъ, корабли ихъ возметъ воздухъ, вода и огонь.“ Когда спросили его Офицеры, гдѣ же теперь нашъ флотъ? Онъ отвѣчалъ: въ рукахъ у Бога. Это было 20-го числа, сраженіе кончилось 19-го, и Албанецъ угадалъ какъ не льзя ближе. Пусть читатель теперь самъ судитъ, было ли Римское гаданіе основано на какихъ вѣроятностяхъ, или подлежало оно слѣпому случаю.

6). Среди сраженія 19-го Іюня при Аѳонской горѣ, Адмиралъ приказалъ Капитану корабля Скораго Р. П. Шельтингу, держаться къ его кораблю такъ близко, чтобы при громѣ пушекъ можно было слышать словесныя отъ него приказанія, что и было храбрымъ Капитаномъ въ точности исполнено. Въ началѣ сраженія управлявшій парусами Лейтенантъ Куборскій, почтенный и храбрый Офицеръ, былъ тяжело раненъ и скоро умеръ. Лейтенантъ Денисьевскій заступилъ

его мѣсто. Сражаясь вдругъ съ тремя Турецкими кораблями и фрегатомъ на пистолетномъ выстрѣлѣ, одинъ изъ непріятельскихъ кораблей сблизился такъ, что свой утлегарь положилъ на корму Скораго. Одинъ смѣльчакъ хотѣлъ отрѣзать нашъ флагъ, но былъ убитъ и упалъ въ воду. Въ толь жаркомъ огнѣ, мужественному Денисьевскому оторвало ногу, и тутъ онъ обнаружилъ необыкновенное присутствіе духа; стоя на открытомъ мѣстѣ шутливо сказалъ: „невѣрная сила меня подкосила," продолжалъ распоряжать, и не прежде позволилъ нести себя въ низъ, какъ самъ Капитанъ принялъ командованіе. Истекая кровію, и отъ висѣвшей на одной жилѣ ноги, чувствуя чрезвычайную боль, Денисьевскій приказывалъ матрозу отрѣзать ее ножемъ, но сей поддерживая его ногу отвѣчалъ: потерпите немножко ваше благородіе, лѣкарь лучше это сдѣлаетъ. Когда несли его чрезъ шканцы на кубрикъ, Денисьевскій, замѣтивъ мало людей у пушекъ, сказалъ имъ: „не робейте ребята! хотя васъ и мало, замѣните потерю храбростію и потрудитесь для Руской славы.

7). Боцманматъ сего корабля Аѳанасьевъ, также отличился необыкновеннымъ мужествомъ и пожертвованіемъ, которое когда человѣкъ стоитъ на краю гроба, свойственно токмо людямъ одареннымъ духомъ непоколебимымъ и сердцемъ исполненнымъ благородныхъ чувствовавій. Аѳанасьевъ потерялъ

ногу на марсѣ, пока его на веревкѣ спустили съ мачты отъ истеченія крови онъ началъ уже терять голосъ. Когда лѣкарь приуготовлялся пилить ему ногу, онъ услышалъ повторенное имя Денисьевскаго, поднявъ голову слабымъ голосомъ сказалъ лѣкарю: „оставьте меня и помогите Матвѣю Андрониковичу" спасибо тебѣ братъ „протянувъ руку сказалъ ему Денисьевскій" ты знаешь законъ, очередь твоя, я не хочу и не долженъ воспользоваться твоимъ великодушіемъ„ вотъ черты, достойныя героевъ, достойныя Рускаго сердца.

8). Еще одинъ примѣръ, доказывающій какимъ духомъ оживлены были служители въ сіе славное сраженіе. Аѳанасій Соломининъ, боцманъ сегоже корабля Скораго, былъ раненъ пулею въ руку; онъ хотѣлъ вытащить ее зубами, но не могши, вырѣзалъ ее ножемъ, и завязавъ платкомъ, остался при своемъ мѣстѣ. Рука сильно у него распухла, но онъ не прежде какъ послѣ сраженія пошелъ на перевязку, и не смотря на представленіе лѣкаря остаться въ кубрикѣ и взять покой, Боцманъ явился къ своей должности. Будучи старикъ лѣтъ подъ шестдесятъ, онъ какъ молодой и самой расторопной человѣкъ бѣгалъ, кричалъ, заботился, распоряжалъ и по боцманскому обыкновенія бранилъ и сердился на матрозовъ.

Моя благодарность.

Въ сраженіи 16-го Іюня при высадкѣ Турецкихъ войскъ на Тенедосъ, получилъ я

контузію въ правой бокъ, а послѣ въ крѣпости, управляя артиллеріею въ цитадели, былъ тяжело раненъ въ составъ лѣваго плеча пулею на вылетъ. На сгорѣвшемъ бригѣ Гекторѣ, бывшемъ подъ начальствомъ моимъ, лишился я всего, что у себя имѣлъ, такъ что по снятіи первой перевязки не чѣмъ было перевязать раны. Въ семъ моемъ положеніи, Комендантъ, Полковникъ Падейской, приказалъ перенесть меня въ свой домъ и поручилъ Доктору Бартоломею Боліако жителю изъ Хіо, котораго искуствомъ и опытностію многіе опасно раненые вылѣчены; я обязанъ ему жизнію.

Въ одной со мною комнатѣ, помѣщены были изъ лучшихъ семействъ раненыя женщины, въ томъ числѣ Марія дочь нашего Консула Хальяно. Прекрасная и 17-ти лѣтъ она была ранена хотя легко; но такимъ образомъ, что ее должно было обнажать до половины пояса. Лице, шея и грудь ея была ушибены штукатурою, упавшею съ потолка, которой разбитъ былъ ядрами. Дѣвица сія, страдавшая болѣе отъ стыда, нежели отъ боли, привыкла наконецъ къ моему присутствію, почитала долгомъ помогать Доктору при моей перевязкѣ, и во все время осады не отходила отъ меня ни на минуту.

Когда наша эскадра, обошедъ островъ Имбро, прибыла къ Тенедосу, двоюродной братъ мой А. В. Левшинъ, узнавъ, что я тяжело раненъ, выпросилъ позволеніе у Капитана, и

отправился на шлюпкѣ къ крѣпости. Надлежало плыть подъ перекрестнымъ огнемъ, подъ тучею пуль и картечь. Шлюпку пробило ядромъ, однакожъ люди остались безъ вреда, и посѣщеніе брата сколько удивило меня, столько принесло и удовольствія; но не желая, что бы онъ впредь подвергалъ себя и людей такой опасности, я просилъ его не пріѣзжать въ другой разъ. Едва онъ уѣхалъ, бомба разрушила ту половину дома, въ которой я лежалъ. По щастію нишъ, гдѣ стояла моя постель, удержала остатки упавшаго на него потолка, и между многими ранеными и убитыми одинъ только я остался въ домѣ невредимымъ.

По освобожденіи крѣпости отъ осады, Козловскаго полку Капитанъ А...., перенесъ меня изъ пороховаго погреба, гдѣ я лежалъ въ послѣдніе дни осады, на свою квартиру. Въ одинъ день гренадеръ, ходившій за мною, внесъ въ комнату мою узелъ съ нѣкоторыми вещами и подалъ записку слѣдующаго содержанія. „Услышавъ, что вы лишились вашего имущества и тяжело ранены, зная при томъ, что вы не согласитесь принять посылаемыя при семъ вещи, я лучше желаю, чтобы вы меня не знали, нежели не приняли того, что для васъ необходимо, а мнѣ излишно. Не ищите меня, трудъ вашъ будетъ напрасенъ, довольно я вашъ другъ и ничего больше не желаю, какъ вашего выздоровленія.... Теряясь въ предположеніяхъ и догад-

кахъ моихъ, пусть неизвѣстный благотворитель, читая строки сіи, приметъ мою искреннѣйшую благодарность.

При поступленіи моемъ на фрегатъ Венусъ, одинъ изъ Офицеровъ вызвался раздѣлить со мною свою каюту и при первой встрѣчѣ обласкалъ меня болѣе другихъ. Служба, нужда повѣрять свои мысли кому либо, мало по малу внушая взаимную довѣренность, сдѣлали насъ друзьями, не такими, кои по сходству склонностей, снисхожденію къ слабостямъ другъ друга дѣлаютъ связь ихъ болѣе взаимнымъ условіемъ, нежели дружбою. Напротивъ при несходствѣ нравовъ, мы любили быть вмѣстѣ, дѣлили радости и печали съ удовольствіемъ, и во всю службу не разлучались. Мы не имѣли между собою ни чего тайнаго, откровенно говорили правду и даже иногда ссорясь, всегда видѣли необходимость другъ въ другѣ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ просвѣщённомъ вѣкѣ, въ которомъ ни кого не любятъ кромѣ самаго себя; въ которомъ друзья рѣдки; я нашелъ друга въ М. Л. Н. . . Онъ былъ щастливѣе меня, имѣвъ случай опытомъ доказать свое ко мнѣ расположеніе. Едва Турки отправлены были на Анатольскій берегъ, онъ перевезъ меня на фрегатъ, самъ помогалъ лѣкарю при перевязкѣ, самъ давалъ мнѣ лѣкарства, словомъ покоилъ меня, ходилъ за мною какъ братъ, какъ отецъ. Малая опытность корабельнаго лѣкаря, въ продолженіи плаванія отъ Тенедоса

до Корфы, едва не отверзла мнѣ двери гроба, должно было отнять руку по составъ плеча, но Н.. на сіе не согласился. Въ Корфѣ нанявъ для меня квартиру, онъ сыскалъ славнаго Коруэу, Врача особенно искуснаго въ леченіи ранъ, и сей сдѣлавъ 18 операцій вынулъ изъ плеча 23 кости, и не только жизнь, но и руку мнѣ сохранилъ.

До какой степени Дмитрій Николаевичъ простиралъ свои попеченія особенно о раненыхъ, съ какою ласкою и снисхожденіемъ обращался онъ съ подчиненными, я представляю въ примѣръ себя и замѣчу, что всѣ раненые по мѣрѣ нуждъ и заслугъ не остались безъ равнаго вниманія. Когда эскадра возвратилась изъ Архипелага въ Корфу, озабоченный сдачею Корфы Французамъ, отправленіемъ войскъ въ Венецію, пріуготовленіемъ флота къ возвращенію въ Россію, и день и ночь въ трудахъ, Дмитрій Николаевичъ вспомнилъ обо мнѣ, послалъ Адьютанта навѣдаться о моемъ здоровьѣ и спросить, когда может меня видѣть. Адьютантъ нашелъ меня на кораблѣ Рафаилѣ. Обрадованный столь лестнымъ снисхожденіемъ Главнокомандующаго, я отправился съ Адьютантомъ на корабль Твердый. Адмиралъ былъ на шканцахъ, когда доложили ему о моемъ пріѣздѣ, онъ съ такимъ добродушнымъ участіемъ спросилъ о состояніи ранъ моихъ, съ такою ласкою похвалилъ службу мою, и взявъ за руку ввелъ въ свою каюту, что я будучи изумленъ та-

кимъ пріемомъ, не зналъ какъ благодарить. Но съ чѣмъ сравнить можно удивленіе мое, когда Дмитрій Николаевичъ посадивъ меня въ своемъ кабинетѣ сказалъ: Я узналъ, что вы имѣете нужду, и для того хотѣлъ видѣть васъ, чтобы спросить чѣмъ могу помочь вамъ. — Я просилъ заплатить Доктору за труды. Дмитрій Николаевичъ позвавъ флагъ-Капитана Малѣева приказалъ выдать мнѣ 100 червонныхъ, сверхъ того за лекарство и квартиру было особенно заплачено, а Докторъ Корузо, ни чего не ожидавшій, получилъ бриліантовый перстень въ 2.000 рублей, и какъ онъ подалъ прозьбу о принятіи его въ службу и вѣрноподданство, то на другой же день былъ назначенъ Главнымъ Докторомъ при 15-й дивизіи съ жалованьемъ по мѣсту. Сей достойный и весьма искусный Докторъ былъ принятъ, по представленію Дмитрія Николаевича, Колежскимъ Ассесоромъ и служилъ послѣ въ Севастополѣ въ званіи Главнаго Доктора при Морской гошпиталѣ, и въ сей должности заслужилъ безпрекословную славу, такъ что въ знаніи не имѣя соперниковъ, уважаемъ былъ и самыми завистниками.

Такими средствами Дмитрій Николаевичъ пріобрѣлъ любовь отъ своихъ подчиненныхъ, и сія любовь не легко пріобрѣтаемая, вопреки превратности случаевъ, сохранитъ ему то уваженіе, которое заслужилъ онъ дѣлами добрыми и заслугами знаменитыми.

Вниманіе къ подчиненнымъ, всегда готовая отъ него имъ помощь, свойство души чувствительной, никогда не истребятся изъ памяти всѣхъ имѣвшихъ честь и щастіе служить подъ его начальствомъ.

Разныя замѣчанія.

Прекрасный климатъ, богатство произведеній, выгодное положеніе для торговли и знаменитыя произшествія древней Греціи, всегда будутъ привлекать на острова Архипелага любопытныхъ путешественниковъ, и обращать вниманіе политиковъ. Двѣ гряды сихъ островов, кромѣ разсѣянныхъ, составляютъ почти непрерывную цѣпь, соединяющую Европу съ Азіею. Острова сіи конечно суть вершины бывшихъ на твердой землѣ высокихъ горъ, которыя послѣ всемірнаго потопа и многихъ землетрясеній, испровергнувшихъ и потопившихъ низкія мѣста, учинились островами. Твердый камень, изъ коего обыкновенно состоятъ вершины высокихъ горъ, составляя нынѣ почву всѣхъ Архипелажскихъ островов, неоспоримо то доказываетъ.

Почва Архипелажскихъ островов, есть пластъ плодотворной земли, на твердомъ гранитѣ, болѣе или менѣе глубоко лежащій; не рѣдко весь островъ, какъ то Паросъ, Тино и другіе, есть толща прекраснѣйшаго мрамора и частію драгоцѣнной яшмы. Каменное

сіе основаніе сохраняетъ въ землѣ полезную для прозябеній влажность. Всѣ растѣнія хотя не съ такою скоростію ростутъ, какъ въ нашемъ климатѣ, но за то онѣ, два раза въ году перемѣняя зелень, приносятъ плоды и всегда имѣютъ жизнь. Тамъ гдѣ истреблены лѣса, или ихъ не было, земля не защищаемая тѣнію деревъ, лишается нужной влажности; ибо уже дознано, что гдѣ нѣтъ лѣсовъ, тамъ изсыхаютъ источники и земля въ продолженіе вѣковъ обнажается и дѣлается безплодною. Однакожъ кромѣ не многихъ Цикладскихъ, кои суть голыя скалы, прочіе острова поражаютъ взоръ своимъ величіемъ и разнообразіемъ прекрасныхъ видовъ. Природа большею частію въ необработанномъ, дикомъ своемъ состояніи, при благорастворенномъ всегда ясномъ небѣ, даетъ человѣку все нужное и въ изобиліи. Персиковыя, абрикосовыя, миндальныя и фиговыя деревья, оставленныя самимъ себѣ, производятъ вкуснѣйшіе плоды. Трудолюбивые Греки, наиболѣе обработываютъ виноградъ, маслины, собираютъ шелкъ и хлопчатую бумагу.

Оливковое дерево изъ всѣхъ другихъ, есть конечно полезнѣйшее произведеніе; оно возраждается отъ своего корня и потому называется вѣчнымъ. Оно не требуетъ почти никакого за собою присмотра. Каждое дерево кругомъ даетъ по червонцу въ годъ доходу, такъ что въ Греціи приданое невѣстъ и вообще богатство считается числомъ сихъ

деревъ. Оливки, продающіяся у насъ въ банкахъ, супь не созрѣвшій плодъ; масло выжимаемое изъ созрѣвшихъ маслинъ, по неумѣнію или небрежному его приуготовленію, называется у насъ деревяннымъ, въ отличіе отъ Прованскаго, которое изъ того же плода съ большимъ старанiемъ и искусствомъ выжимается. Употребленіе деревяннаго масла во всей южной Европѣ столь велико, что на поварняхъ почти не употребляется коровье. По сему-то во всей Италіи рѣдко можно найти сіе послѣднее.

Нѣтъ страны, которая бы болѣе претерпѣла перемѣнъ, какъ Греція. Знаменитое сіе отечество изящнаго вкуса, и колыбель многихъ наукъ представляетъ теперь одну тѣнь того, что была нѣкогда. Законы, науки и войны равно ее прославили. Греція существовала такъ сказать, весьма краткій періодъ времени; но періодъ сей, исполненный геройскихъ подвиговъ, ознаменованный дѣяніями мужей великихъ, навсегда останется безцѣннымъ перломъ древней исторіи. Малолюдныя слабыя Республики, на которыя раздѣлена была Греція, увлекаясь судьбою сильнѣйшихъ, каковы были Спартанская и Аѳинская, и тѣ и другіе бывъ иногда свободными, долго сопротивлялись могуществу Персіи; наконецъ покоривъ сію Имперію подъ знаменами Александра, при преемникахъ его, обладали большею частію Азіи. Но слава Грековъ была подобна минутному блеску молніи, раздоры и несогласія, происходящія отъ раз-

дробленія на столь многія и малыя Республики, дѣлали ихъ легкою добычею всякаго завоевателя. Римляне покорили ихъ одну за другою и оставили имъ только призракъ свободы, которая скоро сама по себѣ изчезла.

Египтяне были первые изобрѣтатели наукъ и художествъ. Финикіяне упражнялись въ мореплаваніи и торговлѣ. Греки усовершенствовали изобрѣтенія тѣхъ и другихъ. Изящный вкусъ ихъ въ ваяніи, живописи и другихъ художествахъ, равно краснорѣчіе и правильная Поэзія, собственно принадлежатъ изобрѣтенію Грековъ и до сего времени служатъ образцами для художниковъ и стихотворцевъ нашего просвѣщеннаго вѣка. При упадкѣ наукъ въ среднихъ вѣкахъ во времена готическаго варварства немногіе ученые Греки, переселившіеся изъ Греціи во Флоренцію, подъ покровительствомъ знаменитой фамиліи Медицисовъ, сохранили науки и передали ихъ намъ.

По раздѣленіи Римской Имперіи на восточную и западную, по ослабленіи первой впаденіями воинственныхъ ордъ непросвѣщенныхъ народовъ; Архипелажскіе острова, одни за одними отторгаемые, принадлежали Венеціянамъ, Генуезцамъ и Каталонцамъ, а другіе имѣли особенныхъ независимыхъ Князей и Герцоговъ. Во времена крестовыхъ походовъ, они служили пристанищемъ для флотовъ, несшихъ армію крестоносцевъ и Пилигримовъ къ Іерусалиму и въ сіе же время были средоточіемъ торговли Европы съ Индіею чрезъ Египетъ. Наконецъ,

по завоеваніи гроба Господня Сарацинами, полководцы Калифовъ, а потомъ и сами Турецкіе Султаны, по взятіи въ 1453 году Константинополя, завоевали весь Архипелагъ, и Хоругвь Латинская, преслѣдуемая съ острова на островъ, остановилась у твердынь Корфы, единственнаго мѣста и понынѣ свободнаго отъ власти Оттомановъ.

Сравненіе древнихъ Грековъ съ нынѣшними — ихъ нравы и обычаи.

Древніе Греки почитались вѣтреным, храбрымъ, несправедливымъ и разумнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ. Имѣя пылкой умъ, замыслы свои искусно принаравливали они къ случаямъ; столь скоры были въ исполненіи оныхъ, что желать и владѣть для нихъ было одно; столь высокомѣрны, что почитали отнятымъ у себя то, чего не могли завоевать. Народъ неустрашимый и безпокойный, въ которомъ дерзновеніе превышало силы, смѣлость возрастала отъ опасностей и надежда отъ нещастій, который искалъ бѣдствій, вдавался имъ безъ размышленія, праздность почиталъ мученіемъ, и не давая себѣ покоя не могъ терпѣть его и у другихъ. Безпрестанно занимаясь будущимъ, не взирая на настоящее, завидуя другъ другу, въ междоусобіяхъ проливая кровь своихъ согражданъ, рѣдко могли они согласиться на мѣры защищенія своего общаго отечества, никода не могли соединиться въ значительную державу, и если въ сихъ

превратностяхъ гордиться могутъ славою многихъ великихъ Полководцевъ, Законодателей, Философовъ и Художниковъ, то столькоже должны себя упрекать въ несправедливостяхъ: ибо отличившійся знаменитыми подвигами, почти всегда былъ оклеветанъ, отравленъ ядомъ или изгнанъ изъ Отечества.

Вотъ какою кистію историки описываютъ древнихъ Грековъ. Нынѣшнихъ можно уподобить старцу въ преклонныхъ лѣтахъ слабому, изможденному въ силахъ и безъ противурѣчія слѣпо повинующемуся своенравной служанкѣ. Однакожъ столько вѣковъ неволи, деспотическое правленіе Магометовыхъ послѣдователей, хотя разрушили памятники просвѣщенія и художествъ; но несовершенно подавили ихъ духъ и не совсѣмъ измѣнили прежній характеръ. Продолжительное рабство и уничиженіе въ теченіи столькихъ вѣковъ долженствовали ослабить добродѣтели и умножить пороки нынѣшнихъ Грековъ. Основываясь на семъ положеніи, принимая во уваженіе тяжкое иго народа, сужденіе благомыслящаго не будетъ строго; ибо нещастіе заслуживаетъ снисхожденіе. Трудно съ точностію изобразить характеръ, искаженный бѣдствіями, падшій отъ нещастій, и потому постараюсь означить только главныя свойства онаго. Греки тщеславны въ щастіи, искательны и льстивы въ превратностяхъ судьбы; съ терпѣніемъ, уклончивостію удивительною, тихимъ шагомъ они достигаютъ почти

всегда своей цѣли. Любовь къ свободѣ и равенству еще не угасли, но взаимное недоброжелательство отклоняетъ то согласіе, которое могло бы поставить ихъ на чреду самобытныхъ народовъ. Опасность встрѣчаютъ они безтрепетно, умѣютъ умереть великодушно и для своего освобожденія при удобномъ случаѣ никогда не усумнятся пожертвовать жизнію. Храбрость ихъ не уступаетъ твердости Спартанской, они сколько дерзки въ сраженіи, столько же хвастливы и ни чѣмъ недовольны послѣ онаго, ни самая щедрая награда за малую услугу не можетъ удовлетворить ихъ. За сію хвастливость нѣкоторые путешественники подозрѣвали ихъ мужество; сіе несправедливо и по моему мнѣнію происходитъ оная отъ безпокойнаго нрава и наклонности къ распрямъ, которыми отличались и предки ихъ отъ всѣхъ народовъ. При дѣятельности и трудолюбіи, они такъ проницательны и ловки въ торговыхъ оборотахъ, что изъ всего умѣютъ извлекать себѣ пользу и въ семъ отношеніи думаю далеко превосходятъ прародителей своихъ, которые также любили и поклонялись деньгамъ.

Въ отечествѣ наукъ и изящныхъ художествъ, хотя и есть нѣсколько училищъ, содержимыхъ на иждивеніи частныхъ людей, нѣтъ теперь ни одного Апеллеса, Фидіаса и Праксителя; но искры того божественнаго огня, которымъ обладали предки ихъ, посредствомъ ли немногихъ письменныхъ памятни-

ковъ, или чрезъ изустное преданіе, по наслѣдству перешелъ и къ нынѣшнимъ. Не имѣя никакого образованія, многіе обладаютъ щастливыми дарованіями; оныя ощутительны и въ простыхъ поселянахъ. Вѣжливость, ловкость, какое-то особенное краснорѣчіе въ выраженіяхъ, въ изъясненіи мыслей искусный, остроумный и замысловатый оборотъ словъ, при томъ видѣ добросердечія, откровенности и вкрадчивости, служащей завѣсою лукавства и часто подлога, преимущество Грека въ сравненіи съ другими народами равнаго имъ состоянія людей дѣлается очевиднымъ. Доказательствомъ сему послужить можетъ и то, что не многіе обучающіеся въ иностранныхъ Университетахъ, въ короткое время успѣваютъ во всѣхъ наукахъ, особенноже Математическихъ, словесныхъ и даже самыхъ отвлеченныхъ и глубокомысленныхъ. Архипелажскіе Греки, занимающіеся мореходствомъ, говорятъ по Турецки и по Италіянски, никогда онымъ Грамматически не учась. Новый языкъ, происходящій отъ древняго, искаженъ Турецкими словами, однакожъ имѣетъ доброгласіе и мѣру. Древній же Еллинскій, которымъ писали и управляли сердцами цѣлаго народа славные витіи Греціи, не многіе ученые Греки разумѣютъ, онымъ говорятъ теперь только Профессоры въ Европейскихъ Университетахъ и малое число любителей словесности. Сіи не многіе ученые Греки рѣдко возвращаются въ отечество и потому знанія ихъ для соотe-

чественниковъ остаются безполезными. Гомеровы стихи (хотя не всякой изъ нихъ понимаетъ) поютъ съ удовольствіемъ, гордятся славою своихъ Героевъ и любятъ воспоминать золотой вѣкъ давнопрошедшаго своего блаженства. Страсть къ зрѣлищамъ и увеселеніямъ облегчаетъ нынѣшнихъ Грековъ въ тягостной ихъ неволѣ. Подобно древнимъ, какъ дѣти милыя и легковѣрныя, они переходятъ отъ грусти къ веселію съ чрезмѣрною скоростію, въ свободное время поютъ и пляшутъ безъ усталости, въ кругу искреннихъ любятъ выпить умѣренно, и въ сіи только минуты въ пріятныхъ воспоминаніяхъ забываютъ бѣдствія, утѣшаютъ себя надеждою лучшаго будущаго времени и мечтаютъ о вольности своей. Музыкальный ихъ инструментъ подобенъ скрыпкѣ съ тремя струнами.

Вкусъ Грековъ въ украшеніи храмовъ, въ убранствѣ домовъ и одеждѣ совсѣмъ нынѣ измѣнился. Красный и голубой цвѣтъ предпочитаютъ прочимъ, смѣшеніе оныхъ въ шелковыхъ матеріяхъ и въ крашеніи комнатъ составляетъ пестроту непріятную для взора. Рѣзьба, коею украшаютъ церкви и жилища, также и живопись, не стоятъ и названія сего. Въ строеніи домовъ и мебеляхъ, исключая чистоту и опрятность, подражаютъ Туркамъ. Мечети, строенныя Греками, при первомъ взглядѣ возбуждаютъ невольное удивленіе и если не отличаются оныя правиль-

ностію вкуса, то имѣютъ много величія и той смѣлости въ исполненіи, которая свойственна была древнимъ ихъ зданіямъ. Въ образѣ жизни умѣренны, воздержны, строго наблюдаютъ посты, не знаютъ роскоши, и тѣ, которые занимаются торговлею крайне благоразумны въ расходахъ, у тѣхъ же, которые малыя имѣютъ сношенія съ иностранцами, можно найти гостепріимство и привѣтливость, коими славились ихъ предки. Къ преимуществамъ сана совсѣмъ не чувствительвы. Хотя при встрѣчѣ съ иностранцемъ они и именуютъ себя титулами наидревнѣйшихъ фамилій; но сіи Палеологи, Комнины и Ласкарисы, первые чиновники на островахъ, Архонты и Проестосы и т. п., не имѣя ни какихъ правъ дворянства, пользуясь только уваженіямъ личнаго достоинства, обращаются съ послѣднимъ работникомъ какъ себѣ равнымъ, подобно ему трудятся въ полѣ или въ тѣсной лавочкѣ продаютъ мѣлочныя вещи. Вся разность состоитъ въ томъ, что богатый нанимая поденьщиковъ оставляетъ себѣ легкое упражненіе и не считаетъ за стыдъ трудиться для себя. Сіе обыкновеніе поддерживаетъ и утверждаетъ любовь къ равенству, изъяснить же оное можно и тѣмъ, что зажиточные люди, дабы избѣгнуть притѣсненій корыстолюбивыхъ Турецкихъ чиновниковъ, особенно своихъ единовѣрцевъ, по неволѣ живутъ умѣренно и стараются скрывать богатство.

Торговля обширныхъ областей Турецкой Имперіи обращается чрезъ руки Константинопольскихъ и Архипелажскихъ Грековъ. Во время войны служатъ они на флотѣ; въ продолженіи мира на своихъ прекрасныхъ судахъ объѣзжаютъ Левантъ и посѣщаютъ торговые города на Средиземномъ и Черномъ моряхъ. Далѣе Лиссабона никто не ходитъ. Соколевы, употребляемые для малыхъ и прибрежныхъ плаваній, сохранили наружность древнихъ судовъ; они имѣютъ носъ и корму высокія, украшенныя рѣзьбою и привѣсками. Вернетова картина, изображающая корабль, на которомъ Спаситель съ Апостолами застигнутъ былъ бурею, есть близкое изображеніе сихъ Соколевъ. Греки малой Азіи, какъ увѣряютъ новѣйшіе путешественники, съ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ; Морейцы и жители Аттики въ отечествѣ Леонида и Ѳемистокла, живутъ на пеплѣ и развалинахъ своего горестнаго отечества въ крайней бѣдности. Война междоусобная, грабежи Турокъ и воинственныхъ Албанцевъ препятствуютъ и малой промышленности. Послѣдніе подъ властію Али-Паши, привыкнувъ къ кровопролитіямъ, почитаются ужаснымъ бичемъ и Турокъ и своихъ согражданъ, и потому мало успѣваютъ въ земледѣліи.

Какъ торговля, ремесла и промышленность, составляющія богатство народовъ, зависятъ въ Турціи отъ дѣятельнаго трудолюбія Грековъ; то послѣдній Султанъ Селимъ II, кажется

постигнулъ сей предметъ Государственнаго хозяйства и много облегчилъ тѣ притѣсненія, которыя, какъ и во всѣхъ Деспотическихъ правленіяхъ, позволяютъ себѣ Гражданскіе начальники, коимъ дано такое полномочіе, что по своей волѣ могутъ рубить голову своимъ подчиненнымъ. Каждый подданный Грекъ платитъ въ годъ около 6½ піастровъ, и если прибавить къ сему подарки и всѣ прочія вынужденныя издержки, то въ совокупности и въ сравненіи съ подаmями, взыскиваемыми во всѣхъ благоустроенныхъ Государствахъ, годовой окладъ подданныхъ Султана не составитъ и пятой части. Многіе путешественники, предаваясь мечтаніямъ о древней Греціи и судя по воплямъ новыхъ Грековъ, впадаютъ въ погрѣшность говоря: Греки стонутъ отъ ужасныхъ, мучительныхъ притѣсненій. Когда явится Ага для взиманія пошлины (такъ увѣрялъ Турецкій плѣнный Адмиралъ, бывшій на фрегатѣ Венусѣ для отвозу его изъ Тенедоса въ Корфу) Греки обыкновенно разбѣгаются и всякимъ образомъ уклоняются отъ платежа не только подарковъ, но и законныхъ податей.

Магомедъ II, покоривъ Грецію, предоставилъ побѣжденному народу свободное отправленіе обрядовъ вѣры, преемники его продажею высшихъ сановъ духовенства, собираніемъ значительной подати за позволеніе строить церкви и монастыри, хотя временно и часто притѣсняли Христіанъ; но никогда не

были гонителями ихъ церкви. Терпимость Мусульманъ всегда была снисходительнѣе Католиковъ, въ земляхъ коихъ горѣли костры и столько пролито крови за вѣру, и даже нынѣ въ ихъ владѣніяхъ ни за какія деньги не льзя имѣть той свободы, какую позволяютъ Турки, сіи мнимые враги имени Христова. Священство лично изъемлется отъ всякой повинности. Содержаніе ихъ зависитъ отъ приношеній прихожанъ, посему свѣтскіе попы очень бѣдны, въ просвѣщеніи также не далеки, и не пользуются должнымъ уваженіемъ, проистекающимъ отъ добрыхъ нравовъ и примѣрнаго поведенія.

Непростительно было бы умолчать о прекрасномъ полѣ: красота ихъ и теперь могла бы служить образцами Юнонъ, Діанъ и Венеръ. Въ большихъ торговыхъ городахъ, болѣе посѣщаемыхъ иностранцами, Гречанки любятъ наряжаться, показываютъ желаніе нравиться; но только осторожно и самымъ невиннымъ образомъ. И малое кокетство имѣетъ еще нужду скрываться; ибо чистота нравовъ стыдится и тѣни разврата. Живущія вмѣстѣ съ Турками, тщательно избѣгаютъ сообщества мущинъ и подобно Турчанкамъ проводятъ жизнь невидимками: рѣдко позволяютъ они себѣ сквозь рѣшетку окна смотрѣть на проходящихъ по улицѣ. На островахъ, гдѣ нѣтъ Турокъ, женщины пользуются свободою. Прелести ихъ моглибы тутъ подвергнуться искушенію волокитъ, если бы строгая добродѣ-

тель не предохраняла ихъ отъ того. Будучи безъ всякаго образованія, слѣдственно не имѣя такъ называемой любезности и ловкости, которыя возвышаютъ природныя дарованія въ искуствѣ привлекать, онѣ замѣняютъ оныя скромностію, простотою, тонкостію природнаго ума и всею силою очарованія невинности. Легко могли бы онѣ присвоить себѣ ту власть, которая столько льститъ самолюбію женщинъ; но къ чести ихъ оная не простирается свыше рукодѣлій и домашняго хозяйства. Должности матери семейства, обязанности супружества, (не скажу всегда, ибо нѣтъ правила безъ исключенія) исполняются ими съ точностію. Чрезмѣрная ревнивость мужей, происходящая отъ обычая земли и можетъ быть отъ климата, конечно есть несправедливость, а еще болѣе неблагодарность, за которую обыкновенными средствами могли бы онѣ удобно отмстить; но къ славѣ Греческихъ красавицъ, онѣ предпочитаютъ семейственное щастіе, блеску и тщеславію громкой извѣстности. Въ Константинополѣ и Смирнѣ, тѣ нещастныя, которыя принуждены искать своего пропитанія цѣною красоты и здоровья, скрываются въ уединеніи и не смѣютъ похваляться порокомъ.

Факелъ, зажигаемый во времена язычества при бракахъ, и нынѣ употребляется при свадьбахъ. Оный несется предъ молодыми въ спальню и горитъ до тѣхъ поръ, пока его станетъ. За дурной бы праздникъ почлось,

если бы онъ погасъ, и потому смотрятъ за нимъ съ такимъже тщаніемъ, съ каковымъ Весталки берегли священный огонь. Какъ святость состоянія требуетъ, чтобы Попъ не влюбился въ другую и чтобы прелести вѣрной супруги удерживали его въ границахъ нанстрожайшей должности, то въ Архипелагѣ есть обыкновеніе, когда Діаконъ посвящается въ Священники, долженъ онъ избрать невѣсту не только прекраснѣйшую, но добродѣтельную и кроткаго нрава. Не эта ли причина, что Греки охотно ищутъ посвященія въ духовное званіе?

Нѣчто о Туркахъ.

Дать справедливое понятіе о Туркахъ, народа чуждаго намъ во всѣхъ отношеніяхъ, почти не возможно. Многіе путешественники, не зная ихъ языка и будучи предубѣждены мечтаніями о славѣ древней Греціи, все въ нихъ осуждали; о дѣйствіяхъ ихъ и побудительныхъ къ тому причинахъ часто, по соображенію съ своими обычаями, судили превратно. Нѣкоторыя свѣденія, собранныя мною въ продолженіе служенія моего на Средиземномъ и Черномъ моряхъ, когда они были и друзьями и непріятелями нашими, можетъ быть будутъ также недостаточны, по крайней мѣрѣ предубѣжденіе и пристрастіе, не будутъ имѣть мѣста въ сихъ моихъ замѣчаніяхъ.

Личная храбрость, величіе души, мужество суть свойства Турокъ, которыми по-

корили они многихъ столь же воинственныхъ народовъ, и въ лучшей части свѣта основали могущественную Оттоманскую Имперію. Характеръ тихой, задумчивый и благородный, возмущаемый иногда страстями, дѣлаетъ Турокъ подозрительными, и противу враговъ жестокими. При всемъ томъ они не мстительны и обиды охотно забываютъ. Не ученіе Магометовой вѣры, а пороки живущихъ съ ними Христіанъ, побуждаютъ ихъ презирать всѣми другими народами, кои не послѣдуютъ ихъ закону, который дѣлаетъ ихъ въ обхожденіи между собою великодушными, сострадательными и гостепріимными. Они хорошіе хозяева, умѣренны, терпѣливы и набожны. Скупость и жадность къ пріобрѣтенію богатствъ, нужда побуждающая всякими средствами поддерживать себя на скользкомъ мѣстѣ, какъ необходимыя слѣдствія злоупотребленій въ деспотическихъ правленіяхъ, существуетъ только между вельможами. Вообще же безкорыстіе Турокъ, ихъ щедрость къ неимущимъ, исполненіе даннаго слова, особенно благодарность, при совершенной ихъ необразованности, суть такія добродѣтели, которыя могли бы украсить и самые просвѣщенные народы. Фонтаны, мосты и караванъ-сераи (постоялые дворы), устроенные на дорогахъ, гдѣ уставшій странникъ безъ платы находитъ покой и прохладу, суть памятники ихъ душевной доброты, достойные подражанія. Ихъ понятія о вещахъ весьма просты и ограни-

чены; они располагаются по настоящему, скоро забываютъ прошедшее и не думаютъ о будущемъ. Вельможа, впадшій въ нещастіе, переноситъ оное съ твердостію и не показываетъ ни малѣйшаго унынія; простолюдинъ, взошедъ на верховную степень Визиря, поддерживаетъ санъ свой со всею важностію и достоинствомъ. Одинъ говоритъ: Ишъ-Алла! Буди воля Божія; другой Алла Хиримъ, Великъ Богъ, и оба успокоиваются. Вѣрованіе въ предопредѣленіе, первоначальный догматъ ихъ вѣры, во всякихъ случаяхъ жизни дѣлаетъ ихъ покорными судьбѣ, и потому-то поджавъ ноги подъ себя большую часть жизни они сидятъ, пьютъ кофе, курятъ табакъ и не имѣютъ ни малаго любопытства. Книги, какъ думаютъ они, служатъ только напоминаніемъ о глупостяхъ человѣческихъ, и потому кромѣ Алкорана, и то весьма не многіе, другихъ книгъ не читаютъ. Не зная ни грамотѣ, ни наукъ, ни искусствъ, живутъ очень покойно и хладнокровны ко всему ученому. Познанія, необходимѣйшія въ жизни, переходятъ отъ отца къ сыну, и потому то ремесленники ихъ, какъ то: портные, кожевники, золотошвеи и многіе другіе превосходны.

Съ другой стороны обычай и свойства Турокъ, представляютъ удивительную противуположность. Моются по три раза въ день и неопрятны, потому что бѣлье рѣдко перемѣняютъ; лакомы и вмѣстѣ воздержны; сострадательны къ животнымъ и жестоки къ

непріятелям; соединяют простоту древняго Паревнина съ изнѣженностію Азіятца; невольники приличностей и свободны лично; сладострастны дома и непорочны въ обществѣ; лѣнивы въ праздности, и живы и дѣятельны въ сраженіи.

Честность Турок заслуживает особенное вниманіе, и по истиннѣ достойна нашего удивленія. Купцы их вѣрят друг другу на милліоны, без векселей и записей, на одно только честное слово, и выдают деньги при одном свидѣтелѣ. Кто въ срок не может заплатить, и отсрочка по представительству Кади, или за не отысканіем поручителей, не будет дана, того имѣніе въ тот же день отдается заимодавцу, а виновный теряет голову. Турецкіе законы очень строги и точны; разбирательство, рѣшеніе суда и исполненіе по оному оканчиваются весьма скоро. От того нѣт здѣсь тяжеб по цѣлому столѣтію продолжающихся. Турки сами признаются, что при поспѣшном их сужденіи, иногда погибают невинные, но они въ оправданіе свое говорят; „лучше пожертвовать десятью овечками для истребленія одного хищнаго волка, нежели дать ему способ задавить еще сотню и другую.“ Правосудіе Турецкое основывается на доказательствах вѣроятных, на разумѣ дѣла и здравом смыслѣ; судьи их славятся проницательностію и праводушіем, ибо достоинства сіи почитаются необходимыми для сего званія, и может быть къ удивленію

многихъ долженъ я сказать, что Турецкой Кади почитаетъ лучшею наградою одну честь и известность его беспристрастія. Въ одной только Турціи, преступникъ и съ чистыми документами получаетъ достойную казнь; невинный и безъ оныхъ всегда можетъ надѣяться на правосудіе и защиту законовъ. Полиціи въ Константинополѣ не видно. Самъ Султанъ, Визирь, или нарочно для сего наряжаемый чиновникъ, ходитъ по городу переодѣвшись, особенно строго наблюдаютъ за продажею съѣстныхъ припасовъ, и на примѣръ, если фунтъ хлѣба по таксѣ стоитъ 2 пары (*), то во всемъ Константинополѣ у Турецкихъ хлѣбниковъ не сыщите хлѣба ровно въ фунтъ, а всегда нѣсколько болѣе; у Греческихъ же часто менѣе фунта. За сей проступокъ виновнаго гвоздемъ за ухо прибиваютъ къ столбу. Путешественники, не входя въ причины, осуждаютъ Турокъ за сію жестокость. Турки столько гнушаются обманомъ или подлогомъ въ торговлѣ, что если вы, пришедъ въ Турецкую лавку, покажете сомнѣніе о качествѣ или цѣнѣ товара, то Музульманинъ приметъ сіе за крайнюю обиду, и часто скажетъ: „не уже ли вы принимаете меня за Христіянина?" Таково ихъ мнѣніе о всѣхъ Христіянахъ, которое въ нѣкоторомъ отношеніи частію и справедливо. Вотъ образецъ ихъ честности: одинъ чиновникъ нашей Миссіи, послалъ дитя 5 или 6 лѣтъ купить око (**) винограду. Ребенокъ при-

(*) 2 Копейки. (**) 3 фунта.

шедъ на рынокъ подалъ деньги, купецъ взглянувъ на него съ улыбкою спросилъ: далеко ли отсюда домъ твоего господина? и разчисливъ сколько мальчикъ можетъ дорогою съѣсть, за тѣже деньги отвѣсилъ ему полтора ока, и отдавая виноградъ сказалъ ему: „я не хочу, что бы господинъ твой подумалъ, что я обманулъ дитя, но попроси его, что бы впредь присылалъ слугу повѣрнѣе тебя.“

Иностранецъ, проживающій въ Константинополѣ, пользуется совершенною свободою. По приходѣ корабля на рейдъ, таможенный чиновникъ первый на оный пріѣзжаетъ. Шкиперъ показываетъ ему паспортъ, Турка, не зная, что въ немъ написано, взглянувъ на него, говоритъ *Пекби*, потомъ спрашиваетъ шкипера, откуда пришелъ? какой имѣетъ грузъ? и намѣренъ ли остановиться въ Константинополѣ или итти далѣе? получая на сіи вопросы отвѣты произвольные, Турка при каждомъ хладнокровно повторяетъ *Пекби*, *пекби* (хорошо); потомъ спрашиваетъ не имѣетъ ли сверхъ объявленнаго груза еще чего нибудь, и на отвѣтъ шкипера сказавъ свое *пекби*, сходитъ въ каюту, гдѣ шкиперъ обязанъ подать чашку взболтаннаго кофе безъ сахару, трубку съ длиннымъ чубукомъ и тотчасъ положить предъ нимъ на столъ полпроцента съ суммы, на какую, по собственному объявленію его, привезено товаровъ. Турка, повѣривъ щетъ на бахрамѣ своей шали, подобно какъ у насъ дѣлаютъ выкладки на счетахъ, кладетъ деньги въ Султанской мѣ-

шокъ и снова повторяетъ *пекби.* Если въ каютѣ увидитъ онъ сундуки или что либо похожее на связку товаровъ, не упомянутыхъ шкиперомъ, то съ укорительнымъ видомъ спрашиваетъ: а это что? и получивъ въ отвѣтъ: „собственныя вещи или платье пассажировъ,“ снова успокоивается и добродушно повторяетъ свое вѣчное *пекби!* Потомъ встаетъ; шутъ шкиперъ подноситъ ему подарокъ, смотря по величинѣ судна, простирающійся отъ 10 до 50 червонцевъ. Турка въ послѣдній разъ сказавъ *Пекби*, объявляетъ шкиперу свободу и отъѣзжаетъ, ни мало не безпокоясь, что его въ счетѣ обманули. Иностранца, съѣхавшаго на берегъ, никто и нигдѣ не спроситъ, кто онъ такой; ступай куда хочешь, дѣлай что угодно, нигдѣ не остановятъ, въ полицію не поведутъ; ибо во всей Турціи нѣтъ заставъ. Уже прошло то время, когда Европеецъ подвергался въ Константинополѣ частымъ обидамъ, теперь напротивъ случается, что даже Грекъ обижаетъ Турку. Впрочемъ, иностранецъ, какого бы званія ни былъ, долженъ остерегаться сдѣлать грубость знатному Туркѣ, ибо сей при малѣйшей обидѣ застрѣлитъ и дѣлу конецъ. Убійца не опасаясь задержанія пойдетъ спокойно далѣе; тѣло же остается на улицѣ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь его ни приберетъ. Одинъ чиновникъ нашей Миссіи расказывалъ мнѣ, когда во время бунта погибъ славный Байрактаръ Паша, то тѣло его въ богатой одеждѣ

лежало долго на улицѣ. Жестокіе Янычары, замѣтивъ жадные взоры Жидовъ, устремленные на платье убитаго, сняли съ него кафтанъ и бросили имъ въ глаза, не коснувшись къ другимъ драгоцѣннымъ вещамъ. Удивленія и похвалы достойно, что воровство, столь обыкновенное между всякою чернью, Туркамъ вовсе не извѣстно.

Заключеніе женщинъ есть слѣдствіе многоженства, и сколько сіе обыкновеніе намъ кажется страннымъ, столько свобода нашихъ женщинъ удивляетъ Турокъ. Они думаютъ, что вольность женъ необходимо должна влечь ихъ къ распутству, и потому полагаютъ, что нѣтъ между Христіанами ни одной честной женщины. Турчанки еще болѣе удивляются сему; они не понимаютъ какъ возможно открыть лицо или обнажить шею предъ глазами общества мущинъ, торжественно обѣщавши хранить прелести только для одного мужа. Если Европейцы говорятъ, что держать въ заперти и лишать невинныхъ удовольствій любимую особу, есть неблагодарность; то Азіятцы отвѣчаютъ, что низко мущинѣ отказываться отъ господства, даннаго ему природою и закономъ Божіимъ. Если говорятъ имъ, что множество содержимыхъ въ сераляхъ женщинъ производятъ безпорядки и смуты, они отвѣчаютъ: что десять повинующихся женщинъ менѣе дѣлаютъ замѣшательства, нежели *одна* повелѣвающая. Турки не знаютъ чувствъ любви истинной, осно-

ванной на почтеніи и взаимной довѣренности, не знаютъ того лестнаго сознанія, быть избраннымъ изъ многихъ искателей, быть любимымъ по предпочтенію; они смѣются нашимъ любовнымъ мукамъ и добровольному нещастію, похваляются своимъ спокойствіемъ, утѣхами наслажденія, и не хотятъ удовольствій своихъ смѣшивать съ горестями: они правы, желать того не можно, что чувствамъ нашимъ не извѣстно.

Впрочемъ Турецкія женщины не столько невольницы, какъ вообще у насъ объ нихъ думаютъ; они и въ заключеніи своемъ умѣютъ употреблять въ свою пользу ту власть, которая дана ихъ полу отъ природы. Высокаго рожденія могутъ дѣлать посѣщенія, прогуливаться и мужъ не можетъ сего имъ запретить. Многія жены не позволяютъ имѣть наложницъ; въ семъ случаѣ супругъ содержитъ ихъ въ особомъ домѣ, и также какъ у насъ бываетъ, поздно вечеркомъ, потихоньку и съ задняго крыльца посѣщаетъ ихъ. Въ Константинополѣ сей обычай теперь въ модѣ. При взаимныхъ посѣщеніяхъ, гостья оставляетъ туфли свои при дверяхъ Сераля; бѣдный мужъ, какъ бы ни мучился любопытствомъ или ревностію, не смѣетъ войти въ кабинетъ жены. Вотъ тропинка, оставленная для хитростей любви, которою Турчанки столько искусно пользуются, какъ и Италіянки. По тому-то мужъ тогда только бываетъ увѣренъ въ женѣ, когда она находится подъ присмотромъ

Евнуха или окружена своими подругами, и Магомедъ, зная сію слабость ихъ, не совсѣмъ не справедливо позволилъ Туркамъ имѣть многихъ невольницъ. Какъ большая часть народа, будучи не въ состояніи содержать больше одной, а нѣкоторая часть знатныхъ, слѣдуя вновь принятому обыкновенію, довольствуются одною женою, то многоженство кажется идетъ къ своему паденію, и высокія стѣны и затворы гаремовъ, не столь уже теперь крѣпки, какъ были прежде.

Многіе почитаютъ Турецкое правленіе неограниченнымъ и самовластнымъ; но могла ли нація, бывшая на высшей степени славы и благоденствія, существовать, еслибы не имѣла она коренныхъ законовъ. Неприкосновенность права собственности, нигдѣ какъ въ Турціи такъ строго не наблюдается. При малѣйшемъ нарушеніи онаго Султаны свергаемы были съ престола, Визири лишались жизни. Нѣкоторыя Гражданскія постановленія, связывающія Государя съ его подданными и ручающіяся за безопасность лицъ и имуществъ, заслуживаютъ особенное вниманіе. Довольно сказать, что Турція есть единственная земля, гдѣ правосудіе наблюдается съ точностію и безпристрастіемъ. Здѣсь нѣтъ описи имѣнія въ казну. Султанъ въ одномъ токмо случаѣ беретъ собственность тѣхъ, кои служа на жалованьѣ, по доносу найдутся виновными въ похищеніи Государственнаго имущества.

Географическое положеніе Оттоманской Имперіи, и плодоносіе ея областей представляетъ для торговли безчисленныя выгоды, и хотя сими выгодами она почти не пользуется, но перевѣсъ вывоза предъ ввозомъ превосходитъ всѣхъ торгующихъ Европейскихъ народовъ. Торговля не встрѣчаетъ здѣсь ни какихъ препятствій, и обогащая народъ мало доставляетъ пользы общественной казнѣ. Для мореплаванія особенно прибрежнаго въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, Турки имѣютъ собственныхъ судовъ гораздо болѣе нежели мы.

Въ заключеніе выпишу нѣсколько словъ изъ сочиненія Г. Етона о причинахъ скораго возвышенія и нынѣшняго печальнаго состоянія Турецкой Имперіи. Могущество Оттомановъ, ни въ чемъ не разнится отъ Государствъ, основанныхъ воинственнымъ народомъ, поддерживаемыхъ военнымъ правленіемъ и щастливыми завоеваніями, благопріятствуемыхъ стеченіамъ особыхъ обстоятельствъ. Когда Греческая Имперія при слабыхъ своихъ властителяхъ, при развращеніи нравовъ, отъ внутреннаго неустройства, а наиболѣе отъ раздоровъ западной съ восточною церковію, клонилась къ упадку, тогда Турки, одушевленные мужествомъ и непримиримою ненавистію къ имени Христіянъ, имѣя хорошо устроенныя войска, подъ предводительствомъ храбрыхъ Султановъ, вышли во множествѣ изъ Скиѳскихъ жилищъ своихъ, по нещастію

въ то самое время, когда вся Европа страдала подъ бичемъ безначалія, по причинѣ повредившейся помѣстной (feodal) системы; когда самые Государи принуждены были просить войска у сильныхъ и самовластныхъ своихъ подданныхъ; между тѣмъ Турки имѣли прекрасное войско, привыкшее къ подчиненности, кровопролитію и перенесенію нуждъ. Въ сіе время Турки были наши учители въ искуствѣ нападенія и защищенія крѣпостей, въ рытіи подкоповъ и уничтоженіи ихъ дѣйствія посредствомъ другихъ, особенно же въ искуствѣ управлять большими движеніями войска. Сей удивительный порядокъ, введенный въ Турецкомъ войскѣ прежде другихъ народовъ, благопріятствовалъ побѣдамъ, возбуждалъ въ нихъ воинственный духъ, содѣйствовалъ удачному исполненію предпріятій; одна побѣда преподавала наставленіе для одержанія другой, завоеванія умножили количество пособій, слава предшествовала побѣдоносному войску, вселяла ужасъ въ непріятеля и ослабляла въ немъ охоту сопротивлятся. Такимъ образомъ Турки распространили владѣнія свои въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, и Константинополь сдѣлался столицею Имперіи обширнѣйшей и сильнѣйшей всѣхъ тогдашнихъ Европейскихъ государствъ.

До царствованія Ахмета III Султаны лично предводительствовали своими арміями и войны продолжались успѣшно; но съ начала XVIII столѣтія, когда заключились они въ

гаремахъ и поручили войска Визирямъ, успѣхи завоеванія сдѣлались медленны. Однакожъ нѣкоторые изъ сихъ верховноначальниковъ, одаренные военными качествами и предпріимчивостію, вспомоществуемые многочисленностію своихъ армій, пріобрѣтали побѣды надъ устроенными войсками Германцевъ. Монтекукулли первый научился побѣждать сихъ непріятелей. Принцъ Евгеній лишилъ ихъ побѣдъ и миръ Пассаровицкій былъ предѣломъ успѣховъ и дальнѣйшихъ завоеваній Оттомановъ. По смерти сего великаго Полководца, Турки все еще были страшны Европѣ, составляли сильнѣйшую державу, воины ея не утратили дерзновенной храбрости и почитали себя еще непобѣдимыми, доколѣ встрѣтясь съ храбрыми рядами Россійскихъ войскъ, не приближились скоро къ своему паденію. Румянцовъ-Задунайскій, Суворовъ-Рымникскій и Орловъ-Чесменскій съ малыми силами уничижили гордыню Мусульманъ, остановили ихъ буйство и отмстили за всѣхъ Христіянъ. Безпрерывный рядъ побѣдъ, прославившихъ царствованіе Великой Екатерины, сломилъ надменность Турокъ, и сія Имперія съ высоты военной славы своей пала и сдѣлалась ни для какой значительной державы не опасна.

Отъ чего произошла толь скорая перемѣна при одномъ и томъже государственномъ устройствѣ? и по чему при такой слабости, Порта, обѣщающая богатую добычу завое-

воевателю, не могущая оборонять себя отъ нападенія, еще стоитъ на ряду самобытныхъ державъ въ Европѣ? Вотъ два предмета, на которые Г. Етонъ, сочинитель исторіи Турецкой, предлагаетъ слѣдующія замѣчанія.

Государство, управляемое военными законами, военнымъ уставомъ, подлежащее самовластному царю и поставленнымъ отъ него намѣстникамъ, и котораго силы дѣйствуютъ единственно для покоренія новыхъ областей; питаетъ въ себѣ зародышъ собственнаго упадка. Потеря немногихъ сраженій, одинъ неудачный походъ, лишивъ оное преимущества быть побѣдоноснымъ, подрываетъ основаніе; и потому не удивительно, что столь сильная Имперія скоро ослабѣла и клонится къ разрушенію (*). Сему способствуетъ еще другое обстоятельство. Въ правленіи Турецкомъ до сихъ поръ видѣнъ еще остатокъ военной гордости; они все еще предполагаютъ, что дворъ ихъ находится среди военнаго стана и Султанъ на повелѣніяхъ своихъ подписываетъ: Дано при нашемъ Императорскомъ стремени. Различіе между побѣдителемъ и побѣжденнымъ продолжающееся и понынѣ въ полной силѣ между Турками и Греками, не составляющими одного народа, есть причиною, что Султанъ не поддерживаемый усердіемъ и любовію рабовъ, послѣ не

(*) Тѣмиже причинами Бонапарте погубилъ и Францію.

удачъ, не только не можетъ думать о возвращеніи потерь своихъ, но всегда долженъ ожидать возмущеній, что съ Турціею точно и случалось.

Такимъ образомъ, Турки, нѣкогда ужасавшіе и грозившіе Европѣ порабощеніемъ, нынѣ робкіе и слабые, осторожные въ политикѣ, ищутъ безопасности своей въ соперничествѣ державъ; ибо прекрасныя области Турціи въ рукахъ другихъ народовъ, а паче Россіянъ, могутъ вредить выгодамъ всей Европейской торговлѣ.

Сколь ни слаба теперь Оттоманская Имперія, однакожъ покореніе ея не такъ легко, какъ вообще у насъ о томъ думаютъ. Султанъ мужественный, принявъ начальство надъ арміею, легко подчинить можетъ непокорныхъ Пашей, которые сдѣлались самовластными и почти независимыми и уничтоживъ Улему, такъ называемый духовный Совѣтъ, причину многихъ золъ и безпорядковъ, можетъ вдругъ и столь же скоро какъ пала, возстановить силу и величіе своей Имперіи. Рядъ крѣпостей на Дунаѣ, Булгарія мало населенная, безводная и бѣдная для продовольствія большой арміи, особенно нуждающаяся въ подножномъ кормѣ для конницы; за нею Балканскія дефилеи, гдѣ регулярное войско лишается многихъ выгодъ противу многочисленной Турецкой пѣхоты, составленной изъ лучшихъ стрѣлковъ, могутъ затруднить отважнѣйшаго и искуснаго Полководца, особенно

при томъ способѣ, которой въ послѣднія войны Турки нашли для себя выгоднѣйшимъ, именно защищаться въ крѣпостяхъ, нападать легкими отрядами и уклоняться отъ генеральнаго сраженія. Кратчайшій и удобнѣйшій путь для покоренія Константинополя показали намъ древніе наши герои Олегъ и Игорь. Содѣйствіе флота во всякихъ случаяхъ необходимо, это доказала намъ щастливая война 1770 года.

Замѣчанія о воздушныхъ явленіяхъ вѣтровъ и погодъ.

Архипелагъ, находясь въ умѣренномъ климатѣ, имѣетъ только два времени года: лѣто и осень. Въ продолженіи лѣта небо покрыто бываетъ прекрасною лазурью. Сѣверный вѣтръ столько прохлаждаетъ и уменьшаетъ большіе жары, что воздухъ почитается здѣсь самымъ здоровымъ. По мѣрѣ увеличиванія зноя, постоянно дующій лѣтомъ Сѣверный вѣтръ также увеличивается, исключая, что близь береговъ около полдня дѣлается тишина; ночью всегда дуетъ береговой вѣтръ. Причина сихъ перемѣнъ есть слѣдующая: по захожденіи солнца, воздухъ наполняемый земными испареніями, извлеченными дневнымъ жаромъ, какъ жидкая стихія, разливается и течетъ къ морю, отъ сего и происходитъ береговой теплый вѣтръ производящій росу. Сей вѣтръ, начавшись около полночи, дуетъ до тѣхъ поръ,

пока морской воздухъ, разжиженный жаромъ солнца, по тойже причинѣ обращается къ землѣ, гдѣ воздухъ освѣженный ночною прохладою снова началъ согрѣваться. Однакожъ сіе постоянное теченіе вѣтровъ подвержено перемѣнамъ; при южныхъ вѣтрахъ небо покрывается тучами, зарница замѣняетъ громъ и молнію. Свѣжій вѣтръ вдругъ въ нѣсколько минутъ переходитъ въ тихій, и когда небо сдѣлается ясно, прежній вѣтръ снова является. У Дарданелъ же почти безъ всякой перемѣны дуютъ Сѣверные вѣтры. Начало осени есть прекраснѣйшая наша весна, въ Ноябрѣ и Декабрѣ начинаются холодные и крѣпкіе перемѣнные вѣтры; небо чернѣетъ тучами и бури съ ужасными громами приводятъ въ движеніе воздухъ. Въ сіе время идутъ столь сильные дожди, что здѣсь въ одну недѣлю падаетъ воды болѣе нежели у насъ въ цѣлой годъ. Ліющійся дождь, особенно темною ночью, уподобляется шуму сильно падающаго града. Въ сіи зимніе мѣсяцы, ясные послѣ бурей дни доставляютъ самую пріятную прохладную погоду, солнце около полдня всегда имѣетъ чувствительную теплоту. Въ Архипелагѣ нѣтъ тѣхъ продолжительныхъ жаровъ, и пагубнаго Сироко, опаляющаго землю. Всѣ произрастенія всегда покрыты бываютъ зеленью, а зимою вся природа является въ полномъ блескѣ. По причинѣ многихъ острововъ, камней и подводныхъ отмѣлей, въ бурное время, плаваніе

въ Архипелагѣ становится опаснымъ; но множество удобныхъ пристаней не прерываютъ онаго ни въ какое время.

Возвращеніе фрегата Венуса въ Корфу. — Островъ Тино.

Получивъ повелѣніе доставить въ Корфу плѣннаго Турецкаго Адмирала и Капитана корабля съ ихъ свитою, также Лейтенанта Розенберга и Фельдъ-Егеря Ѳедорова, отправленныхъ съ донесеніемъ къ Государю Императору, 6-го Іюля мы снялись съ якоря, а 8-го за противнымъ вѣтромъ остановились у острова Тино. Городъ Санъ-Николо или какъ другіе называютъ Тино, стоитъ на берегу рѣчки и защищается цитаделью, построенною Венеціанами на высотѣ. Рейдъ открытъ сѣвернымъ и западнымъ вѣтрамъ, глубина отъ 12 до 17 сажень, грунтъ песчаный и потому якорное стояніе тутъ не надежно. Въ древнія времена, по причинѣ изобилія на немъ воды, островъ назывался *Гидруза*, а по множеству змѣй *Офіуза*; на немъ находился славный Храмъ Нептуна, пещера Эола и гробницы Зеѳа и Калаиса, сыновей Бореевыхъ. Тиносцы участвовали въ сраженіи при Платеѣ. Тино былъ послѣдній островъ, взятый Турками отъ Венеціанъ. Длина его 12, ширина 5 верстъ, гористъ, весьма плодоносенъ, изобилуетъ виномъ, масломъ и хлѣбомъ. Дѣлаемыя здѣсь сырцовыя шелковыя чулки, по прочности и среб-

ристой бѣлизнѣ своей почитаются превосходнѣйшими. Хорошо обработанныя поля и сады вокругъ города показываютъ, что жители трудолюбивы. Тиносцы имѣютъ свои суда и отправляютъ на нихъ значительную торговлю.

Гражданскіе чиновники, пріѣзжали на фрегатъ, засвидѣтельствовать свое почтеніе плѣнному Адмиралу, и предложить ему свои услуги. Они въ знакъ уваженія къ прежнему своему начальнику, доставили на фрегатъ всѣ нужные съѣстные припасы безъ платы. Бекиръ-Бей, сначала корсеръ, потомъ Паша въ Египтѣ, почитался отважнѣйшимъ (хотя не знаетъ грамоты) и знающимъ Адмираломъ. Слова, сказанныя имъ при отдачѣ флага своего нашему Адмиралу и разговоръ съ Лейтенантомъ, который былъ посланъ привезть его на корабль Селафаилъ, доказываютъ его мужество и глубокое чувство чести. Когда корабль Селафаилъ, подошедъ подъ корму корабля Сед-ель-Бахра, былъ готовъ дать ему залпъ; Турки закричали Аманъ! (пощада) и Лейтенантъ В. Н. Титовъ, былъ посланъ привезть Адмирала и Капитана также и флаги на Селафаилъ. Паша долго не соглашался отдать флагъ свой Капитану Рожнову, говоря, что онъ никому не сдастся кромѣ самаго Адмирала; отпускалъ и возвращалъ Лейтенанта нѣсколько разъ; наконецъ призвавъ его въ послѣдній разъ спросилъ: „за что Руские такъ на него разсердились, что всѣ корабль его били?“ за то

отвѣчалъ ему Титовъ, что Ваше Превосходительство храбрѣе и лучше всѣхъ дрались. Отвѣтъ сей такъ понравился Пашѣ, что онъ погладивъ свою бороду, тотчасъ согласился ѣхать на Селафаилъ. Отдавая свой флагъ Дмитрію Николаевичу Бекиръ-Бей съ важностію сказалъ: „Есть ли судьба заставила меня потерять мой флагъ, то не потерялъ я чести, и надѣюсь, что побѣдитель мой отдастъ мнѣ справедливость и засвидѣтельствуетъ, что я защищалъ его до послѣдней крайности.“ Я видѣлъ въ Гибралтарѣ 4 Испанскихъ корабля, взятыхъ въ Трафалгарскомъ сраженіи; они были сильно разбиты; но Сед-ель-Бахръ, безъ реевъ, безъ снастей, съ пробитыми бортами, наполненный въ палубахъ щепами, убитыми и ранеными людьми, представлялъ самое ужасное состояніе. Дмитрій Николаевичъ принявъ отъ Бекиръ-Бея флагъ, возвратилъ ему саблю, помѣстилъ его въ своей каютѣ и ласками своими, вниманіемъ и обхожденіемъ искреннимъ, въ короткое время столь привязалъ къ себѣ, что при прощаньи они разстались искренними друзьями. Бекиръ-Бей, очень бодръ и остроуменъ: когда разбитый Турецкій флотъ входилъ въ Дарданелы и когда спросили его, по чему на всѣхъ корабляхъ, вмѣсто носовыхъ статуй, помѣщены позолоченые львы, Бекиръ-Бей, вздохнувъ отвѣчалъ: „у добрыхъ Музульманъ сердца львиныя, жаль только, что головы ослиныя.“ На вопросъ, хорошо ли ходитъ вашъ корабль? еслибъ не

хорошо ходилъ, не пришелъ бы сюда, улыбнувшись онъ отвѣчалъ. По прибытіи въ Корфу, Бекиръ-Бей помѣщенъ былъ въ домѣ Главнокомандующаго. Генералъ Бертье, новый Намѣстникъ Іонической Республики, сдѣлавъ ему посѣщеніе, подъ видомъ дать ему домъ болѣе удобный и спокойный, перевелъ его въ такой, въ которомъ не только покоя, но даже не было и необходимой мебели. Бертье пришедъ къ нему на новоселье, по обыкновенію Французскому, нашелъ новое жилище его прекраснымъ, гораздо приличнѣйшимъ перваго. Бекиръ-Бей удивленный не отвѣчалъ ни слова; но когда Бертье съ усмѣшкою прибавилъ, сожалѣю, что здѣсь не можно доставить вамъ такихъ прекрасныхъ невольницъ, которыми конечно вашъ сераль въ Константинополѣ украшенъ, тогда огорченный отвѣчалъ онъ ему самою колкою и невыгодною для Французовъ насмѣшкою. . . .

10-го Іюля при свѣжемъ Сѣверномъ вѣтрѣ снялись мы съ якоря, выходя съ рейды встрѣтились съ Англинскимъ фрегатомъ, съ котораго спросили: гдѣ нашъ флотъ? Обьявили потомъ, что везутъ депеши къ Адмиралу Сенявину, и остановились на нашемъ мѣстѣ близъ Санъ Николо. Прошедъ каналомъ между Андро и Тино, на другой день между Цериго и Матапаномъ встрѣтились съ 2-мя Англинскими кораблями и бригомъ; одинъ изъ нихъ былъ стопушечный, на которомъ имѣлъ флагъ свой Контръ-Адмиралъ Мартенъ. Подошедъ подъ

корму опопушечнаго, Контръ-Адмиралъ поздравилъ насъ съ тремя побѣдами: разбитіемъ Турецкаго флота у Аѳонской горы, и пораженіемъ Французовъ подъ Гейльсбергомъ и Гуппштатомъ. Адьютантъ Вице-Адмирала, Лейтенантъ Розенбергъ, ѣздилъ благодарить Сира Мартеня за поздравленіе и узналъ отъ него, что семь кораблей, по повелѣнію Парламента, отправлены для соединенія съ нашимъ флотомъ, въ распоряженіе Дмитрія Николаевича, а въ случаѣ надобности самъ Коллингвудъ съ 22 кораблями подкрѣпитъ наши дѣйствія. Сія довѣренность къ нашему Главнокомандующему, конечно приноситъ ему великую честь; ибо до сего времени, ни одинъ Россійскій Адмиралъ не начальствовалъ надъ Англинскою эскадрою. Но усердное сіе расположеніе Британскаго Правительства, было уже не во время и много опоздало; ибо Турецкій Флотъ болѣе не выходилъ изъ Дарданелъ. Имѣя тихіе перемѣнные вѣтры, 18-го Іюля прибыли мы въ Корфу.

Переговоры о мирѣ съ Турками. — Прибытіе Англинской эскадры къ Тенедосу. — Возвращеніе флота въ Корфу.

Послѣ осады Тенедоса Турки въ предмѣстіи его не оставили ни одного годнаго дома; одни разорили, другіе выжгли, даже порубили фруктовыя деревья и истребили большую часть виноградниковъ. По сей причинѣ жители разъѣхались по другимъ островамъ,

гдѣ нѣтъ Турокъ, нѣкоторые вступили въ вѣрноподданство и отправились въ Корфу въ ожиданіи удобнаго случая для переѣзда въ Россію. Какъ не было надобности удерживать крѣпость и дабы быть болѣе свободнымъ въ дѣйствіяхъ противу непріятеля, Главнокомандующій размѣстилъ гарнизонъ на корабли, пушки и снаряды отправилъ на Ярославѣ и Сед-ель-Бахрѣ въ Корфу, и Тенедосъ 24-го Іюля былъ взорванъ на воздухъ.

Послѣ Дарданельскаго сраженія Полковникъ Поцо ди Борго прибылъ на флотъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Сенявина, производить переговоры съ Турками о мирѣ. Адмиралъ письмомъ увѣдомилъ Капитанъ-Пашу о пріѣздѣ на флотъ Уполномоченнаго, но какъ онъ долго не отвѣчалъ, то послалъ другое и дабы задобрить его отправилъ къ нему 20 плѣнныхъ Турокъ. Паша отвѣчалъ: что онъ отнесся о предложеніи Адмирала блистательной Портѣ. Наконецъ 27-го Маія, по причинѣ возшествія на престолъ Султана Мустафы, Паша Сеид-Али, хотя и прислалъ отвѣтъ, но въ немъ кромѣ учтивостей ничего не было рѣшительнаго.

Послѣ Аѳонскаго сраженія Главнокомандующій вторично требовалъ о допущеніи Г. Поцо ди Борго къ переговорамъ; Капитанъ-Паша отвѣчалъ по прежнему, что онъ о семъ предложеніи отнесется Дивану. 15-го Іюля послѣ долгаго ожиданія Рейсъ Ефенди (Министръ иностранныхъ дѣлъ) прислалъ отвѣтъ на

письмо Полковника Поцо ди Борго. Въ ономъ также ни чего не было сказано утвердительнаго, кромѣ увѣдомленія отъ Рейсъ-Ефенди, что Визирь получилъ отъ Генерала Милорадовича, Главнокомандующаго въ Букарестѣ, письмо касательно имѣющаго заключиться перемирія. Чиновникъ, привезшій сіе письмо, отъ имени Капитана-Паши словесно предложилъ Сенявину назначить мѣсто для свиданія. Адмиралъ сказалъ на сіё, что законы строго запрещаютъ ему оставлять флотъ свой, а можетъ послать вмѣсто себя довѣреннаго человѣка.

12-го Іюля Сеидъ-Али прислалъ своего флагъ-Капитана съ письмомъ, которымъ онъ думалъ оправдаться въ разбитіи своемъ при Аѳонѣ, по странности содержанія оное довольно любопытно и для того помѣщается здѣсь отъ слова до слова.

Высочайшій, Высокопочтеннѣйшій и просвѣщеннѣйшій Адмиралъ Сенявинъ Дмитрій.

Освѣдомясь о здоровьѣ Вашего Превосходительства, мы дружески представляемъ вамъ, въ чемъ конечно вы и сами увѣрены, что во всякой вѣрѣ запрещается говорить неправду. Пріятель вашъ не позволяетъ себѣ ни какого обмана и не любитъ того, кто обманываетъ. Во время сраженія вы сдѣлали сигналъ къ прекращенію битвы, выпаливъ пушку съ холостымъ зарядомъ!! Послѣ другимъ

сигналомъ велѣли пріуготовиться вновь къ сраженію. Три корабля ваши отвѣтствовали, что готовы; но другіе объявили, что не въ состояніи (*). Во всѣхъ правительствахъ постановлено и условленось, что послѣ таковаго сигнала, сраженіе не можетъ начинаться прежде 24 часовъ, что я знаю и что вѣдаетъ также Ваше Превосходительство. Вы сказали моему посланному, что сего не дѣлали, но что я знаю то знаю. Надѣемся, что при полученіи сего письма, если Богу угодно будетъ, вы не оставите насъ отвѣтомъ. Впрочемъ будьте здоровы.

Сеидъ-Али, Алжирской Капитанъ моря.

Сенявинъ на сію нелѣпость отвѣчалъ: что по Европейскимъ установленіямъ, не только необыкновенно, но не позволительно въ пылу сраженія просить непріятеля, для отдохновенія о прекращеніи боя. Что такого сигнала онъ никогда не думалъ дѣлать и въ сей хитрости никогда на мѣстѣ его храбраго Капитанъ-Паши, не искалъ бы своего оправданія.

29-го Іюля Капитанъ-Паша и Анатольскій Сераскиръ увѣдомили Сенявина о заключеніи перемирія въ Измаилѣ между большими арміями, и требовали, что бы и онъ съ своей стороны прекратилъ военныя дѣйствія. Адмиралъ

(*) Такимъ образомъ Турка, могъ понять сіи сигналы, еслибъ они и были.

отвѣчалъ: что онъ не прекратитъ военныхъ дѣйствій, докуда Уполномоченный не будетъ допущенъ для переговоровъ и нужныхъ сношеній.

Послѣ неудачнаго покушенія на Египетъ, при перемѣнѣ Министерства, Англинское Правительство рѣшилось наконецъ исполнить трактатъ съ нашимъ Дворомъ и назначило въ помощь нашего флота, эскадру подъ командою Контръ-Адмирала Мартеня. 29-го Іюля корабль Кентъ съ бригомъ привезли сію пріятную новость, 15-го Іюля пришли корабль Репольсъ и три фрегата: Активъ, Аполлонъ и Тетисъ. Фрегаты немедленно отправились въ крейсерство къ Солоникѣ и Смирнѣ. И наконецъ 18-го Іюля Контръ-Адмиралъ Мартень съ двумя кораблями Квинъ и Монтегю, первый о сто пушкахъ, прибылъ къ Тенедосу и салютовалъ Сенявину 9-ю выстрѣлами, что удивило всѣхъ; ибо Англичане не обославшись ни кому прежде не салютуютъ. Дмитрій Николаевичъ приказалъ отвѣчать равнымъ числомъ, и сказалъ при семъ: „это что нибудь не даромъ, что нибудь значитъ;“ но Мартень тотчасъ, какъ скоро сталъ на якорь, со всѣми Капитанами своей эскадры прибылъ на Твердый, явился по формѣ въ команду. Такой чести еще ни одинъ Руской Адмиралъ не получалъ. Кавалеръ Артуръ Поджетъ, бывшій Англинскимъ Посломъ въ Вѣнѣ, прибылъ на сей эскадрѣ съ уполномочіемъ трактовать съ Турками о мирѣ. Корабль Кентъ посланъ былъ

къ Дарданеламъ съ объявленіемъ о пріѣздѣ Англинскаго Посла; но Турки прежнимъ порядкомъ, учтиво принимали парламентеровъ и ничего рѣшительнаго не сказывали. Дмитрій Николаевичъ имѣетъ особенный даръ, такъ сказать мгновенно заставить любить и уважать себя. Онъ угощалъ Мартеня славнымъ обѣдомъ; Мартень отвѣчалъ такимъ же; послѣ сего на корабляхъ Рускихъ и Англинскихъ начались балы и пирушки. Непринужденная веселость, откровенность и удивительное согласіе водворилось не только между Офицерами, но и матрозами.

29-го Іюля Вице-Адмиралъ Коллингвудъ, наперсникъ и наслѣдникъ славы Нельсона, герой Трафалгарскаго сраженія, на сто пушечномъ кораблѣ Оссіанѣ съ двумя 80 пушечными Мальтою и Канопусомъ соединился съ нашимъ флотомъ. Сенявинъ послалъ своего Флагъ-Капитана Малѣева поздравить его съ прибытіемъ. Коллингвудъ прибылъ въ Архипелагъ, дабы силою флота увеличить вліяніе на переговоры и принудить Туровъ, не слушая навѣтовъ Французскаго Посла Себастіани, скорѣе заключить миръ. Послѣ взаимныхъ посѣщеній и привѣтствій, Коллингвудъ письмомъ просилъ въ помощь двухъ кораблей, дабы посмотрѣть не льзя ли напасть на Турецкій флотъ въ самыхъ Дарданелахъ. Сенявинъ немедленно отвѣчалъ ему, что онъ охотно готовъ содѣйствовать ему всѣми силами, и 1-го Августа обѣ эскадры снялись, лавировали

вмѣстѣ и стали на якорь у острова Имбро. Турки столько озабочены были симъ движеніемъ, что на другой день на всѣхъ ихъ корабляхъ подняты были бѣлые флаги, а эскадра въ осторожность перешла во внутрь пролива и стала ближе къ крѣпостямъ. Авангардъ соединенныхъ флотовъ подъ командою Контръ-Адмирала Грейга, стоялъ предъ входомъ въ Дарданелы. Англинскій Посолъ велъ переговоры, Турки сообщали намъ непріятныя вѣсти о военныхъ дѣйствіяхъ на Сѣверѣ; вѣтръ постоянно дулъ изъ пролива и къ сожалѣнію ничего предпринять было не возможно. Соревнованіе на обоихъ флотахъ было столь велико и увѣренность на мужество и рѣшительность обоихъ Адмираловъ столь неограниченны, что не было сомнѣнія въ успѣхѣ всякаго предпріятія, но обстоятельства вдругъ и совсѣмъ неожиданно перемѣнились. 12-го Августа на корветѣ Херсонѣ прибылъ Баронъ Шепингъ, съ рескриптомъ отъ Государя и копіею съ Тильзитскаго мира, заключеннаго и ратификованнаго 21-го Іюня.

Въ слѣдствіе одной статьи, касающейся о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ Турціею, Сенявинъ увѣдомилъ Коллингвуда, что не можетъ содѣйствовать ему своими силами. Англинскій Адмиралъ, изъявивъ искреннее свое прискорбіе о такой нечаянной перемѣнѣ, принялъ на себя доставлять открытое предписаніе нашимъ судамъ, могущимъ по отбытіи флота притти къ Тенедосу. Рейсъ-Ефенди,

въ то же время увѣдомилъ Сенявина о перемиріи, подписанномъ Тайнымъ Совѣтникомъ Лошкаревымъ, въ слѣдствіе коего требовалъ сдачи Тенедоса и прекращенія военныхъ дѣйствій. Адмиралъ просилъ прислать уполномоченнаго для сдѣланія условій. 14-го Августа соединенные флоты, съ крайнимъ съ обѣихъ сторонъ нежеланіемъ раздѣлились. Англинскій остался у Имбро, Россійскій перешелъ къ Тенедосу. Адмиралы и Офицеры расталисъ съ изъявленіями искреннихъ чувствъ дружбы; разлука сія тѣмъ болѣе была прискорбна, что каждый изъ нихъ разумѣлъ о послѣдствіи неминуемой войны. Наконецъ 23-го Августа прибыли изъ Тильзита два курьера, одинъ чрезъ Тріестъ и Катаро, другой чрезъ Неаполь и Отранто, съ Высочайшимъ отъ 28-го Іюля повелѣніемъ: оставить Архипелагъ, сдать Катаро и Іоническую Республику Французамъ, (о чемъ имянное повелѣніе уже особенно и прямо доставлено Командору Баратынскому и Генералу Назимову), а флоту немедленно возвратиться въ Балтійскіе и Черноморскіе порты.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, не дожидая Турецкаго уполномоченнаго, эскадра 25-го Августа оставила Тенедосъ, 27-го прибыла въ Идро, откуда для забранія призовъ принадлежащихъ флоту и для окончанія другихъ дѣлъ, Контръ-Адмиралъ Грейгъ съ тремя кораблями, посланъ въ Специо, а Адмиралъ съ остальными шестью 28-го Августа вышедъ изъ Идро, и на пути взявъ на корабли бывшій

на островѣ Цериго маленькой нашъ гарнизонъ, прибылъ въ Корфу 4-го Сентября. Шлюпъ Шпицбергенъ, такъ же по пути посланъ былъ отъ флота для забранія гарнизона изъ Санта Мавры.

Пребываніе въ Корфѣ. — Тильзитскій миръ.

По прибытіи фрегата Венуса въ Корфу, въ послѣднихъ числахъ Іюля мѣсяца получены пріятныя извѣстія о побѣдахъ подъ Гейльсбергомъ и Гуштшадомъ, а вскорѣ за онымъ объявлено о заключенномъ на мѣсяцъ перемиріи. Всѣ къ намъ приверженные желали и надѣялись, что война еще продолжится, обѣщали себѣ несомнѣнные успѣхи и находились въ мучительномъ ожиданіи будущаго. Корфа походила тогда на улей, въ которомъ пчелы роятся; всѣ трактиры и кофейные домы наполнены были политиками разныхъ званій; вездѣ разсуждали о прошедшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, смотрѣли на карту, — сомнѣвались и предполагали. Слухъ о заключенномъ въ Тильзитѣ мирѣ уменьшилъ сіи прѣнія, самыя словоохотные принуждены были молчать или пожимать плечами и не смотря на сіе каждый утѣшалъ себя какимъ то призракомъ надежды. Наконецъ прибылъ курьеръ съ оффиціальнымъ извѣстіемъ о Тильзитскомъ мирѣ, и съ Высочайшимъ повелѣніемъ, какъ сказано выше, Іоническую Республику и Катаро сдать Французамъ. Войска наши долженствовали

быть перевезены въ Италію, соединиться въ Падуѣ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Не льзя описать того унынія, которымъ Корфіоты поражены были, горесть изображена была на всѣхъ лицахъ. Прекращеніе торговли, унетенія отъ военнаго правленія, страхъ отъ контрибуцій, побуждалъ каждаго заблаговременно оплакивать свои нещастія. Богатые люди, купцы, капиталисты, Англичане и кто только могъ, поспѣшно перебирались на суда и отправлялись въ Мальту и Сицилію, послѣднее убѣжище, отъ ига Французовъ свободное.

Если Тильзитскій миръ разсмотрѣть съ другой стороны, а не съ той, съ какой онъ былъ въ то время принятъ, то безпристрастный Историкъ откроетъ въ немъ мудрую предусмотрительность нашего Монарха, пріуготовившую спасеніе Европы. Для сего стоитъ только обратить вниманіе, съ какою благородное цѣлію и какимъ безкорыстіемъ Императрица Екатерина, Императоры Павелъ и Александръ принимали участіе въ войнахъ противу Франціи и потомъ сличить съ оными поступки союзниковъ, коимъ столь усердно Россія помогала. Я не стану говорить о революціонной войнѣ, въ коей Императрица, не полагая нужнымъ принять дѣятельное участіе, удовольствовалась только послать въ Англію флотъ свой, а упомяну о кампаніяхъ 1799, 1805 и 1807 годовъ. Въ первую Суворовъ освободилъ Италію, и когда думалъ онъ пере-

нести театръ войны въ самую Францію, Вѣнской кабинетъ удаляетъ его въ Швейцарію, гдѣ хотя Россійское оружіе увѣнчалось неувядаемыми лаврами, но герой нашего вѣка, не нашедъ обѣщаннаго содѣйствія и помощи, принужденъ былъ отступить въ Баварію. Въ тоже время Анкона, покоренная Россійскимъ флотомъ, и высаженцыми съ онаго войсками, увидѣла на стѣнахъ своихъ вмѣсто Папскаго Австрійское знамя. Англичане также покушались поднять свой флагъ въ Неаполѣ. Нельсонъ оспоривалъ славу освобожденія сей столицы у Адмирала Ушакова, и потомъ, когда войска наши выступили изъ Неаполя для покоренія Рима, Англинскій Капитанъ, крейсировавшій съ кораблемъ своимъ у Чивита-Веккіи, предложилъ Французскому гарнизону капитуляцію, и позволилъ нагрузить нѣсколько судовъ сокровищами Римскихъ храмовъ и Ватикана. Сими поступками Императоръ Павелъ справедливо огорченный отзываетъ свои войска. Въ войнѣ 1805 года, Французскія войска безнаказанно проходятъ неутральными землями, окружаютъ Генерала Макка, который съ 60,000 арміею безъ сраженія кладетъ ружье. Сей славный Придворный Фельдмаршалъ, еще въ 1798 году отличился подобнымъ же подвигомъ въ службѣ у Неаполитанскаго Короля; онъ въ продолженіи немногихъ дней, также безъ сраженія, но съ прекрасными расположеніями дѣйствій *на бумагѣ* и *словахъ* разтерялъ 80,000 армію. Пруской Дворъ долго

колеблясь, наконецъ отступаетъ отъ союза и Аустерлицкое сраженіе рѣшило участь войны. Пруссія, получивъ Ганноверъ и Лауенбургъ въ замѣну Княжества Невшательскаго и верхняго Пфальца, поссорилась съ Англіею и Швеціею, но вскорѣ увидѣла разставленныя ей сѣти и необходимость дѣйствовать открыто. Александръ, постоянный въ своей политикѣ, съ тѣмъже безкорыстіемъ не отказалъ Фридриху въ помощи, помирилъ его съ Англіею и Швеціею, но одно Іенское сраженіе рѣшило жребій войны. Королевство въ шесть недѣль было завоевано, всѣ крѣпости сдались безъ сопротивленія и едва 15,000 Прусаковъ успѣли соединиться съ нашею арміею; одна кровь Руская лилась на берегахъ Вислы для спасенія союзника. Австрійскій Дворъ, по примѣру Берлинскаго Кабинета, поданному въ прошедшемъ годѣ, сохранялъ строгій неутралитетъ. Англинское Министерство вмѣсто того, чтобы по обѣщанію освободить Данцигъ отъ осады, послало экспедицію для завоеванія въ Америкѣ Буеносъ-Айреса, и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать соединенно съ флотомъ нашимъ противу Константинополя, предприняло покорить Египетъ. Сіи обстоятельства наиболѣе благопріятствовали Наполеону и онъ сдѣлался непреодолимымъ. Война, чуждая пользамъ Отечества нашего, была прекращена Тильзитскимъ миромъ, который долженствовалъ показать пагубныя слѣдствія несогласія и смутъ тѣхъ Дворовъ,

коихъ выгода состояла въ продолженіи войны. Европа предоставлена была судьбѣ ея, дабы между тѣмъ Россія собрала всѣ силы свои и была готовою противустать мощному Наполеону.

Въ семъ положеніи дѣлъ Іоническая Республика и Катаро сдѣлались не нужными, ибо по превосходству Англинскихъ морскихъ силъ и при войнѣ, съ Турками продолжавшейся, содержаніе въ оныхъ флота и войска зависѣли отъ союзника, явно дѣйствовавшаго по внушенію своекорыстія. Британія, не теряя въ сраженіяхъ ни одного своего подданнаго, получила отъ войны чистую выгоду, возбуждала непріятелей противу Франціи, обѣщала всякому помощь и всегда съ оною опаздывала, какъ между тѣмъ вся Европа оплакивала смерть сотней тысячь своихъ воиновъ. Потеря торговли, которую при другихъ обстоятельствахъ представляла Корфа, также не была для насъ чувствительна; ибо не взирая на всѣ поощренія и преимущества, собственно Рускіе купцы ни мало ею не пользовались. Мореходство наше и до сего времени находится въ рукахъ иностранцевъ, большею частію на правахъ гостей, имѣющихъ свои конторы въ нашихъ портахъ и даже внутреннихъ городахъ. Наше купечество постигаетъ пользу внѣшней торговли, умѣетъ соображать свои прибытки, предпріимчивы и конечно охотно пошли бы искать богатства и за морями; но еще не приспѣло то время и не исполнилось желаніе Петра.

Сдача Корфы Французамъ — отправленіе войскъ въ Венецію.

7-го Августа, на 30 лодкахъ прибылъ первый отрядъ Французовъ съ бригаднымъ Генераломъ Кордано, имъ не было никакой встрѣчи отъ жителей, даже на другой день всѣ лавки были заперты. Въ слѣдующіе дни прибывало Французовъ по 200 и 300 человѣкъ. Англинскіе крейсеры успѣли воспользоваться такими переправами, нѣсколько лодокъ съ людьми потопили, мало взяли въ плѣнъ и захватили казну. Съ остальною частію войскъ 12-го Августа прибылъ Дивизіонный Генералъ Цесарь Бертье (племянникъ Князя Невшательскаго), назначенный Главнокомандующимъ Іоническихъ островов. 14-го Французы смѣнили наши войска и начали принимать крѣпостную артиллерію и магазейны. Съ сего дня начались безпорядки и притѣсненія всякаго рода. Въ нѣсколько дней взято было три контрибуціи: первая для содержанія пышнаго двора Бертье; вторая, Граждане города должны были доставить каждому солдату на день фунтъ мяса, два фунта хлѣба, бутылку вина, поставить въ казармы нужное число дровъ, свѣчъ, возить воду и снабдить каждаго постелею и одѣяломъ; третья, Французы вооруженной рукою захватили въ лавкахъ сукно, холстину, сапожной товаръ и собравъ въ городѣ всѣхъ мастеровыхъ заперли ихъ въ казарму, и такимъ способомъ, обор-

ванныя, почти босыя войска ихъ чрезъ нѣсколько дней явились одѣты какъ не льзя лучше. Не видно было ни малѣйшей подчиненности, солдаты и Офицеры вмѣстѣ ходили въ театръ, по лавкамъ и трактирамъ, вездѣ безчинничали, Грековъ били безъ пощады. Таковые поступки ихъ производили въ насъ отвращеніе, а для жителей были причиною оказывать намъ явное предпочтеніе. Бертье напрасно жаловался на нашу къ нимъ холодность; и самому страстному любителю Французовъ не возможно было похвалить ихъ поведенія. Почти каждый день происходили ссоры и поединки, дошло даже до того, что ни одинъ содержатель кофейнаго дома и трактира не хотѣлъ принимать Французовъ. Бертье, дабы привесть въ ужасъ честныхъ гражданъ, и чтобъ не смѣли они не только хвалить Рускихъ, ниже плакать о собственныхъ бѣдствіяхъ, набралъ множество шпіоновъ. Люди воспитанные по правиламъ новѣйшей философіи, Атеисты безъ вѣры и нравственности, всемірные граждане, не имѣющіе отечества, бѣдняки, развращенные, надѣявшіеся снискать благоволеніе правительства; словомъ люди отверженные отъ общества, самаго низкаго характера, картежные игроки, трактирные маклеры и даже публичныя женщины, подслушивали вездѣ; а дабы начать разговоръ и узнать мнѣніе другаго, нарочно начинали осуждать Французовъ; но какъ подобныя симъ хитрости заставляли

каждаго быть осторожнымъ, то сіи соглядатели, будучи уже всѣмъ извѣстными, дабы получить свое жалованье, по необходимости должны были клеветать. Когоже они предавали? Невинныхъ, — вопервыхъ благодѣтелей своихъ, потомъ знакомыхъ и наконецъ всѣхъ честныхъ и добродѣтельныхъ гражданъ. Когда явнымъ образомъ купленными злодѣями правительство угнетаетъ лучшихъ подданныхъ своихъ, то какую пользу могутъ принесть сіи доносчики, и какое чрезъ ихъ услуги можно предупредить злоупотребленіе? Оставляю рѣшить всякому благомыслящему. Удивляться надобно, что въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ, нація, похваляющаяся лучшею образованностію, терпитъ такое тиранство и не соображая дѣяній своего Аттиллы, называетъ его великимъ человѣкомъ, геніемъ!

22-го Августа кончились всѣ надежды жителей; на крѣпости поднятъ трехцвѣтный флагъ и Республика объявлена принадлежащею Франціи. Сенатъ распущенъ, и бѣдный народъ даже изъ любопытства не хотѣлъ слушать прокламаціи, которую при барабанномъ боѣ читали на всѣхъ перекресткахъ. Въ день имянинъ Наполеона $\frac{15}{27}$ Августа, Бертье, окруженный блестящимъ своимъ штабомъ, вошелъ въ церковь Св. Спиридонія съ музыкантами и барабанщиками; однакожъ замѣтя удивленіе, написанное на нашихъ лицахъ, догадался, приказалъ музыкантамъ выдти, а гренадерамъ снять шапки. Ввечеру съ примкнутыми шты-

ками ходили по домамъ, чтобы принудить хозяевъ иллюминовать оные, однакожъ только кое гдѣ горѣли плошки, да и тѣ мальчики потихоньку гасили. Въ театрѣ не было ни одного изъ почетныхъ гражданъ; переодѣтые солдаты, посаженные въ ложахъ, во все горло кричали: Vive Napoléon! Напротивъ того день тезоименитства нашего Императора, былъ днемъ самаго блистательнаго торжества. Съ утра всѣ церкви были наполнены народомъ, во весь день продолжался колокольный звонъ, театръ былъ полонъ зрителями; когда же зажглась иллюминація, городъ и корабли казались горящими, на всякомъ домѣ и лавкѣ выставлены были прозрачныя картины и надписи, безпрестанно на улицахъ раздавалось: да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ! да здравствуютъ Руские!...

4-го Сентября лишь только эскадра, прибывшая изъ Архипелага, положила якори, Бертье прислалъ чиновника поздравить съ прибытіемъ и просить о салютованіи. Сенявинъ благодарилъ за привѣтствія, а на послѣднее отвѣчалъ, что какъ у насъ нѣтъ еще положенія о салютѣ съ Франціею, то онъ и не можетъ салютовать крѣпости прежде. Съ прибытіемъ Адмирала порядокъ немедленно возстановился. Въ городѣ поставлены наши караулы и буйство Французскихъ солдатъ усмирено, даже Бертье воздержался посылать военную экзекуцію особенно въ тѣ домы, гдѣ стояли Рускіе. Корфіоты на нѣсколько дней отдохнули.

Сенявину предстояло множество дѣлъ, большею частію непріятныхъ. Отъ утра до вечера пріѣзжали Сенаторы и граждане свидѣтельствовать свою благодарность, просить защиты отъ Французовъ, которые поступали съ Корфою какъ съ завоеваннымъ городомъ; другіе приходили прощаться и плакать. Французы тайнымъ образомъ дѣлали всѣ возможныя помѣшательства въ отправленіи войскъ въ Италію, и разгласили будто бы армія и флотъ нашъ останутся для защиты Корфы, что крайне насъ безпокоило. Адмиралъ въ 10 дней кончилъ всѣ дѣла. Въ пристаняхъ работали день и ночь, транспортныя суда для перевозу войскъ были наняты, исправлены, снабжены нужнымъ и чрезъ пять дней отправлены. Посланы повелѣнія во всѣ мѣста: Капитанъ-Командору Баратынскому приказано съ кораблями Балтійской эскадры поспѣшать соединиться со флотомъ въ Корфѣ; Командору Салтанову поручена Черноморская эскадра для отвода оной въ Черное море, на которую должно было забрать всѣ крѣпостные припасы и остальныхъ людей, принадлежащихъ 11-й дивизіи.

Когда первый отрядъ войскъ собранныхъ съ островов садился на суда для отплытія въ Манфредонію или Анкону, прощанье жителей съ нашими солдатами, искреннее свидѣтельство народной къ намъ любви, ни какое перо описать не можетъ. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридонія для при-

нанія благословленія въ путь. Духовенство отъ всѣхъ церквей въ черномъ облаченіи вышло со крестами и святою водою. Протопопъ, подавъ хлѣбъ и соль Генералу Назимову, началъ рѣчь, но зарыдалъ, залился слезами и не могъ продолжать. Ударили въ барабаны, войска тронулись и пошли къ пристани. Не только улицы, площадь, но всѣ окна, крышки домовъ покрыты были народомъ, который въ изліяніи признательности своей забылъ на сію минуту, что онъ такою откровенностію раздражаетъ новыхъ своихъ властителей. Съ балконовъ сыпались на солдатъ цвѣты, иногда печальное молчаніе прерывалось гласомъ признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребныя суда, каждый прощался съ своимъ знакомымъ, просили не забывать другъ друга, обнимались и плакали. Я въ первый разъ увидѣлъ и повѣрилъ, что Корфіоты имѣли причину любить Рускихъ, они подлинно безъ насъ остались сиротами. Можно сказать, что Корфіоты и Катарцы были любимыми чадами Россіи, которыхъ мы покоили, берегли и ласкали, не требуя отъ нихъ ни какого пожертвованія. Великодушіе, милости Императора Александра никогда не должны изгладиться изъ памяти сихъ народовъ.

Благородный поступокъ Суліотовъ, служившихъ въ нашемъ Албанскомъ легіонѣ, достоинъ, чтобы упомянуть о немъ. Они не прежде согласились вступить въ службу Наполеона,

какъ совершенно увѣрясь, что они намъ болѣе не нужны, съ условіемъ никогда не быть употребленными противу Руских. Когда Французскій чиновникъ, приводившій Албанцевъ къ присягѣ, замѣтилъ, что таковое предложеніе условій съ ихъ стороны не у мѣста, неприлично и не нужно; Албанскій начальникъ смѣло отвѣчалъ ему: напротивъ она необходимо, дабы вы напередъ знали, что если вы будете въ войнѣ съ Рускими, то мы за нихъ и противу васъ.

Получено извѣстіе, что Катаро также сдана Французамъ. Генералъ Мармонтъ по принятіи сей области объявилъ забвеніе прошедшаго, и не требовалъ еще никакой контрибуціи; онъ поступилъ благоразумно, ибо храбрый народъ при помощи Черногорцевъ, которые отказались отъ щедрыхъ обѣщаній и покровительства великаго Наполеона, конечно не стерпѣлъ бы притѣсненій, какія Корфіоты невольно переносили. Плѣнные Турки освобождены и перевезены на Албанскій берегъ. Адмиралъ Бекиръ-Бей боясь, чтобъ и ему подобно какъ Шереметъ-Бею и другимъ не отрубили голову за то, что не умеръ въ сраженіи, въ ожиданіи милости Султана остался въ Корфѣ.

Плаваніе Средиземнымъ моремъ до Гибралтара.

14-го Сентября Контръ-Адмиралъ Грейгъ съ тремя кораблями прибылъ изъ Архипелага;

нятія благословленія въ путь, духовенство отъ всѣхъ церквей въ черномъ облаченіи вышло со крестами и святою водою. Протопопъ, подавъ хлѣбъ и соль Генералу Назимову, началъ рѣчь, но зарыдалъ, залился слезами и не могъ продолжать. Ударили въ барабаны, войска тронулись и пошли къ пристани. Не только улицы, площадь, но всѣ окна, крышки домовъ покрыты были народомъ, который въ изліяніи признательности своей забылъ на сію минуту, что онъ такою откровенностію раздражаетъ новыхъ своихъ властителей. Съ балконовъ сыпались на солдатъ цвѣты, иногда печальное молчаніе прерывалось гласомъ признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребныя суда, каждый прощался съ своимъ знакомымъ, просили не забывать другъ друга, обнимались и плакали. Я въ первый разъ увидѣлъ и повѣрилъ, что Корфіоты имѣли причину любить Рускихъ, они подлинно безъ насъ остались сиротами. Можно сказать, что Корфіоты и Катарцы были любимыми чадами Россіи, которыхъ мы покоили, берегли и ласкали, не требуя отъ нихъ ни какого пожертвованія. Великодушіе, милости Императора Александра никогда не должны изгладиться изъ памяти сихъ народовъ,

Благородный поступокъ Суліотовъ, служившихъ въ нашемъ Албанскомъ легіонѣ, достоинъ, чтобы упомянуть о немъ. Они не прежде согласились вступить въ службу Наполеона,

какъ совершенно увѣрясь, что они намъ болѣе не нужны, съ условіемъ никогда не быть употребленными противу Руских. Когда Французскій чиновникъ, приводившій Албанцевъ къ присягѣ, замѣтилъ, что таковое предложеніе условій съ ихъ стороны не у мѣста, неприлично и не нужно; Албанскій начальникъ смѣло отвѣчалъ ему: напротивъ она необходимо, дабы вы напередъ знали, что если вы будете въ войнѣ съ Рускими, то мы за нихъ и противу васъ.

Получено извѣстіе, что Катаро также сдана Французамъ. Генералъ Мармонтъ по принятіи сей области объявилъ забвеніе прошедшаго, и не требовалъ еще никакой контрибуціи; онъ поступилъ благоразумно, ибо храбрый народъ при помощи Черногорцевъ, которые отказались отъ щедрыхъ обѣщаній и покровительства великаго Наполеона, конечно не стерпѣлъ бы притѣсненій, какія Корфіоты невольно переносили. Плѣнные Турки освобождены и перевезены на Албанскій берегъ. Адмиралъ Бекиръ-Бей боясь, чтобъ и ему подобно какъ Шереметъ-Бею и другимъ не отрубили голову за то, что не умеръ въ сраженіи, въ ожиданіи милости Султана остался въ Корфѣ.

Плаваніе Средиземнымъ моремъ до Гибралтара.

14-го Сентября Контръ-Адмиралъ Грейгъ съ тремя кораблями прибылъ изъ Архипелага;

шпили долго задержали его у Церинго. Корабли сіи въ двое сутокъ исправлены, флотъ былъ готовъ и мы ожидали перваго попутнаго вѣтра. За неприбытіемъ Капитанъ-Командора Барашынскаго оставлено ему повелѣніе, съ кораблями Петромъ, Москвою, Седель-Бахромъ, фрегатами Легкимъ и Автроилемъ, слѣдовать прямо въ Россію, не заходя ни въ какіе порты, а паче избѣгать Англинскихъ. Такоеже наставленіе дано было всѣмъ Капитанамъ, Мѣлкія суда Балтійской эскадры, по неблагонадежности ихъ къ плаванію въ столь позднее время, и дабы они не задерживали въ плаваніи линейныхъ кораблей, причислены къ Черноморской эскадрѣ Капитанъ-Командора Салтанова.

19-го Сентабря при тихомъ вѣтрѣ эскадра, состоящая изъ 10 кораблей тѣхъ самыхъ, кои были въ Архипелагѣ, изъ фрегатовъ Венуса, Кильдюина и Шпицбергена, снялась, оставила Корфу и навсегда съ нею простилась. Площадь, бастіоны крѣпостей были покрыты народомъ, множество яликовъ окружали корабли, Корфіоты прощались съ своими друзьями, иные желали намъ добраго пути, другіе бури, которая бы возвратила насъ къ нимъ. Вѣтръ началъ свѣжѣть, корабли полетѣли, ялики стали отставать. Корфа погружалась въ море, темнѣла постепенно, изчезла, и всѣ надежды Корфіотовъ миновались, связи дружбы и сердецъ кончились.

По захожденіи солнца вѣтръ очень усилился, сдѣлался противный и мы при великомъ волненіи лавировали четверо сутокъ. Скорый и частый переходъ отъ удовольствій къ разнообразнымъ занятіямъ и заботамъ по службѣ, разливаетъ въ обществахъ нашихъ грусть, изъявляемую молчаніемъ и пасмурнымъ видомъ. Образъ нашей жизни къ тому не мало способствуетъ. На корабляхъ каждому есть свое дѣло и всему опредѣленное время. Въ семь часовъ по свисту дудочки всѣ встаютъ; въ половинѣ восьмаго Офицерамъ подаютъ чай; въ девять барабаномъ свободныхъ отъ должности приглашаютъ къ молитвѣ; въ десять подаютъ водку и закуску; въ половинѣ двѣнадцатаго обѣдаютъ; въ половинѣ шестаго въ каютъ компаніи въ каминѣ разводятъ огонь, и всѣ садятся вокругъ чайнаго стола, курятъ трубки, пьютъ одни чай, другіе пуншъ, и бесѣдуютъ какъ въ своемъ семействѣ; въ половинѣ осьмаго ужинаютъ и ложатся спать. Распредѣленіе смѣнъ или вахтъ, раздѣлено такимъ образомъ, что каждый Офицеръ и матрозъ, занятъ должностію отъ 10 до 14 часовъ въ сутки. Вставать въ полночь, ложиться въ 4 часа утра, не имѣть никогда покойнаго непрерывнаго сна, быть всегда готовымъ выйти на верхъ, во время бури нѣсколько дней сряду не сходить въ каюту, дремать только нѣсколько минутъ прислонясь къ пушкѣ: вотъ безпокойства и труды, вотъ наши биваки, которыхъ неудобствамъ подвержены мы, не

только противу непріятеля, но и во всякое время.

Въ ночь на 23-е Сентября противный вѣтръ дулъ очень сильно, отъ волненія фрегатъ весь трещалъ и казалось готовъ былъ разрушиться; но всѣ были спокойны, и кромѣ голоса вахтеннаго Лейтенанта и откликовъ урядниковъ, никакого шуму и смятенія не было слышно. Вдругъ раздался выстрѣлъ, спустя нѣсколько времени еще три. Корабль Уріилъ ночнымъ сигналомъ увѣдомилъ, что онъ терпитъ бѣдствіе; Селафаилъ, что у него переломился грота-рей; Адмиралъ отвѣчалъ имъ держаться въ линіи до разсвѣта. Къ утру вѣтръ нѣсколько стихъ, эскадрѣ велѣно лечь въ дрейфъ, Селафаилу исправить повреждение, Уріилу подойти для переговору. Адмиралъ на маломъ яликѣ, не смотря на великое волненіе, поѣхалъ на сей послѣдній корабль, и къ немалому огорченію своему нашелъ, что многіе бимсы, держащіе палубу, треснули, другіе сгнили и корабль не могъ въ столь бурное время года итти въ дальній путь, и потому Капитану онаго М. Т. Быченскому приказано возвратиться въ Корфу, сложить артиллерію, на корабли эскадры Баратынскаго, и исправясь сколько возможно, итти съ нимъ или, когда найдутся другія важнѣйшія поврежденія, отправиться въ Черное море.

24-го Сентября вѣтръ сдѣлался попутный, мы подошли къ Сициліи, обошли мысъ

Пассаро, и въ виду Мальты и прекрасной Сициліи, представлявшей намъ то города, то гавани, то селенія, то монастыри, то уединенно стоящую на скалѣ сторожевую башню. Мѣста прекрасныя смѣнялись другими лучшими, свѣтлая ночь заступила ясный день, всѣ предметы вокругъ нечувствительно перемѣнялись, и при столь благополучномъ плаваніи, мы уже забыли безпокойства и скуку прошедшихъ дней; не думали, что оныя сей же часъ могутъ случиться. Морская служба, скажутъ, очень трудна; но для насъ всегда въ ней есть нѣчто намъ нравящееся и сильно насъ занимающее. Конечно ни въ какой другой службѣ нѣтъ столько занятій для воображенія и души, какъ въ морской. Кто изъ моряковъ во время жестокой бури не заклиналъ себя никогда болѣе не вдаваться въ опасность и пришедъ въ гавань подать въ отставку; и кто изъ нихъ при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ не забывалъ клятвъ своихъ, скучалъ стоя въ пристани и съ удовольствіемъ не пускался опять въ море. Окруженные бѣдствіями, даже претерпѣвъ кораблекрушеніе, хотя говоримъ мы о покоѣ, но любимъ одни только бури. Мысли наши столько же въ семъ случаѣ, какъ и жизнь наша, коловратны: мы походимъ на ревнивую жену, которая, лаская первой плодъ любви своей, даетъ супругу слово не быть болѣе ревнивою; а *тамъ* посмотришь миловидная служанка впадаетъ въ немилость, изгоняется; супругъ сердится; она

ванныя, почти босыя войска ихъ чрезъ нѣсколько дней явились одѣты какъ не льзя лучше. Не видно было ни малѣйшей подчиненности, солдаты и Офицеры вмѣстѣ ходили въ театръ, по лавкамъ и трактирамъ, вездѣ безчинничали, Грековъ били безъ пощады. Таковые поступки ихъ производили въ насъ отвращеніе, а для жителей были причиною оказывать намъ явное предпочтеніе. Бертье напрасно жаловался на нашу къ нимъ холодность; и самому страстному любителю Французовъ не возможно было похвалить ихъ поведенія. Почти каждый день происходили ссоры и поединки, дошло даже до того, что ни одинъ содержатель кофейнаго дома и трактира не хотѣлъ принимать Французовъ. Бертье, дабы привесть въ ужасъ честныхъ гражданъ, и чтобъ не смѣли они не только хвалить Руских, ниже плакать о собственныхъ бѣдствіяхъ, набралъ множество шпіоновъ. Люди воспитанные по правиламъ новѣйшей философіи, Атеисты безъ вѣры и нравственности, всемірные граждане, не имѣющіе отечества, бѣдняки, развращенные, надѣявшіеся снискать благоволеніе правительства; словомъ люди отверженные отъ общества, самаго низкаго характера, картежные игроки, трактирные маклеры и даже публичныя женщины, подслушивали вездѣ; а дабы начать разговоръ и узнать мнѣніе другаго, нарочно начинали осуждать Французовъ; но какъ подобныя симъ хитрости заставляли

каждаго быть осторожнымъ, что сіи соглядатели, будучи уже всѣмъ извѣстными, дабы получить свое жалованье, по необходимости должны были клеветать. Когоже они предавали? Невинныхъ, — вопервыхъ благодѣтелей своихъ, потомъ знакомыхъ и наконецъ всѣхъ честныхъ и добродѣтельныхъ гражданъ. Когда явнымъ образомъ купленными злодѣями правительство угнетаетъ лучшихъ подданныхъ своихъ, то какую пользу могутъ принесть сіи доносчики, и какое чрезъ ихъ услуги можно предупредить злоупотребленіе? Оставляю рѣшить всякому благомыслящему. Удивляться надобно, что въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ, нація, похваляющаяся лучшею образованностію, терпитъ такое тиранство и не соображая дѣяній своего Аттиллы, называетъ его великимъ человѣкомъ, геніемъ!

22-го Августа кончились всѣ надежды жителей; на крѣпости поднятъ трехцвѣтный флагъ и Республика объявлена принадлежащею Франціи. Сенатъ распущенъ, и бѣдный народъ даже изъ любопытства не хотѣлъ слушать прокламаціи, которую при барабанномъ боѣ читали на всѣхъ перекресткахъ. Въ день имянинъ Наполеона $\frac{15}{27}$ Августа, Бертье, окруженный блестящимъ своимъ штабомъ, вошелъ въ церковь Св. Спиридонія съ музыкантами и барабанщиками; однакожъ замѣтя удивленіе, написанное на нашихъ лицахъ, догадался, приказалъ музыкантамъ выдти, а гренадерамъ снять шапки. Ввечеру съ примкнутыми шты-

ками ходили по домамъ, чтобы принудить хозяевъ иллюминовать оные, однакожъ только кое гдѣ горѣли плошки, да и тѣ мальчики потихоньку гасили. Въ театрѣ не было ни одного изъ почетныхъ граждань; переодѣтые солдаты, посаженные въ ложахъ, во все горло кричали: Vive Napoléon! Напротивъ того день тезоименитства нашего Императора, былъ днемъ самаго блистательнаго торжества. Съ утра всѣ церкви были наполнены народомъ, во весь день продолжался колокольный звонъ, театръ былъ полонъ зрителями; когда же зажглась иллюминація, городъ и корабли казались горящими, на всякомъ домѣ и лавкѣ выставлены были прозрачныя картины и надписи, безпрестанно на улицахъ раздавалось: да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ! да здравствуютъ Рускіе!...

4-го Сентября лишь только эскадра, прибывшая изъ Архипелага, положила якори, Бертье прислалъ чиновника поздравить съ прибытіемъ и просить о салютованіи. Сенявинъ благодарилъ за привѣтствія, а на послѣднее отвѣчалъ, что какъ у насъ нѣтъ еще положенія о салютѣ съ Франціею, то онъ и не можетъ салютовать крѣпости прежде. Съ прибытіемъ Адмирала порядокъ немедленно возстановился. Въ городѣ поставлены наши караулы и буйство Французскихъ солдатъ усмирено, даже Бертье воздержался посылать военную экзекуцію особенно въ тѣ домы, гдѣ стояли Рускіе. Корфіоты на нѣсколько дней отдохнули.

Сенявину предстояло множество дѣлъ, большею частію непріятныхъ. Отъ утра до вечера пріѣзжали Сенаторы и граждане свидѣтельствовать свою благодарность, просить защиты отъ Французовъ, которые поступали съ Корфою какъ съ завоеваннымъ городомъ; другіе приходили прощаться и плакать. Французы тайнымъ образомъ дѣлали всѣ возможныя помѣшательства въ отправленіи войскъ въ Италію, и разгласили будто бы армія и флотъ нашъ останутся для защиты Корфы, что крайне насъ безпокоило. Адмиралъ въ 10 дней кончилъ всѣ дѣла. Въ пристаняхъ работали день и ночь, транспортныя суда для перевозу войскъ были наняты, исправлены, снабжены нужнымъ и чрезъ пять дней отправлены. Посланы повелѣнія во всѣ мѣста: Капитанъ-Командору Баратынскому приказано съ кораблями Балтійской эскадры поспѣшать соединиться со флотомъ въ Корфѣ; Командору Салтанову поручена Черноморская эскадра для отвода оной въ Черное море, на которую должно было забрать всѣ крѣпостные припасы и остальныхъ людей, принадлежащихъ 11-й дивизіи.

Когда первый отрядъ войскъ собранныхъ съ островов садился на суда для отплытія въ Манфредонію или Анкону, прощанье жителей съ нашими солдатами, искреннее свидѣтельство народной къ намъ любви, ни какое перо описать не можетъ. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридонія для при-

нятія благословленія въ путь, духовенство отъ всѣхъ церквей въ черномъ облаченіи вышло со крестами и святою водою. Протопопъ, подавъ хлѣбъ и соль Генералу Назимову, началъ рѣчь, но зарыдалъ, залился слезами и не могъ продолжать. Ударили въ барабаны, войска тронулись и пошли къ пристани. Не только улицы, площадь, но всѣ окна, крышки домовъ покрыты были народомъ, который въ изліяніи признательности своей забылъ на сію минуту, что онъ такою откровенностію раздражаетъ новыхъ своихъ властителей. Съ балконовъ сыпались на солдатъ цвѣты, иногда печальное молчаніе прерывалось гласомъ признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребныя суда, каждый прощался съ своимъ знакомымъ, просили не забывать другъ друга, обнимались и плакали. Я въ первый разъ увидѣлъ и повѣрилъ, что Корфіоты имѣли причину любить Русскихъ, они подлинно безъ насъ остались сиротами. Можно сказать, что Корфіоты и Катарцы были любимыми чадами Россіи, которыхъ мы покоили, берегли и ласкали, не требуя отъ нихъ ни какого пожертвованія. Великодушіе, милости Императора Александра никогда не должны изгладиться изъ памяти сихъ народовъ,

Благородный поступокъ Суліотовъ, служившихъ въ нашемъ Албанскомъ легіонѣ, достоинъ, чтобы упомянуть о немъ. Они не прежде согласились вступить въ службу Наполеона,

какъ совершенно увѣрясь, что они намъ болѣе не нужны, съ условіемъ никогда не быть употребленными противу Рускихъ. Когда Француской чиновникъ, приводившій Албанцевъ къ присягѣ, замѣтилъ, что таковое предложеніе условій съ ихъ стороны не у мѣста, неприлично и не нужно; Албанскій начальникъ смѣло отвѣчалъ ему: напротивъ она необходимо, дабы вы напередъ знали, что если вы будете въ войнѣ съ Рускими, то мы за нихъ и противу васъ.

Получено извѣстіе, что Катаро также сдана Французамъ. Генералъ Мармонтъ по принятіи сей области объявилъ забвеніе прошедшаго, и не требовалъ еще никакой контрибуціи; онъ поступилъ благоразумно, ибо храбрый народъ при помощи Черногорцевъ, которые отказались отъ щедрыхъ обѣщаній и покровительства великаго Наполеона, конечно не стерпѣлъ бы притѣсненій, какія Корфіоты невольно переносили. Плѣнные Турки освобождены и перевезены на Албанскій берегъ. Адмиралъ Бекиръ-Бей боясь, чтобъ и ему подобно какъ Шереметъ-Бею и другимъ не отрубили голову за то, что не умеръ въ сраженіи, въ ожиданіи милости Султана остался въ Корфѣ.

Плаваніе Средиземнымъ моремъ до Гибралтара.

14-го Сентября Контръ-Адмиралъ Грейгъ съ тремя кораблями прибылъ изъ Архипелага;

штили долго задержали его у Цериго. Корабли сіи въ двое сутокъ исправлены, флотъ былъ готовъ и мы ожидали перваго попутнаго вѣтра. За неприбытіемъ Капитанъ-Командора Баратынскаго оставлено ему повелѣніе, съ кораблями Петромъ, Москвою, Седель-Бахромъ, фрегатами Легкимъ и Автроилемъ, слѣдовать прямо въ Россію, не заходя ни въ какіе порты, а паче избѣгать Англинскихъ. Такоеже наставленіе дано было всѣмъ Капитанамъ, Мѣлкія суда Балтійской эскадры, по неблагонадежности ихъ къ плаванію въ столь позднее время, и дабы они не задерживали въ плаваніи линейныхъ кораблей, причислены къ Черноморской эскадрѣ Капитанъ-Командора Салтанова.

19-го Сентабря при тихомъ вѣтрѣ эскадра, состоящая изъ 10 кораблей тѣхъ самыхъ, кои были въ Архипелагѣ, изъ фрегатовъ Венуса, Кильдюина и Шпицбергена, снялась, оставила Корфу и навсегда съ нею простилась. Площадь, бастіоны крѣпостей были покрыты народомъ, множество яликовъ окружали корабли, Корфіоты прощались съ своими друзьями, иные желали намъ добраго пути, другіе бури, которая бы возвратила насъ къ нимъ. Вѣтръ началъ свѣжѣть, корабли полетѣли, ялики стали отставать. Корфа погружалась въ море, темнѣла постепенно, изчезла, и всѣ надежды Корфіотовъ миновались, связи дружбы и сердецъ кончились.

По захожденіи солнца вѣтръ очень усилился, сдѣлался противный и мы при великомъ волненіи лавировали четверо сутокъ. Скорый и частый переходъ отъ удовольствій къ разнообразнымъ занятіямъ и заботамъ по службѣ, разливаетъ въ обществахъ нашихъ грусть, изъявляемую молчаніемъ и пасмурнымъ видомъ. Образъ нашей жизни къ тому не мало способствуетъ. На корабляхъ каждому есть свое дѣло и всему опредѣленное время. Въ семь часовъ по свисту дудочки всѣ встаютъ; въ половинѣ восьмаго Офицерамъ подаютъ чай; въ девять барабаномъ свободныхъ отъ должности приглашаютъ къ молитвѣ; въ десять подаютъ водку и закуску; въ половинѣ двѣнадцатаго обѣдаютъ; въ половинѣ шестаго въ каютъ компаніи въ каминѣ разводятъ огонь, и всѣ садятся вокругъ чайнаго стола, курятъ трубки, пьютъ одни чай, другіе пуншъ, и бесѣдуютъ какъ въ своемъ семействѣ; въ половинѣ осьмаго ужинаютъ и ложатся спать. Распредѣленіе смѣнъ или вахтъ, раздѣлено такимъ образомъ, что каждый Офицеръ и матрозъ, занятъ должностію отъ 10 до 14 часовъ въ сутки. Вставать въ полночь, ложиться въ 4 часа утра, не имѣть никогда покойнаго непрерывнаго сна, быть всегда готовымъ выттти на верхъ, во время бури нѣсколько дней сряду не сходить въ каюту, дремать только нѣсколько минутъ прислонясь къ пушкѣ: вотъ безпокойства и труды, вотъ наши биваки, которыхъ неудобствамъ подвержены мы, не

только противу непріятеля, но и во всякое время.

Въ ночь на 23-е Сентября противный вѣтръ дулъ очень сильно, отъ волненія фрегатъ весь трещалъ и казалось готовъ былъ разрушиться; но всѣ были спокойны, и кромѣ голоса вахтеннаго Лейтенанта и откликовъ урядниковъ, никакого шуму и смятенія не было слышно. Вдругъ раздался выстрѣлъ, спустя нѣсколько времени еще три. Корабль Уріилъ ночнымъ сигналомъ увѣдомилъ, что онъ терпитъ бѣдствіе; Селафаилъ, что у него переломился грота-рей; Адмиралъ отвѣчалъ имъ держаться въ линіи до разсвѣта. Къ утру вѣтръ нѣсколько стихъ, эскадрѣ велѣно лечь въ дрейфъ, Селафаилу исправить поврежденіе, Уріилу подойти для переговору. Адмиралъ на маломъ яликѣ, не смотря на великое волненіе, поѣхалъ на сей послѣдній корабль, и къ немалому огорченію своему нашелъ, что многіе бимсы, держащіе палубу, треснули, другіе сгнили и корабль не могъ въ столь бурное время года итти въ дальній путь, и потому Капитану онаго М. Т. Быченскому приказано возвратиться въ Корфу, сложить артиллерію, на корабли эскадры Баратынскаго, и исправясь сколько возможно, итти съ нимъ или, когда найдутся другія важнѣйшія поврежденія, отправиться въ Черное море.

24-го Сентября вѣтръ сдѣлался попутный, мы подошли къ Сициліи, обошли мысъ

Пассаро, и въ виду Мальшы и прекрасной Сициліи, представлявшей намъ то города, то гавани, то селенія, то монастыри, то уединенно стоящую на скалѣ сторожевую башню. Мѣста прекрасныя смѣнялись другими лучшими, свѣтлая ночь заступила ясный день, всѣ предметы вокругъ нечувствительно перемѣнялись, и при столь благополучномъ плаваніи, мы уже забыли безпокойства и скуку прошедшихъ дней; не думали, что оныя сей же часъ могутъ случиться. Морская служба, скажутъ, очень трудна; но для насъ всегда въ ней есть нѣчто намъ нравящееся и сильно насъ занимающее. Конечно ни въ какой другой службѣ нѣтъ столько занятій для воображенія и души, какъ въ морской. Кто изъ моряковъ во время жестокой бури не заклиналъ себя никогда болѣе не вдаваться въ опасность и пришедъ въ гавань подать въ отставку; и кто изъ нихъ при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ не забывалъ клятвъ своихъ, скучалъ стоя въ пристани и съ удовольствіемъ не пускался опять въ море. Окруженные бѣдствіями, даже претерпѣвъ кораблекрушеніе, хотя говоримъ мы о покоѣ, но любимъ одни только бури. Мысли наши столько же въ семъ случаѣ, какъ и жизнь наша, коловратны: мы походимъ на ревнивую жену, которая, ласкаярвой плодъ любви своей, даетъ супругу слово не быть болѣе ревнивою; а *тамъ* посмотришь миловидная служанка впадаетъ въ немилость, изгоняется; супругъ сердится; она

раскаивается, снова даетъ слово, и снова еще болѣе прежняго становится ревнива.

26-го Сентября по приближеніи къ западной оконечности острова Сициліи, вѣтръ началъ заходить къ Сѣверу и усиливаться; почему, дабы быть сколько можно болѣе на вѣтрѣ и удалиться отъ береговъ Африки, Адмиралъ повелъ эскадру между Сициліею и Егатскими островами. Ночь была темна, проливъ имѣлъ подводные каменья. Не видя никакихъ предметовъ и руководствуясь токмо компасомъ и картою, мы блуждали такъ сказать ощупью въ темнотѣ, положеніе наше было не безопасно. При такихъ встрѣчахъ, кои очень часто на морѣ случаются, зрѣніе и чувства находятся въ неизъяснимомъ страданіи. Не спуская глазъ съ Адмиральскаго корабля, встрѣчаясь то съ тѣмъ, то съ другимъ кораблемъ, всю ночь боролись мы съ противнымъ вѣтромъ; но по восхожденіи солнца вѣтръ стихнулъ, и отошелъ къ востоку.

Съ правой стороны у насъ видѣнъ былъ городъ Транани, съ лѣвой Маритимо, Фавоньяно и многіе острова. Берегъ Сициліи у города низокъ, въ нѣкоторомъ разстояніи видны горы, покрытыя зеленью; на одной изъ нихъ монастырь, на другой древній замокъ. Близь пристани видно было множество лодокъ съ пестрыми парусами. Лодки сіи

употребляются для доставанія ко́ралловъ, составляющихъ главный промыслъ жителей Трапани; кораллы бываютъ разныхъ цвѣтовъ, краснаго какъ кровь, тѣлеснаго цвѣта, желтаго, бѣлаго и полосатые. Въ Трапани достается кораллъ одного перваго сорта. Чудное сіе морское произведеніе роститъ подобно оленьимъ рогамъ, плотно и твердо какъ камень. Стволъ коралла раздѣляется на вѣтви, роститъ прилипши къ камнямъ; кора покрывающая оный, вскорѣ по вынятіи изъ воды легко слупляется, когда же высохнетъ, то бываетъ бугровата, какъ бы усѣяна маленькими зернышками, имѣющими малую скважину, чрезъ которую кораллъ получаетъ растительный сокъ. Естествоиспытатели полагаютъ, что животнорастеніе, называемое морская крапива, есть начало коралловъ. Растеніе сіе составляется изъ вещества вязкаго, которое потомъ твердѣетъ, прибавляется накипью и обращается симъ образомъ въ кораллъ. Доставать оный со дна моря не безъ труда и опасности. Машина для сего употребляемая очень проста и со времени изобрѣтенія оной коралловая ловля сдѣлалась весьма прибыточна. Къ срединѣ большаго деревяннаго креста привязываются тяжелые каменья, могущіе погрузить и держать машину на днѣ; къ тремъ концамъ креста прикрѣпляются веревочныя узкія сѣти. На прочной веревкѣ, къ четвертому концу креста укрѣпленной, машина бросается въ воду; конецъ сей веревки привязывается на кормѣ лодки;

другія лодки берутъ первую на буксиръ, всѣ вмѣстѣ гребутъ или идутъ подъ парусами. Каменья, привязанные къ срединѣ креста, отламываютъ кораллы, которые запутываются потомъ въ сѣтяхъ, и вмѣстѣ съ оными подымаются на поверхность. Жители Трапани почитаются трудолюбивѣйшими въ Сициліи; галантерейныя вещи и въ особенности *Камеи* доставляютъ имъ значительный доходъ. Камеи сіи дѣлаются на твердыхъ раковинахъ, по слепкамъ лучшихъ антиковъ и столь къ нимъ подходятъ, что настоящій антикъ вырѣзываемый на онихсѣ, никакъ нельзя отличить отъ поддѣльныхъ, которые вошли въ такую моду, что перстень или браслетъ продается иногда за 2,000 рублей.

Эскадра, обошедъ Маритимо, пошла на фордевиндъ. Шлюпъ Шпицбергенъ, упавъ подъ вѣтръ, не успѣлъ обойти западнаго мыса Сициліи и въ прошедшую ночь отсталъ отъ эскадры. Погода установилась прекрасная, тихій попутный вѣтръ не перемѣнялся, и мы непримѣтно переходили 200 и 300 верстъ въ сутки. Когда вѣтръ нѣсколько усиливался, Адмиралъ, не задерживая плаванія впередъ, дѣлалъ различные маневры. Движеніе флота для глазъ человѣка, видящаго оныя въ первый разъ, суть совершенное очарованіе. Когда корабль стоитъ на якорѣ, то кажется тяжелою неподвижною громадою; но лишь появится на немъ одинъ парусъ, онъ перемѣняетъ видъ свой, идетъ; прибавляется другой, третій,

распускаются всѣ паруса, и онъ бѣжитъ, летитъ подобно живому существу. Движенія его при нападеніи и защищеніи, когда изъ безпорядка въ нѣсколько минутъ флотъ строится въ колонны, переходитъ изъ ордера въ ордеръ, смыкается, распространяется, поражаетъ сопротивника своего ужаснымъ громомъ орудій, представляютъ арѣлище поразительное, грозное и величественное. Корабль уподобить можно одушевленному тѣлу, которое то летитъ, то уменьшаетъ бѣгъ свой, и всегда съ такою точностію и благоразуміемъ обращается во всѣ стороны, что сіе огромное и сложное зданіе кажется быть разумнымъ животнымъ. Весьма вѣроятно, что ПЕТРЪ Великій, взирая въ первой разъ на эволюціи большаго Англинскаго флота, въ восторгѣ удивленія сказалъ: „Естьлибъ я не былъ Русскимъ Царемъ, то желалъ бы быть Адмираломъ.“

30-го Сентября, продолжая благополучное плаваніе, пройдя Сардинію, Адмиралъ, призвавъ Капитана нашего къ себѣ на корабль, приказалъ ему итти въ Гибралтаръ за лоцманами до Копенгагена и для узнанія положенія нашего съ Англичанами. Поставивъ всѣ паруса мы скоро ушли изъ виду эскадры. 4-го Октября, ночью встрѣтились мы съ Англинскимъ фрегатомъ Юраліесъ, блокировавшимъ Кароагену. Онъ почелъ насъ за Испанцевъ и былъ готовъ напасть на насъ; но какъ мы успѣли прежде его подойти къ нему подъ

корму, и также будучи готовы къ бою спросили въ одно слово какой націи фрегатъ! другъ или недругъ! то Капитаны наши успѣли въ сіе время хорошенько осмотрѣться. Спускаясь подъ корму Англинскаго фрегата мы проходили его такъ близко, что задѣли его и сломали у себя бомъ утлегаръ. Англинскій Лейтенантъ пріѣзжалъ къ намъ за новостями и съ новостями. Ни тѣ ни другія не очень были пріятны. 4-го Октября, пришли мы въ Гибралтаръ.

Лишь положили якорь, тотчасъ приступили къ исправленію нѣкоторыхъ поврежденій. Ванты, которыя довольно ослабли, были вытянуты; паруса починили. Сіи попеченія Капитана были не безполезны; онѣ предупредили многія бѣды, встрѣтившія насъ въ западномъ океанѣ Въ большемъ числѣ приключеній, коимъ море служитъ позорищемъ, весьма мало находится такихъ, кои можно было бы почесть подлинно неизбѣжными. Если корабль выходя изъ порта снабженъ и исправленъ всѣмъ нужнымъ, то нѣтъ причины опасаться свирѣпства стихій. Въ противномъ же случаѣ, сомнительное положеніе корабля лишаетъ бодрости Капитана, и не смотря на все искуство и стараніе его, корабль гибнетъ и отъ малаго поврежденія, или недостатка.

На другой день съ тремя товарищами я съѣхалъ на берегъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы взойти на вершину Гибралтарской скалы; посмотрѣть не видѣнъ ли нашъ флотъ и полюбоваться отдаленными видами. Мы

зашли въ городъ только на минуту, что бы нанять лошаковъ и купить нѣсколько листовъ Англинскихъ газетъ, которыя теперь одни говорятъ правду и не боясь бранятъ Наполеона. Губернаторскій садъ, съ того времени какъ я его не видалъ, очень распространенъ и украшенъ, виноградъ принялся и кажется деревья также примутся; однакожъ кромѣ Индѣйскихъ фигъ не было ни одного съ плодомъ. Путешествіе наше было не удачно; около полдня поднялся вѣтръ, пошелъ дождь и гора покрылась густымъ туманомъ. Изрѣдка, когда солнце проглядывало между бѣгущихъ тучъ, показывались вершины Испанскихъ и Африканскихъ горъ. Мы дошли однакожъ до пещеры Св. Михаила; товарищи мои съ факелами спустились въ нее, я остался подъ навѣсомъ скалы. — Подъ ногами моими, на необозримое пространство, океанъ покрытъ былъ бѣлыми волнами, восточный вѣтръ съ такою силою вырывался съ вершины горы, что гналъ по скату ея густыя облака до самой поверхности моря, такъ что фрегатъ нашъ казался мнѣ плавающимъ въ тучахъ. Товарищи мои вышедъ изъ пещеры непремѣнно хотѣли достигнуть вершины, я боясь простудить еще не закрывшіяся мои раны, остался дожидать ихъ въ гротѣ; но они скоро воротились назадъ. Порывомъ вѣтра свалило съ ногъ одного лошака, прочіе заупрямились, не хотѣли итти впередъ и съ охотою пошли назадъ. Подъѣзжая къ

саду, перемѣна въ теплотѣ воздуха сдѣлалась очень чувствительна. Чрезъ нѣсколько минутъ мы перенеслись изъ холоднаго въ умѣренный климатъ; а въ городѣ даже было жарко.

Здѣсь получили мы достовѣрное извѣстіе о взятіи Англичанами Копенгагена и о движеніяхъ французскихъ войскъ, не предвѣщавшихъ ни какого спокойствія. Друзья тишины обманулись обѣщаніями Наполеона. Подъ видомъ возстановленія спокойствія на моряхъ, не имѣя ни одной лодки въ морѣ, Императоръ Французовъ по видимому стремился покорить всю твердую землю. Большая армія собиралась въ то время въ Баіонѣ; другая, будто бы для лишенія Англичанъ выгодъ торговли Португальской, заняла уже Мадритъ. Англинская Министерская газета предвѣщала тогда, что для Европы готовится важное событіе, долженствующее открыть глаза всѣмъ царствующимъ Монархамъ. Въ тоже время какъ Наполеонъ замышлялъ уничтожить Испанскую Монархію, 20 старыхъ Датскихъ кораблей были камнемъ преткновенія Британскаго Министерства. Англинскій флотъ, безъ объявленія войны вошелъ нечаянно въ Зундъ, напалъ и сжегъ Копенгагенъ.

Сія односторонная политика была причиною неудовольствія не только ихъ союзниковъ; но даже всѣхъ праводушныхъ Англичанъ. Мы здѣсь стороною узнали, что Императоръ нашъ первый изъявилъ свое неудовольствіе; но Французской Монитеръ

ясно говоритъ, что война между Россiею и Англiею неизбѣжна. Хотя мы и могли надѣяться, что война для сбереженiя столь важной части нашей морской силы не будетъ объявлена прежде весны; но пропустятъ ли насъ Англичане въ Россiю, и захотятъ ли уважить флагъ вѣрныхъ и всегдашнихъ своихъ союзниковъ, судя по прежнимъ неискреннимъ поступкамъ, весьма было сомнительно. Сiя новость крайне насъ опечалила, и въ семъ положенiи дѣлъ, въ столь позднее время года, когда оставалось не болѣе четырехъ недѣль до закрытiя навигацiи въ Балтiйскомъ морѣ, мы почти не могли имѣть надежды возвратиться въ отечество.

Плаванiе Атлантическимъ океаномъ. — Штормъ.

Капитанъ нашъ былъ принятъ Комендантомъ Гибралтара очень вѣжливо, однакожъ подъ благовиднымъ предлогомъ лоцмановъ не получили. Съѣстныхъ припасовъ также мало могли достать, и то за высокую цѣну. Въ крѣпости, получающей хлѣбъ свой изъ Россiи, картофель и солонину изъ Америки, сарочинское пшено изъ Китая, уголья изъ Англiи, воду и овощи изъ Африки, такая дороговизна неудивительна. 5-го Октября въ 8 часовъ ночи въ проливѣ показалась прекрасно освѣщенная пловущая улица. Это былъ нашъ флотъ. На Адмиральскомъ кораблѣ сдѣ-

ланъ сигналъ показать свои мѣста, и когда въ свою очередь мы зажгли фалшфейеръ (*) намъ приказано держаться соединенно, а ежели на якорѣ, то сняться съ онаго. Небо было пасмурно, ночь отъ того была очень темна. Восточной вѣтръ въ проливѣ былъ довольно свѣжъ, а у Гибралтара, гдѣ мы стояли, совсѣмъ тихо; въ верху же вѣтръ дулъ съ разныхъ сторонъ, такъ что когда мы снялись съ якоря и шли на фордевиндъ, вдругъ всѣ паруса положило на мачты, фрегатъ отъ прибоя волнъ не могши поворотить противъ вѣтра, принужденъ оборотиться по вѣтру и въ семъ движеніи такъ приближился къ берегу, что громъ волнъ разбиваемыхъ на подводныхъ каменьяхъ, привелъ насъ въ трепетъ: бросить якорь на каменистомъ днѣ было бы безполезно, и еслибъ къ щастію вѣтръ вдругъ не заштилѣлъ, и мы въ сіе время не успѣли бы гребными судами отбуксироваться отъ берега, то неминуемо брошены были бы на берегъ. Въ продолженіи четырехъ часовъ, имѣя то попутный, то противный, то сильный, то тихій вѣтръ, какъ въ очарованной чертѣ вертясь на одномъ мѣстѣ, наконецъ вырвались мы изъ подъ скалы, вышли въ проливъ, легли въ дрейфъ, съ большимъ трудомъ подняли шлюпки и поставивъ

(*) Составъ для Фалшфейеровъ есть Руское изобрѣтеніе, недавно принятое и въ Англинскомъ флотѣ, достоинство онаго состоитъ въ томъ, что оный и при сильномъ дождѣ горитъ такъ ярко, что въ 20 верстахъ очень можно его видѣть.

всѣ паруса пустились догонять эскадру. На разсвѣтѣ съ оною соединились.

Сильный благополучный вѣтръ доставлялъ намъ неописанное удовольствіе: расчисляя по настоящему ходу, каждый опредѣлялъ день и часъ, когда можемъ придти въ Ревель; ибо Кронштадтскій рейдъ въ сіе время долженъ уже покрыться льдомъ. Въ то время когда мы предавались радости и твердо уповали, что странствіе наше скоро и благополучно кончится, когда уже мечтали находиться въ отечествѣ, въ то самое время должны были въ полной мѣрѣ испытать, сколь предположенія наши бываютъ тщетны, должны были убѣдиться, что въ морѣ и самые точные математическіе расчеты становятся не вѣрны. На разсвѣтѣ 7-го Октября, всѣ наши радости и надежды изчезли, и все вокругъ насъ перемѣнилось. Восточный вѣтръ стихъ, отъ Сѣвера неслись мрачныя тучи, туманъ спустился до поверхности Океана, тифоны и смерчи, предвѣстники бурныхъ вѣтровъ, явились. Мы съ ними сражались точно какъ съ непріятелями, едва ядрами успѣвали разрывать одинъ, подымались другіе. Къ вечеру того же дня сильный шквалъ отъ сѣвера принудилъ насъ взять рифы и лавировать. Въ продолженіи 27 сутокъ противный вѣтръ дулъ съ равною жестокостію. Первые десять дней лавировали мы близъ мыса Санъ-Винцента, подходя и удаляясь отъ берега; вѣтръ всегда заходилъ и сгонялъ насъ ниже и ниже.

Адмиралъ въ надеждѣ найти другой вѣтръ и избавиться сильнаго противнаго теченія, повелъ эскадру въ открытый океанъ, и тамъ въ 700 верстахъ отъ земли, тотъже противный вѣтръ дулъ съ равною силою. Если иногда на нѣсколько часовъ оный уменшался, то ужасное волненіе было гораздо для насъ скучнѣе, а для кораблей вреднѣе нежели самый крѣпкій вѣтръ.

Корабли въ сраженіяхъ избитые во всѣхъ частяхъ, находившіеся три и четыре года безъ починокъ на службѣ, при истощеніи запасовъ, при столь продолжительныхъ крѣпкихъ вѣтрахъ, были вообще всѣ неисправны, другіе даже ветхи. Мочный сигналомъ увѣдомилъ, что у него повреждена бизань мачта; Рафаилъ, что имѣетъ такое поврежденіе, которое въ морѣ исправить не можетъ. Безпрестанно то на одномъ, то на другомъ кораблѣ рвало паруса, безпрестанно то одинъ то другой перемѣнялъ или стеньгу или рей, словомъ въ продолженіи четырехъ недѣль ужасной качки, едва ли пять шесть дней, возможно было на кухнѣ разводить огонь, и потому не имѣя горячей пищи, не имѣя гдѣ обсушиться, такъ сказать по горло въ водѣ, голодны и холодны, люди наши живучи въ открытой палубѣ, начали болѣть. Капитанъ и всѣ офицеры, не имѣя свѣжей пищи, ни сна ни покою, были болѣе или менѣе не здоровы; словомъ всѣ утомились до крайности, теряли терпѣніе и всѣ были сердиты. Сіе поло-

женіе наше въ сравненіи съ тѣмъ, что испытали въ ночь на 27-е Октября было ничто.

Заключенный въ каютѣ, находящейся въ подводной части фрегата (на кубрикѣ), будучи въ висячей моей постелѣ зашнурованъ, нѣсколько дней оставаясь безъ перевязки, раны мои еще не закрывшіяся, разстроили здоровье и воображенію моему представлялись одни бѣдствія. Не имѣя возможности заняться должностію, которая избавила бы меня отъ печальныхъ мечтаній, я каждый часъ посылалъ справляться, гдѣ мы находимся и при слабомъ свѣтѣ тусклаго фонаря, смотрѣлъ на разложенную предо мною карту. Скуку мою раздѣляли или лучше увеличивали Лѣкарь и другой Офицеръ, также незанятый должностію; они не могли сносить грознаго зрѣлища бурнаго моря и въ каждомъ колебаніи фрегата видѣли отверстый гробъ. Крикъ работающихъ матросовъ, хлопанье парусовъ, скрипъ всѣхъ членовъ, приводилъ ихъ въ отчаяніе. Страхъ одного изъ нихъ увеличивался до того, что будто бы карта наша не вѣрна, что на нашу бѣду, какой либо камень или островъ возникнетъ со дна моря, и мы въ темную ночь на немъ погибнемъ. Другой бояся кита, и думалъ, что сіе животное столь сильно, что можетъ проломить и даже опрокинуть фрегатъ. Товарищи мои, будучи праздными и безполезными свидѣтелями средствъ и усилій, употребляемыхъ для выгоднаго направленія фрегата, не понимая,

что вокругъ нихъ дѣлается, видя во всемъ бѣду, были не иное что, какъ самыя жалкія страдающія существа. Сомнѣваясь во всемъ, заботясь о томъ, что не подлежало ихъ власти и знанію, они ежеминутно трепетали отъ страха умереть здоровыми. Зависимость ихъ отъ воли тѣхъ, которые не имѣли досуга толковать имъ причину каждаго движенія, конечно въ сіе время была для нихъ весьма прискорбна.

25-го Октября Сѣверный вѣтръ началъ стихать, пасмурность прочищаться, волненіе смягчилось. На утро 26-го Октября, показалось солнце; сдѣлалось тихо и подувшій южный вѣтръ обѣщалъ хорошую постоянную погоду. Въ полдень по обсерваціи находились мы въ широтѣ 39 градусахъ, 27 минутъ, въ разстояніи отъ мыса Финистера 154 версты. Попутный вѣтръ постепенно свѣжѣлъ и послѣ полудня эскадра по настоящему пути, на всѣхъ парусахъ шла по 18 верстъ въ часъ. Все предано было забвенію, прошедшее казалось страшнымъ сновидѣніемъ, душа каждаго возрадовалась, скука и неизвѣстность замѣнились надеждою и удовольствіемъ. Какъ къ достиженію въ свои порты время уже прошло, то дабы избѣжать встрѣчи съ Англинскими эскадрами, въ каналѣ крейсирующими, Главнокомандующій рѣшился держать далѣе отъ береговъ, обойти Англію по западную и сѣверную сторону и остановиться зимовать въ одномъ изъ Норвежскихъ портовъ.

Въ три часа по полудни ртуть въ барометрѣ не обыкновеннымъ образомъ понизилась. Южный вѣтръ такъ усилился, что идучи на фордевиндъ корабли несли рифленые марсели. Ясность неба вдругъ померкла, мрачныя тучи сгустились и опустились къ морю. Солнце подобное раскаленному ядру и чернобагровыя по краямъ свѣтлыя облака предвѣщали штормъ и самый жестокій. Въ 4 часа Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ распространить линію, пріуготовиться къ бури и въ ночь тщательно замѣчать движенія его корабля. Солнце скоро изчезло, и въ 5 часовъ дня, наступила ночь непроницаемая. Въ 7 часовъ когда развело большое волненіе, вдругъ Юго-западный съ жестокимъ щкваломъ перемогъ южный вѣтръ, море отъ спорнаго волненія закипѣло и бѣлизна валовъ была единственнымъ свѣтомъ, освѣщавшимъ ужасную темноту. На всѣхъ корабляхъ изорвало паруса. Фрегатъ нашъ идучи въ бакштагъ такъ положило на бокъ, что нижнія реи почти коснулись моря и безъ парусовъ въ одни снасти помчался такъ, что лагъ лопнулъ на 14 узлахъ; по сему мы шли болѣе 25 верстъ въ часъ. Не смотря на темноту вдругъ увидѣли близъ себя корабль; положили право руля, приближились къ другому, положили лѣво на бортъ и чуть не сошлись съ Адмиральскимъ кораблемъ; на немъ горѣло нѣсколько фалшфейеровъ, видно было пламя выходящее изъ жерлъ пушечныхъ, но грома

выстрѣловъ слышно не было. Когда корабль сей опускался съ высоты валовъ, то казался падающимъ прямо на насъ — одно прикосновенie, одинъ мигъ и оба на днѣ. Смятенія нашего въ сей моментъ описать не возможно. Наконецъ обогнавъ Адмиральскій корабль мы вышли на свободу.

Когда буря была во всей силѣ, такъ что не возможно было предполагать перемѣны вѣтра, тогда въ началѣ 9 часа, вдругъ прежній Сѣверо-западный противный вѣтръ нашелъ съ такимъ шкваломъ, что нижніе стаксели изорвало въ клочки; фрегатъ остановленный въ столь быстромъ ходѣ, пошелъ кормою назадъ, мачты затрещали, всѣ члены заскрыпѣли, нѣсколько бимсовъ вдругъ треснули, волна хлынула съ кормы на носъ и подобно рѣкѣ разлилась по палубамъ. По особому счастію фрегатъ спустился по вѣтру безъ дальнаго вреда. Новый вѣтръ дулъ съ такими порывами, что не льзя было поднять ни одного паруса, новое волненіе спираясь съ прежнимъ, произвело такую качку, что ни стоять, ни ходить не державшись за веревки было не возможно. Фрегатъ обоими бортами черпалъ воду, иногда волненіе ходило съ носу на корму, стѣны отошли отъ палубъ, самыя палубы разсѣлись, вода проходя сквозь оныя начала прибывать въ трюмѣ, и не смотря, что всѣ люди обращены были въ помпамъ, нѣсколько времени не убывала. При такомъ ужасномъ волненіи, отъ большаго хода фрегатъ зарывался въ вол-

нахъ такъ, что нижніе пушечные порты были въ водѣ, и при наклоненіи на одну сторону, подвѣтренные руслени, также погружались въ оную. Въ 10 часу вѣтръ еще болѣе усилился, небо загорѣлось молніями, но громовые удары отъ рева вѣтра и шума валовъ почти не были слышны. Небесная сила, вѣтръ и море казалось соединились на наше погубленіе. На одномъ кораблѣ отъ молніи загорѣлась мачта, видъ сей никогда не истребится изъ моей памяти: минута сія казалось была послѣднею. Смерть во всѣхъ видахъ своихъ грозила намъ или потопленіемъ или сожженіемъ; загорѣвшійся корабль скоро въ темнотѣ изчезъ и судьба его угрожала намъ подобною же участью. Ужасное бореніе стихій, привело насъ въ то положеніе, когда уже нѣтъ надежды на спасеніе, фрегатъ заливало волнами, людей отбило отъ работъ и всѣ въ смертельномъ страхѣ, напрягая послѣднія отчаянныя усилія ожидали неминуемой погибели. Но Богъ и во гнѣвѣ своемъ покрылъ насъ щитомъ своего милосердія. Ужасный дождь погасилъ молніи, смягчилъ вѣтръ такъ, что въ одинатцатомъ часу мы могли уже править фрегатъ подъ нижними стакселями. Еслибъ буря, или лучше ураганъ сей продлился до свѣта, то вся эскадра непремѣнно должна была погибнуть.

Случайныя обстоятельства бури сей достойны особаго замѣчанія. 26-го Октября есть день Великомученика Димитрія и день Анге-

ла нашего Главнокомандующаго. Сегоже дня въ Петербургѣ объявлено было о разрывѣ съ Англіею, и въ тоже время, можетъ быть и въ самый тотъ часъ, начался штормъ, принудившій насъ искать убѣжища въ ближайшемъ портѣ. Сія буря спасла для Россіи лучшую часть ея флота. По отчетамъ Лордовъ Адмиралтейства на 1808 годъ видно было, что въ Октябрѣ мѣсяцѣ въ Плимутѣ готова была эскадра, состоящая изъ 14 кораблей, которая буде бы наша эскадра миновала Английскую блокирующую Брестъ, имѣла назначеніе убѣдить или силою привесть насъ въ Англію. Еслибъ попутный вѣтръ продолжился одинъ день, мы должны были бы сражаться съ 20 кораблями Брестской эскадры. Еслибъ при противномъ вѣтрѣ остались въ морѣ еще 3 дни, то не могли бы безъ сраженія войти и въ Лиссабонъ; ибо Сиръ Сидней Смитъ съ эскадрою въ сіе время прибылъ бы уже къ устью Тага, для блокады сей столицы. Положимъ, что намъ, подобно юному Давиду, случилось бы побѣдить гордаго Голіаѳа; положимъ, что мы разбили бы Англичанъ, но гдѣ нашли бы пристанище на зиму? всѣ Порты въ Атлантическомъ и Средиземномъ морѣ блокировались сильными эскадрами. Положеніе наше было самое затруднительное, опасное и что же насъ избавило отъ неминуемой гибели? — Штормъ — Великъ Руской Богъ и судьбы Его неисповѣдимы. Предусмотрительность Адмирала, спасла насъ еще въ Архипелагѣ.

когда Контръ-Адмиралъ Мартенъ салютовалъ ему при положеніи якоря у Тенедоса, Дмитрій Николаевичъ думалъ, что Англичане имѣютъ какое либо намѣреніе, и когда корабль за кораблемъ собралась большая эскадра и наконецъ пришелъ самъ Колингвудъ, Сенявинъ сдѣлался осторожнѣе, и лишь получилъ извѣстіе о Тильзитскомъ мирѣ, тотчасъ подъ видомъ удобнѣйшаго сношенія съ Турками, раздѣлился съ Англинскимъ флотомъ, перешелъ отъ Имбро къ Тенедосу и не медля отправился въ Корфу. Естьлибы мы нѣсколько дней промедлили, то повелѣніе Англинскаго Министерства задержать флотъ нашъ, не смотря на миръ, было бы исполнено.

На разсвѣтѣ 27 Октября, ни одного корабля не было видно. Капитанъ полагая, что эскадра должна быть подъ вѣтромъ, приказалъ спуститься на фордевиндъ, и чрезъ часъ встрѣтились съ Скорымъ, а такъ увидѣли еще два корабля, и скоро послѣ соединились съ Адмираломъ. Не доставало Рафаила и Елены. Неизвѣстность постигнувшей ихъ участи заставляла насъ трепетать о товарищахъ. Каждый корабль подходя къ Твердому увѣдомлялъ сигналомъ о своихъ поврежденіяхъ. Ярославъ давалъ знать, что не можетъ держаться въ морѣ и просилъ позволенія итти въ ближайшій портъ; Селафаилъ не смотря, что вѣтръ довольно стихнулъ, показалъ, что имѣетъ течь по 26 дюймовъ въ часъ; Ретвизанъ поднялъ сигналъ, что у него повреж-

денъ руль и что онъ не можетъ слѣдовать за флотомъ; Сильный потерялъ грота рей и всѣ прочіе корабли имѣли важныя поврежденія; а какъ къ тому противный вѣтръ дулъ съ сильными шквалами, и не предвидѣлось, что бы оный скоро могъ перемѣниться, то Адмиралъ, не смѣя болѣе противиться неумолимой судьбѣ, въ полдень, къ общей всѣхъ радости, приказалъ эскадрѣ спуститься отъ вѣтра и итти въ Лиссабонъ.

28 Октября вѣтръ стихнулъ, но при великой пасмурности дулъ съ той же стороны. 29 въ полдень идучи впереди флота, увидѣли мы берегъ и дали знать о томъ Адмиралу. Къ вечеру открылся Лиссабонскій Рокъ (*), всю ночь подъ рифленными марселями лавировали мы предъ входомъ въ Таго. 30 Октября, не смотря на крѣпкій вѣтръ и сильное волненіе, по сигналу пріѣхали лоцмана, и въ восемь часовъ Адмиралъ повелъ эскадру въ рѣку. Здѣшнія лоцманскія лодки имѣютъ странный видъ. Они покрыты выпуклыми палубами, корма и носъ высокіе, острые и загнутые дугою. Носъ убитъ длинными гвоздями, корма украшена рѣзьбою, представляющею рыбій хвостъ и вся ихъ наружность нѣкоторымъ образомъ походитъ на плещущуюся рыбу. Мачты имѣютъ онѣ никакія, паруса треугольные латинскими называемые. Не смотря на видимое безобразіе, заимствованное, кажется, съ Индѣйскихъ

(*) Сѣверный мысъ при устьѣ Таго.

Видъ Гибралтара отъ Океана

лодокъ, они не только ходятъ легче на парусахъ Дильскихъ и Норвежскихъ лодокъ; но гораздо удобнѣе и покойнѣе на волненіи Английскихъ лоцманскихъ ботовъ.

Лиссабонъ.

Видъ и выгоды Порта.

Густой туманъ, лежавшій на берегахъ, подобно завѣсѣ началъ подниматься, и по мѣрѣ приближенія эскадры къ устью Таго, предметы открывались, множество крѣпостей и самый городъ возникали изъ моря, и лишь прошли первую крѣпость, Санъ Жуліанъ называемую, то вошли въ рѣку, и корабли послѣ 40 дней безпрерывной качки перестали скрыпѣть. Мы остановились у крѣпости Белемъ. Рафаилъ и Елена прибыли сюда 28 числа. На первомъ кораблѣ отъ молніи загорѣлась бизань мачта, однакожъ огонь былъ потушенъ, кормовыя обшивныя доски отстали такъ, что корабль качаясь черпалъ кормою воду. Верхняя палуба отъ многихъ переломившихся подъ нею бимсовъ и кницъ осѣла и корабль отъ сего былъ въ крайней опасности. Не смотря на жестокую качку съ верхняго дека спущено было въ трюмъ 18 пушекъ. Искусный Тимерманъ съ опасностію жизни, успѣлъ обшивныя доски прикрѣпить къ винтранцу и тѣмъ корабль былъ спасенъ. Корабль Елена, также поврежденный, по сигналу Капитана Рафаила, коимъ извѣщалъ онъ, что безъ конвоира до порта дойти не можетъ, сопровождалъ оный

до Лиссабона. Эскадрѣ назначенъ былъ 6 дневный карантинъ, но по представленію Адмирала о необходимости не медля исправить поврежденія корабля Рафаила и другихъ, оный тотъже день былъ снятъ.

На другой же день по приходѣ въ Лиссабонъ, Адмиралъ осматривая корабли къ сожалѣнію увидѣлъ, что вообще вся эскадра требовала необходимыхъ исправленій, безъ чего въ море отправиться было не возможно. Принцъ Регентъ повелѣлъ по требованіямъ нашимъ отпускать изъ Лиссабонскаго Адмиралтейства все нужное. Буря не только повредила корабли, но лишила насъ нѣсколькихъ людей. На одномъ кораблѣ больной Офицеръ былъ выброшенъ изъ койки и убитъ, на другомъ двухъ матрозовъ убило молніею. На третьемъ съ марса сбросила матроза вѣтромъ въ море. Смерть ужасная.

Устье Таго стѣсняется двумя отмѣлями, *Кашопо и Бужія* называемыми. Оныя образуютъ два фарватера; малый находится между крѣпостью Санъ Жуліано и Кашопо; большой между Кашопо и Бужія. На послѣдней построена цитадель, защищающая входъ. Обошедъ Санъ Жуліано, должно держаться праваго, а подходя къ Белемъ лѣваго берега рѣки. Правильные приливы и отливы, перемѣняющіеся чрезъ шесть часовъ, дѣлаютъ Лиссабонскій портъ, имѣющій глубины отъ 10 до 25 саженъ, грунтъ вездѣ илъ, однимъ изъ безопаснѣйшихъ и лучшихъ портовъ въ мірѣ. Приливъ и отливъ спо-

собствуютъ во всякое время входить и выходить изъ рѣки, они же доставляютъ удобность такъ называемымъ шести часовымъ докамъ, въ коихъ корабль во время отлива можетъ быть исправленъ, весьма съ малою издержкою. Въ семъ одномъ отношеніи и самый Констaнтинополь неможетъ сравниться съ Лиссабономъ. При видѣ столь величественной рѣки, которая отъ устья до города на разстояніи 13 верстъ представляетъ заливъ, шириною отъ 4 до 6 верстъ, наполненный линейными кораблями и множествомъ разныхъ формъ купеческихъ судовъ; не льзя не пожалѣть, что наша Нева при всей своей красотѣ, не имѣетъ такихъ удобствъ, какъ Таго. Правый берегъ рѣки представляетъ видъ очаровательный Наономъ видно двѣ крѣпости, множество батарей, домиковъ, садовъ и монастырей. За Белемомъ на семи горахъ, длинный амфитеатръ великолѣпныхъ зданій представляется взору, и Лиссабонъ есть одна изъ столицъ Европейскихъ, которая можетъ похвалиться удобствомъ и красотою мѣстоположенія.

Непріятная новость.

Рука судьбы, сокрушивъ Данію, устремилась на Португалію. Наполеонъ, вызывавшій на бой всѣ народы твердой земли противу зажигателей Копенгагена, въ тоже время рѣшился прибрать къ рукамъ Португалію.

Принцъ Регентъ Португальскій, уступчивостію своею ни чего не выигралъ, и заплативъ Наполеону пять милліоновъ крузадовъ за отеческія его попеченія, принужденъ былъ послѣ того удовлетворить всѣ его требованія, и 20 Октября объявить противу воли и пользъ своихъ войну Англіи, однакожъ и послѣ сего Наполеонъ сыскалъ новую причину для своего намѣренія; войска его подъ видомъ защищенія Лиссабона отъ Англичанъ переступили границу. Португальскій Дворъ, поссорившись съ Англіею, не могъ безъ нее ни защищаться противу Франціи, ни искать убѣжища въ Бразиліи, которая въ семъ случаѣ могла быть легкою добычею для Англіи. Оставалось одно средство,—искать снисхожденія послѣдней и Георгъ великодушно забывъ обиду, подалъ руку помощи Царственной фамиліи, столь необыкновеннымъ образомъ обманутой и притѣсняемой. Дворъ и многія изъ именитыхъ семействъ поспѣшно готовились къ отъѣзду, ожидали съ часу на часъ эскадры Сиднея Смита и транспортовъ для принятія войскъ; но вмѣсто Англинской пришла Руская эскадра. Французскіе шпіоны, обыкновенно предшествующіе своимъ арміямъ, и оставшіеся въ Лиссабонѣ Англичане успѣли распространить непріятные слухи на щетъ прибытія нашего. Дворъ повергнутъ былъ въ новое безпокойство. 3 Ноября Адмиралъ нашъ представлялся Принцу Регенту, объявилъ причину нечаяннаго своего прихода; всѣ сомнѣнія тогда исчезли

и на другой же день послѣ аудіенціи, начали перевозить на Португальскую эскадру, состоявшую изъ 7 кораблей, 3 фрегатовъ и 4 бриговъ, Королевскія сокровища.

Взглядъ на городъ.

Едва позволено было съѣзжать на берегъ, со всѣхъ кораблей шлюпки съ Офицерами пустились къ городу. Толпа любопытныхъ окружила насъ на набережной, пестрота одеждъ и различность лицъ удивляла меня. Мавры, Негры, Бразильцы Креолы, Мулаты и жители обѣихъ Индій въ своихъ нарядахъ, вмѣстѣ съ Португальцами, коихъ Испанскіе плащи, треугольныя шляпы и оливковой цвѣтъ лица, представляли самое необыкновенное разнообразіе. Наружность Лиссабона обѣщаетъ болѣе, нежели онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Всѣ улицы идутъ по скатамъ горъ къ набережной; иныя изъ нихъ широки, другія узки и большею частію кривы. Между горъ улицы подняты на аркахъ, такъ что проходя подъ ними, надъ головами слышенъ стукъ экипажей. Вообще городъ нечистъ, по той причинѣ, что соръ никогда не вывозятъ; ибо первымъ дождемъ безъ труда сноситъ оный въ рѣку. Слѣды ужаснаго землетрясенія, бывшаго 1755 года, въ нѣкоторыхъ частяхъ города еще видны; оные заставляютъ удивляться смѣлости человѣка, который не боясь горящей подъ нимъ земной утробы, на развали-

нахъ и волканическомъ пеплѣ, долженствовавшихъ напоминать ему плачевное происшествіе, воздвигаетъ огромныя, тяжелыя зданія; возноситъ оныя одни надъ другими и въ настоящемъ добрѣ, забываетъ временное зло. Къ сожалѣнію бѣдныя строенія, обращенныя заднимъ фасадомъ къ набережной, отнимаютъ у оной много вида; одна торговая площадь (Prasado Comercio) обстроена единообразными присутственными мѣстами, предъ коими поставленъ бронзовый монументъ Іосифа I, имѣетъ видъ съ рѣки прелестной. Тутъ всегда множество народа. Съ площади на право проходятъ торжественными воротами, украшенными колоннами дорическаго ордена. Въ числѣ публичныхъ зданій и частныхъ домовъ, нѣтъ такихъ, которые обращали бы на себя особенное вниманіе своею наружностію; вообще строенія тяжелой архитектуры со множествомъ балконовъ, высокими желѣзными рѣшетками, загражденныхъ. Всѣ лавки и магазейны наполнены Англинскими товарами, которые по случаю скоро ожидаемыхъ незваныхъ гостей Гг Французовъ, продавались очень дешево. Англинскіе купцы и конторы ихъ, никакъ не могутъ спасти всего своего имущества, ибо недостаточно было бы и 1000 кораблей для перевозу всѣхъ ихъ товаровъ. Англія по сему обстоятельству понесетъ чрезвычайный убытокъ, ибо можно сказать, что Португалія до сего времени была у нее на арендѣ; не только нужное, но даже мѣлочи, все доставляемы были

изъ Англіи. Сколько есть въ Португаліи фабрикъ, почти всѣ изъ нихъ принадлежатъ Англичанамъ, которые, присвоивъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, и всѣ обороты, точно такъ, какъ у насъ въ Польшѣ Евреи, сдѣлались для народа необходимы. Посему судить можно, сколько бѣдные Португальцы должны претерпѣть съ прибытіемъ Французовъ и съ изгнаніемъ Англичанъ.

Соборъ, при всей своей огромности, уцѣлѣвшій отъ землетрясенія, готическою своею наружностію, въ коей нѣтъ ни правильности, ни вкуса, нравится взору; храмъ сей почитается богатѣйшимъ въ Европѣ; сокровища его равняются Ескуріальскимъ. Я видѣлъ много золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и жемчугу, но въ такомъ видѣ, что цѣнности ихъ замѣтить не можно. Въ украшеніяхъ нѣтъ ни разборчивости, ни искусства и все покрыто священною пылью, къ которой кажется не смѣютъ прикасаться. Церковь св. Рока, почитается лучшею въ Лиссабонѣ. Мраморный сей храмъ собранъ въ Римѣ, и послѣ освященія онаго Папою, разобранъ и перевезенъ на корабляхъ въ Лиссабонъ. Церковь сія построена на возвышеніи открытомъ со всѣхъ сторонъ; передній фасадъ, обращенный къ рѣкѣ, украшенный 16 колоннами, а наиболѣе прекрасный куполъ и статуи, поставленныя на крышкѣ портика, отличаютъ церковь, сію отъ всѣхъ зданій Лиссабонскихъ; съ которой бы стороны кто ни приближился къ городу,

храмъ сей первый привлечетъ на себя вниманіе. Вошедъ въ него не возможно не похвалить какъ изящество зодчества, такъ и расположеніе украшеній, но множество серебренныхъ колоннъ, бронзовыхъ, финифтяныхъ украшеній, и золотыхъ унизанныхъ бриліантами ризъ, закрывающихъ живопись, судя по другимъ образамъ, должно думать очень хорошую, затемняютъ величественную и простую красоту храма сего. Снявши излишнія украшенія, открывъ такимъ образомъ живопись и прекрасный мозаикъ, храмъ сей представился бы еще въ лучшемъ видѣ; ибо такое множество драгоцѣнностей излишествомъ своимъ скрываютъ самое въ ней лучшее, и производятъ точно такое впечатлѣніе, какъ бы молодая дѣвица, вмѣсто простаго легкаго бѣлаго платья, вмѣсто одного цвѣтка на груди и одного солитера въ сергахъ, украсила бы себя парчевою робою, съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ въ обѣихъ рукахъ, и обременила бы головной уборъ, руки и шею золотыми цѣпями, бриліантами, жемчужнымъ и вмѣстѣ коралловымъ или янтарнымъ ожерельемъ, словомъ надѣла бы на себя все, что отъ бабушки ей досталось. Въ Лиссабонѣ считается 130 церквей и монастырей, всѣ они вообще готической архитектуры, со сводами, очень темны, ибо окна загорожены толстыми желѣзными рѣшетками, и находятся въ верху, такъ что свѣтъ едва дохо-

дитъ въ низъ. Монахи пользуясь великими преимуществами, очень богаты и живутъ роскошно. Женской монастырь, построенный благочестіемъ нынѣшней Королевы, только одинъ, который можно назвать новѣйшей архитектуры. Въ немъ нѣтъ ни излишества, ни недостатка въ богатыхъ украшеніяхъ; въ большемъ числѣ образовъ хорошей живописи лучше всѣхъ Магдалина. Въ ней видно раскаяніе истинное; глаза отъ слезъ покраснѣвшіе и всѣ черты лица столь вѣрно изображаютъ чувства, охладѣвшія для свѣта и ревностно преданныя Богу, что сомнѣваешься, что бы она когда либо испытала злополучіе страстей. Набожный живоцисецъ желалъ представить святую, а не картину съ изображеніемъ прекрасной женщины въ гóрести и слезахъ, гдѣ прелести лилейной груди, едва прикрытыя растрепанными волосами, гдѣ лице, станъ, руки, даже самое положеніе на одномъ колѣнѣ, показываютъ только причину раскаянія, а не самое раскаяніе. Магдалины, видѣнныя мною въ Палермѣ и Мальтѣ, хотя и почитаются чудомъ искуства, но я поставилъ бы ихъ между картинъ, а сію помѣстилъ бы между образовъ и не усомнился бы возжечь предъ нею свѣчу. Въ воротахъ мнѣ показывали за рѣдкость представленіе чистилища Альфреско. Въ самомъ дѣлѣ изображеніе огня пылающей Геенны, многоразличныя мученія грѣшниковъ, ужасный видъ демоновъ съ острыми собачьими зубами, съ рогами и хвостами, пораждаютъ

ужасъ. Въ вѣчномъ мученіи, гдѣ каждому грѣху назначено особое наказаніе, ищешь своего и нашедъ его трепещешь.

Неожиданная развязка.

Всякой день употребляя часа два на прогулку, я столько узналъ Лиссабонъ, что и теперь не заблудился бы въ немъ. Въ одинъ тихій вечеръ съ двумя товарищами, согласились мы итти въ театръ. Улица, по которой мы шли, была освѣщена; двери, окна вездѣ были отворены; въ одномъ домѣ услышавъ тихую музыку и прелестной женской голосъ, мы остановились, и какъ это случилось возлѣ фонаря, то двѣ дамы, сидѣвшія на балконѣ, насъ замѣтили, встали, одна изъ нихъ что то намъ сказала, потомъ сдѣлала знакъ, чтобы мы вошли. Не желая понять такаго приглашенія, мы пошли прочь и едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ молодой человѣкъ, щеголевато одѣтый, на одной рукѣ державшій плащъ свой, дабы тѣмъ показать, что онъ имѣетъ длинную шпагу, на Италіянскомъ языкѣ, едва для насъ понятномъ, убѣдительно просилъ сдѣлать ему честь посѣщеніемъ. Взглянувъ другъ на друга, мы улыбнулись, согласились и пошли за нимъ. Въ передней комнатѣ весьма неопрятной, къ которой лѣсница была весьма узкая и грязная, встрѣтила насъ старушка съ двумя молодыми брюнетками; потомъ ввели насъ въ боль-

шую комнату, убранную шелковыми обоями, прекрасною мебелью, вся въ зеркалахъ, подъ коими на мраморныхъ столикахъ стояли въ вазахъ цвѣты. Хозяйка посадила насъ на двухъ канапе, дѣвушки безъ всякой застѣнчивости сѣли между нами. Довольные симъ пріемомъ, мы вмѣсто того, чтобы идти въ театръ положили оставаться тутъ часа два. Нъ какая неловкость, досада, мы не могли понимать другъ друга. Кавалеръ говорилъ какимъ то Италіянскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ вмѣшивалъ нѣсколько Англинскихъ исковерканныхъ полусловъ и былъ совершенно невразумителенъ; мы начинали говорить по Французски, по Англински, по Нѣмецки; дамы ломали руки, смѣялись, отвѣчали намъ по Португальски, а можетъ быть и по Китайски; напрасно съ обѣихъ сторонъ трудились, дабы дать себя разумѣть. Наконецъ кавалеръ поговоря съ дамами взялъ шляпу и пошелъ. Старушка за чѣмъ-то вышла, дѣвушки взявъ насъ за руки повели показывать комнаты, тутъ мы говорили имъ всякой вздоръ, онѣ или садились за клавесинъ или показывали на рѣку, на которую окна были обращены; мы удивлялись, не знали что подумать, разсуждали между собою, и хорошо, что онѣ насъ не понимали. Молодой человѣкъ скоро возвратился съ другимъ, съ которымъ мы могли говорить по Англински; тутъ мы узнали, что находимся въ домѣ богатаго купца, торгующаго Бразильскими алмазами, что

молодой человѣкъ, званіемъ Вакаллавръ, сынъ старушки и братъ двухъ дѣвицъ. Намъ подали по сигарѣ, по чашкѣ шеколаду. Мы откланиваясь принуждены были, жалѣя о театрѣ, признаться въ обманчивости нашихъ мечтаній, и въ удивленію узнали, что поступокъ сей ничего больше не означалъ, какъ женское любопытство видѣть иностранцевъ, которыхъ по слуху уважали и узнать отъ нихъ желали, точно ли мы пришли за тѣмъ, что бы убѣдить Принца Регента защищаться противу Французовъ; точно ли, что мы для помощи имъ на 10 корабляхъ привезли 100,000 войска? и проч.

Приходъ нашъ въ Лиссабонъ надѣлалъ много шума. Французскіе Агенты старались пышными обѣщаніями успокоить народъ, сыскать себѣ сообщниковъ и похваляясь тѣснымъ союзомъ Франціи съ Россіею, осмѣлились увѣрять, что Адмиралъ нашъ имѣетъ повелѣніе задержать Португальскій флотъ. Умы были въ волненіи, новости ежечасно перемѣнялись, народъ видя пріуготовленіе къ отъѣзду царской фамиліи, по усердію и преданности къ оной, требовалъ оружія. Правительство всѣми мѣрами старалось предупредить безполезное сіе рвеніе. Принцъ Регентъ былъ очень дѣятеленъ, часто показывался народу, былъ принимаемъ съ кликами радости, толпы провожали его повсюду, при проѣздѣ его чернь становилась на колѣни, многіе падали ницъ, впереди и сзади его кареты часто кричали: останься съ нами, не оставляй

насъ, мы готовы умереть за тебя и отечество. Нещастный Принцъ съ горестнымъ видомъ въ печальномъ молчанiи иногда обращалъ глаза къ небу. Одинъ разъ, несмотря на тѣсноту, мнѣ удалось видѣть сiе умилительное зрѣлище. Принцъ ѣхалъ черезъ площадь, гдѣ войска стояли въ парадѣ, солдаты не умолкно кричали; да здраствуетъ Браганскiй домъ! къ сожалѣнiю Принцъ не остановился, и проѣхалъ въ каретѣ прямо въ домъ Верховнаго Совѣта, гдѣ онъ каждый день занимался дѣлами.

Театръ.

Наружность здѣшняго театра очень походитъ на нашъ каменной въ Петербургѣ, только кажется еще огромнѣйшимъ. Ложи, отдѣленныя однѣ отъ другихъ перегородками, убраны съ расточительною роскошью, вездѣ зеркала, парча и атласъ; каждый абонирующiй погодно убираетъ свою ложу по желанiю и сiя пестрота при освѣщенiи болѣе занимаетъ нежели нравится взору. Италiянская опера всегда здѣсь была изъ отличныхъ талантовъ, балетъ также составлялся изъ Италiянскихъ танцоровъ и танцовщицъ. Я былъ въ нацiональномъ театрѣ, но какъ ничего не понималъ, то ничего и не скажу о любовной интермедiи, гдѣ Арлекинъ и Каролина постоянная его прiятельница на Италiянскомъ театрѣ, подъ другими именами и

здѣсь въ великолѣпной одеждѣ играли первыя роли. Музыка Португальская, согласіемъ и простотою сходствуетъ съ Италіанскою, пляска же, въ коей есть много смѣлыхъ и неприличныхъ даже для театра движеній, показываетъ, что Португальцы въ родствѣ съ Италіанцами, и подобно имъ живутъ подъ жаркимъ небомъ. Народный танецъ называется Фоса, очень живъ, исполненъ сладострастныхъ выраженій; впрочемъ безъ всякой нѣжности и занимчивости, какъ на примѣръ въ пантомимѣ нашей Руской пляски и въ Италіянской Тарантелло. Португальцы страстно любятъ музыку, и каждый тихій вечеръ, на шлюпкахъ, разъѣзжающихъ по рѣкѣ, можно слышать прекрасную духовую музыку, а въ городѣ часто встрѣчаешь партіи молодыхъ и знатныхъ людей, дающихъ подъ окнами своихъ любезныхъ Серенады. Гитара, Мандолина, Флажолета или гобой составляютъ тріо прекраснѣйшее. Сей родъ волокитства въ большемъ здѣсь употребленіи; дамы съ удовольствіемъ слушаютъ сіи нѣжныя пѣсенки, уже давно сочиненныя для всѣхъ родовъ любви, и не стыдясь бросаютъ изъ окна или съ балкона, цвѣтокъ или два, по которымъ модной Селадонъ узнаетъ мысли своей милой.

Водопроводъ.

Время стало пасмурное и дождливое, будучи растроенъ въ здоровьѣ отъ продолжи-

тельнаго бурнаго плаванія я не могъ осмотрѣть всѣ достопамятности Лиссабона; но дождавшись перваго хорошаго дня, я нанялъ за 4 крузада портшезъ, для услугъ одного Италіянца, и приказалъ нести себя къ водопроводу. Ничего не можетъ быть покойнѣе сего рода экипажа, сидишь какъ въ креслахъ, закрытъ отъ дождя и пыли и не чувствуя ни малѣйшей тряски, проѣзжаешь въ часъ около 6 верстъ. Водопроводъ находится недалеко отъ предмѣстія. Какъ рѣка Таго при приливахъ, получаетъ большое количество водъ Океана, то вода ея имѣетъ отъ того морской солоноватой вкусъ и въ употребленіе не годится. Вотъ причина построенія славнаго водопровода, котораго прочность, красота и великолѣпіе не уступаетъ древнимъ Римскимъ и Арабскимъ. Оный воздвигнутъ въ 1748 году въ царствованіе Короля Іоанна V, извѣстнымъ архитекторомъ Майемъ; говорю воздвигнутъ, ибо высота его чрезмѣрна. Представте себѣ каналъ воды, лежащій на аркадахъ вышиною отъ 30 до 38 саженъ. Аркады сіи соединяютъ возвышенія и идутъ чрезъ долину Алкантарскую, со тщаніемъ обработанную, покрытую лимонными и апельсинными садами и виноградниками, въ тѣни которыхъ разбросаны прекрасные загородные домы богачей, не щадившихъ издержекъ. По лѣстницамъ всходятъ на верхъ аркадъ, огражденныхъ красивою желѣзною рѣшеткою. По обѣ стороны канала помостъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора. Въ хоро-

тіе дни сюда пріѣзжаютъ Лиссабонскіе жители для прогулки: видъ прекрасныхъ окрестностей, обширнаго города, величественной рѣки, наполненной тысячами кораблей, приходящихъ и уходящихъ во всѣ концы земнаго шара, и наконецъ видъ необозримаго океана, представляютъ такую картину, что одинъ взглядъ на оную удивляетъ взоръ и воображеніе. Нѣсколько времени стоялъ я на одномъ мѣстѣ, и обращаясь вокругъ вездѣ видѣлъ прелестныя мѣста, облагодѣтельствованныя всѣми дарами природы, зелень была такъ нѣжна какъ у насъ въ Маіѣ мѣсяцѣ, померанцовыя и апельсинныя деревья отцвѣтали, и бывшимъ недавно дождемъ освѣженныя, наполняли воздухъ благоуханіемъ.

Инквизиція.

Проходя площадь, Ропіо (Roscio) называемую, и увидя огромное готическое зданіе съ малыми окнами, загражденными желѣзными рѣшетками, спросилъ я: не городская ли это тюрьма? Святая Инквизиція, отвѣчалъ провожавшій меня Чичероне. Инквизиція! повторилъ я съ ужасомъ, остановился и съ негодованіемъ смотря на строеніе, безмолвно разсуждалъ съ собой: какъ, сей вертепъ жестокаго фанатизма, сіе исчадіе ада, противное кротости Христіанской вѣры, унижающее человѣчество, оскверняющее алтарь Всемилосердаго Творца, еще терпимъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, еще льются слезы невин-

ныхъ? не уже ли и теперь честолюбіе тѣхъ, которые долженствуютъ подавать примѣръ благости и терпѣнія, тѣмъ, которые клялись безкровною молитвою быть посредниками нашихъ слабостей, нашихъ заблужденій, потребны кровавыя жертвы, для закланія во имя Бога. — Содрогаюсь. Вотъ послѣдній въ Европѣ памятникъ лютости варварскаго суевѣрія. Вотъ одинъ предметъ въ Лиссабонѣ, достойный быть истребленнымъ, и первая причина, по которой можно желать скорѣйшаго сюда прибытія Французовъ.

Приговоры Инквизиціоннаго судилища, на коемъ основана была власть духовенства, исторія описала кровавыми чертами; разкроемъ нѣсколько страницъ сего суевѣрнаго періода и пожалѣемъ о милліонахъ мученикахъ, погибшихъ за мнѣніе, не истинной вѣрѣ, а честолюбію духовенства только противное. Когда Папы, воспользовавшись случаями, кои суевѣріе имъ представило, содѣлались могущественнѣйшими свѣтскими Монархами, когда помощію проклятія, безъ войскъ могли весть войну и заключать миръ, когда разрѣшеніемъ клятвъ подданныхъ могли лишать троновъ Царей и по волѣ своей располагать чужимъ достояніемъ; тогда духовенство получило великія преимущества, въ числѣ первыхъ, судъ и расправу какъ духовную такъ и гражданскую. Злоупотребленія сей власти скоро дошли до чрезмѣрности. Папы, подобно Левіину колѣну, взимая десятую часть отъ

всѣхъ доходовъ Христіанскихъ государствъ, безъ труда собрали великія богатства. Всѣ войны, въ тѣ времена бывшія, начинались съ благословеніемъ Папъ именемъ Христовымъ, и посему были самыя непримиримыя и кровопролитнѣйшія. Вотъ почему Кортезъ и Пизарро, покоря Мексику и Перу, истребленіемъ милліоновъ *не Католиковъ* думали угождать Богу и въ оскорбленіе милосердія сего всеблагаго существа, жгли и истребляли Перуанцевъ, приписывая въ честь себѣ то, чему мы теперь ужасаемся. Наконецъ соблазнительное поведеніе духовенства, ихъ жестокость и справедливое желаніе Государей освободиться отъ власти Папъ, предускорило раздѣленіе и преобразованіе западной церкви. Изобрѣтеніе книгопечатанія и реформація, происшедшая въ 1517 году, были дѣятельнѣйшими средствами къ ослабленію власти Папы и духовенства. Для поддержанія сей колеблющейся власти, судилище инквизиціи воспріяло свое начало. Возжглись костры, на коихъ по злобѣ и частному мщенію гибли тысячи и сими ужасами власть духовенства утвердилась. Въ Португаліи оное судилище учреждено при Іоаннѣ III въ 1526 году.

По совершеніи Реформаціи, продолжительныя войны, за вѣру подъемлемыя, повергли Европу въ новую борьбу жестокую и кровопролитную. Нетерпимость вѣръ у Католиковъ и Люшеранъ остались въ равной силѣ. Въ Католическихъ земляхъ, гоненіе другихъ

вѣръ было поручено Инквизиціи и гоненія сіи были ужасны. По единому подозрѣнію, иногда по личному неудовольствію духовнаго съ гражданиномъ, одно слово на счетъ Религіи, а паче въ порицаніе духовенства въ кругу друзей произнесенное, было достаточно, что бы претерпѣть пытку и смерть мучительную. Вѣронеистовство сею тайною духовною расправою до того было возбуждено, что въ Испаніи и Португаліи съ нетерпѣніемъ ожидали дня, въ которой Инквизиція сожигала нѣсколько Евреевъ, въ отмщеніе за смерть Іисуса Христа. Дѣла инквизиціи не подлежали ни какой власти, и потому-то не рѣдко самые Цари трепетали сего тайнаго суда. Нынѣ, по вліянію благотворнаго просвѣщенія, власть инквизиціи ослабѣла, нынѣшній Принцъ Регентъ положилъ ей предѣлы, и судъ сей только печется о сохраненіи и неприкосновенности вѣры.

Мысли и замѣчанія.

Морское путешествіе, при многихъ непріятностяхъ, доставляетъ одно удовольствіе; такъ сказать мгновенно переноситься изъ страны въ страну и въ короткое время ознакомиться съ народами, живущими на противоположенныхъ концахъ земнаго шара, и въ семъ переходѣ мученики любопытства, если смѣю назвать такъ всякаго путешественника, находятъ новую пищу для

своихъ наблюденій. Давно ли мы были въ Греціи, видѣли ея развалины и вдругъ находимся теперь въ столицѣ Португаліи, гдѣ никогда не воображали быть. Видя вездѣ новые обычаи, совершенное различіе какъ въ самой природѣ, такъ въ одеждѣ и нравахъ, мы скоро къ онымъ привыкаемъ, и то, что сначала кажется страннымъ, въ послѣдствіи становится обыкновеннымъ; но ни гдѣ взоръ и мысли мои не поражались такимъ разнообразіемъ какъ въ Лиссабонѣ: мнѣ казалось, что оный населенъ жителями другихъ частей свѣта. Причина сему очевидна; производя торговлю съ Бразиліею и Индіею, Португальцы приняли многіе Азіатскіе обычаи, смѣшали ихъ съ своими, и потому въ образѣ жизни мало сходствуютъ съ Европейцами. Вотъ нѣкоторые изъ оныхъ:

По гористому положенію города, каретъ я видѣлъ мало, вмѣсто ихъ употребляются портшезы весьма богатые, снаружи раззолоченные, внутри обитые бархатомъ или парчею, со стеклами или зелеными занавѣсками; крикъ носильщиковъ и множества слугъ, портшезы окружающихъ, представляетъ нѣчто необыкновенное, нѣчто Азіатское. Здѣшнія женщины, не смотря на оливковой цвѣтъ лица, очень миловидны, статны, имѣютъ прекрасные черные глаза, живой быстрой взглядъ, обнаруживающій чрезмѣрное ихъ желаніе нравиться. Черная тафтяная со многими складками роба, всегдашній и обыкновенный ихъ

нарядъ, къ сожалѣнію лишаетъ ихъ многихъ пріятствъ, къ тому же обременяютъ онѣ себя весьма не къ лицу множествомъ драгоцѣнныхъ камней, перлъ и золотыхъ привѣсокъ. Черные кудри, распущенные по плечамъ, перевиваются лентами и цвѣтами. Когда дамы идутъ прогуливаться, черныя служанки, одѣтыя съ такою же разборчивостію, для защиты отъ солнца съ двухъ сторонъ держатъ надъ головами своихъ барынь, чудной формы зонтики. Дамы здѣшнія очень набожны, они не пропускаютъ ни одной церемоніи, ни одной обѣдни и вечерни, для препровожденія времени переходятъ изъ церкви въ церковь, и такимъ образомъ каждый день имѣютъ случай показать пышность своихъ нарядовъ и похвалиться многочисленною свитою, ихъ сопровождающею. Если они не въ церкви, то сидятъ у окошекъ или на балконахъ. Здѣсь мода возвела Негритянку съ курчавыми шерстяными волосами, съ лоснящимся лицемъ, съ толстыми отвислыми губами, на степень красавицъ. Креолки и Мулатки при маломъ ростѣ весьма стройныя, имѣющія всегда открытую прекрасной формы шею, и нѣжный взглядъ, только временно смѣняютъ Арабокъ. На сію несправедливость бѣдныя Лиссабонки имѣютъ всю причину жаловаться; несправедливо было бы упрекать ихъ въ свободномъ обращеніи, и если въ карнавальные праздники, онѣ позволяютъ себѣ большія вольности, то въ оправданіе

своихъ наблюденій. Давно ли мы
ціи, видѣли ея развалины и в
ся теперь въ столицѣ Порту
когда не воображали быть. В
обычаи, совершенное различіе
природѣ, такъ въ одеждѣ и п
къ онымъ привыкаемъ, и то
жется страннымъ, въ пос
вится обыкновеннымъ; но
мысли мои не поражались т
зіемъ какъ въ Лиссабонѣ:
оный населенъ жителями др
ша. Причина сему очевид
говлю съ Бразиліею и
приняли многіе Азіатс
ихъ съ своими, и пон
мало сходствуютъ съ
которые изъ оныхъ:

По гористому пол
я видѣлъ мало, вмѣсто
портшезы весьма бога
ченные, внутри обиты
чею, со стеклами или
крикъ носильщиковъ и
шезы окружающихъ, пр
обыкновенное, нѣчто А
щины, не смотря на
очень миловидны, ст
сные черные глаза, ж
обнаруживающій чрез
виться. Черная тафтя
ками роба, всегдашній

здѣсь въ великолѣпной одеждѣ играли первыя роли. Музыка Португальская, согласіемъ и простотою сходствуетъ съ Италіанскою, пляска же, въ коей есть много смѣлыхъ и неприличныхъ даже для театра движеній, показываетъ, что Португальцы въ родствѣ съ Италіянцами, и подобно имъ живутъ подъ жаркимъ небомъ. Народный танецъ называется Фосса, очень живъ, исполненъ сладострастныхъ выраженій; впрочемъ безъ всякой нѣжности и заманчивости, какъ на примѣръ въ пантоминѣ нашей Руской пляски и въ Италіянской Тарантелло. Португальцы страстно любятъ музыку, и каждый тихій вечеръ, на шлюпкахъ, разъѣзжающихъ по рѣкѣ, можно слышать прекрасную духовую музыку, а въ городѣ часто встрѣчаешь партіи молодыхъ и знатныхъ людей, дающихъ подъ окнами своихъ любезныхъ Серенады. Гитара, Мандолина, Флажолета или гобой составляютъ тріо прекраснѣйшее. Сей родъ волокитства въ большемъ здѣсь употребленіи; дамы съ удовольствіемъ слушаютъ сіи нѣжныя пѣсенки, уже давно сочиненныя для всѣхъ родовъ любви, и не стыдясь бросаютъ изъ окна или съ балкона, цвѣтокъ или два, по которымъ модной Селадонъ узнаетъ мысли своей милой.

Водопроводъ.

Время стало пасмурное и дождливое, будучи растроенъ въ здоровьѣ отъ продолжи-

тельнаго бурнаго плаванія я не могъ осмотрѣть всѣ достопамятности Лиссабона; но дождавшись перваго хорошаго дня, я нанялъ за 4 крузада портшезъ, для услугъ одного Италіянца, и приказалъ нести себя къ водопроводу. Ничего не можетъ быть покойнѣе сего рода экипажа, сидишь какъ въ креслахъ, закрытъ отъ дождя и пыли и не чувствуя ни малѣйшей тряски, проѣзжаешь въ часъ около 6 верстъ. Водопроводъ находится недалеко отъ предмѣстія. Какъ рѣка Таго при приливахъ, получаетъ большое количество водъ Океана, то вода ея имѣетъ отъ того морской солоноватой вкусъ и въ употребленіе не годится. Вотъ причина построенія славнаго водопровода, котораго прочность, красота и великолѣпіе не уступаетъ древнимъ Римскимъ и Арабскимъ. Оный воздвигнутъ въ 1748 году въ царствованіе Короля Іоанна V, извѣстнымъ архитекторомъ Майемъ; говорю воздвигнутъ, ибо высота его чрезмѣрна. Представте себѣ каналъ воды, лежащій на аркадахъ вышиною отъ 30 до 38 саженъ. Аркады сіи соединяютъ возвышенія и идутъ чрезъ долину Алкантарскую, со тщаніемъ обработанную, покрытую лимонными и апельсинными садами и виноградниками, въ тѣни которыхъ разбросаны прекрасные загородные домы богачей, не щадившихъ издержекъ. По лѣстницамъ всходятъ на верхъ аркадъ, огражденныхъ красивою желѣзною рѣшеткою. По обѣ стороны канала помостъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора. Въ хоро-

тіе дни сюда пріѣзжаютъ Лиссабонскіе жители для прогулки: видъ прекрасныхъ окрестностей, обширнаго города, величественной рѣки, наполненной тысячами кораблей, приходящихъ и уходящихъ во всѣ концы земнаго шара, и наконецъ видъ необозримаго океана, представляютъ такую картину, что одинъ взглядъ на оную удивляетъ взоръ и воображеніе. Нѣсколько времени стоялъ я на одномъ мѣстѣ, и обращаясь вокругъ вездѣ видѣлъ прелестныя мѣста, облагодѣтельствованныя всѣми дарами природы, зелень была такъ нѣжна какъ у насъ въ Маіѣ мѣсяцѣ, померанцовыя и апельсинныя деревья отцвѣтали, и бывшимъ недавно дождемъ освѣженныя, наполняли воздухъ благоуханіемъ.

Инквизиція.

Проходя площадь, Ротіо (Roscio) называемую, и увидя огромное готическое зданіе съ малыми окнами, загражденными желѣзными рѣшетками, спросилъ я: не городская ли это тюрьма? Святая Инквизиція, отвѣчалъ провожавшій меня Чичероне. Инквизиція! повторилъ я съ ужасомъ, остановился и съ негодованіемъ смотря на строеніе, безмолвно разсуждалъ съ собой: какъ, сей вертепъ жестокаго фанатизма, сіе исчадіе ада, противное кротости Христіанской вѣры, унижающее человѣчество, оскверняющее алтарь Всемилосердаго Творца, еще терпимъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, еще льются слезы невин-

ныхъ? не уже ли и теперь честолюбіе тѣхъ, которые долженствуютъ подавать примѣръ благости и терпѣнія, тѣмъ, которые клялись безкровною молитвою быть посредниками нашихъ слабостей, нашихъ заблужденій, потребны кровавыя жертвы, для закланія во имя Бога. — Содрогаюсь. Вотъ послѣдній въ Европѣ памятникъ лютости варварскаго суевѣрія. Вотъ одинъ предметъ въ Лиссабонѣ, достойный быть истребленнымъ, и первая причина, по которой можно желать скорѣйшаго сюда прибытія Французовъ.

Приговоры Инквизиціоннаго судилища, на коемъ основана была власть духовенства, исторія описала кровавыми чертами; разкроемъ нѣсколько страницъ сего суевѣрнаго періода и пожалѣемъ о милліонахъ мученикахъ, погибшихъ за мнѣніе, не истинной вѣрѣ, а честолюбію духовенства только противное. Когда Папы, воспользовавшись случаями, кои суевѣріе имъ представило, содѣлались могущественнѣйшими свѣтскими Монархами, когда помощію проклятія, безъ войскъ могли весть войну и заключать миръ, когда разрѣшеніемъ клятвъ подданныхъ могли лишать троновъ Царей и по волѣ своей располагать чужимъ достояніемъ; тогда духовенство получило великія преимущества, въ числѣ первыхъ, судъ и расправу какъ духовную такъ и гражданскую. Злоупотребленія сей власти скоро дошли до чрезмѣрности. Папы, подобно Левіину колѣну, взимая десятую часть отъ

ужасъ. Въ вѣчномъ мученіи, гдѣ каждому грѣху назначено особое наказаніе, ищешь своего и нашедъ его трепещешь.

Неожиданная развязка.

Всякой день употребляя часа два на прогулку, я столько узналъ Лиссабонъ, что и теперь не заблудился бы въ немъ. Въ одинъ тихій вечеръ съ двумя товарищами, согласились мы итти въ театръ. Улица, по которой мы шли, была освѣщена; двери, окна вездѣ были отворены; въ одномъ домѣ услышавъ тихую музыку и прелестной женской голосъ, мы остановились, и какъ это случилось возлѣ фонаря, то двѣ дамы, сидѣвшія на балконѣ, насъ замѣтили, встали, одна изъ нихъ что то намъ сказала, потомъ сдѣлала знакъ, чтобы мы вошли. Не желая понять такаго приглашенія, мы пошли прочъ и едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ молодой человѣкъ, щеголевато одѣтый, на одной рукѣ державшій плащъ свой, дабы тѣмъ показать, что онъ имѣетъ длинную шпагу, на Италіянскомъ языкѣ, едва для насъ понятномъ, убѣдительно просилъ сдѣлать ему честь посѣщеніемъ. Взглянувъ другъ на друга, мы улыбнулись, согласились и пошли за нимъ. Въ передней комнатѣ весьма неопрятной, къ которой лѣсница была весьма узкая и грязная, встрѣтила насъ старушка съ двумя молодыми брюнетками; потомъ ввели насъ въ боль-

шую комнату, убранную шелковыми обоями, прекрасною мебелью, вся въ зеркалахъ, подъ коими на мраморныхъ столикахъ стояли въ вазахъ цвѣты. Хозяйка посадила насъ на двухъ канапе, дѣвушки безъ всякой застѣнчивости сѣли между нами. Довольные симъ пріемомъ, мы вмѣсто того, чтобы идти въ театръ положили остаться тутъ часа два. Но какая неловкость, досада, мы не могли понимать другъ друга. Кавалеръ говорилъ какимъ то Италіянскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ вмѣшивалъ нѣсколько Англинскихъ исковерканныхъ полусловъ и былъ совершенно невразумителенъ; мы начинали говорить по Французски, по Англински, по Нѣмецки; дамы ломали руки, смѣялись, отвѣчали намъ по Португальски, а можетъ быть и по Китайски; напрасно съ обѣихъ сторонъ трудились, дабы дать себя разумѣть. Наконецъ кавалеръ поговоря съ дамами взялъ шляпу и пошелъ. Старушка за чѣмъ-то вышла, дѣвушки взявъ насъ за руки повели показывать комнаты, тутъ мы говорили имъ всякой вздоръ, онѣ или садились за клавесинъ или показывали на рѣку, на которую окна были обращены; мы удивлялись, не знали что подумать, разсуждали между собою, и хорошо, что онѣ насъ не понимали. Молодой человѣкъ скоро возвратился съ другимъ, съ которымъ мы могли говорить по Англински; тутъ мы узнали, что находимся въ домѣ богатаго купца, торгующаго Бразильскими алмазами, что

молодой человѣкъ, званіемъ Бакалавръ, сынъ старушки и братъ двухъ дѣвицъ. Намъ подали по сигарѣ, по чашкѣ шеколаду. Мы откланиваясь принуждены были, жалѣя о театрѣ, признаться въ обманчивости нашихъ мечтаній, и къ удивленію узнали, что поступокъ сей ничего больше не означалъ, какъ женское любопытство видѣть иностранцевъ, которыхъ по слуху уважали и узнать отъ нихъ желали, точно ли мы пришли за тѣмъ, что бы убѣдить Принца Регента защищаться противу Французовъ; точно ли, что мы для помощи имъ на 10 корабляхъ привезли 100,000 войска? и проч.

Приходъ нашъ въ Лиссабонъ надѣлалъ много шума. Французскіе Агенты старались пышными обѣщаніями успокоить народъ, сыскать себѣ сообщниковъ и похваляясь тѣснымъ союзомъ Франціи съ Россіею, осмѣлились увѣрять, что Адмиралъ нашъ имѣетъ повелѣніе задержать Португальскій флотъ. Умы были въ волненіи, новости ежечасно перемѣнялись, народъ видя пріуготовленіе къ отъѣзду царской фамиліи, по усердію и преданности къ оной, требовалъ оружія. Правительство всѣми мѣрами старалось предупредить безполезное сіе рвеніе. Принцъ Регентъ былъ очень дѣятеленъ, часто показывался народу, былъ принимаемъ съ кликами радости, толпы провожали его повсюду, при проѣздѣ его чернь становилась на колѣни, многіе падали ницъ, впереди и сзади его кареты часто кричали: останься съ нами, не оставляй

насъ, мы готовы умереть за тебя и отечество. Нещастный Принцъ съ горестнымъ видомъ въ печальномъ молчанiи иногда обращалъ глаза къ небу. Одинъ разъ, несмотря на тѣсноту, мнѣ удалось видѣть сiе умилительное зрѣлище. Принцъ ѣхалъ черезъ площадь, гдѣ войска стояли въ парадѣ, солдаты не умолкно кричали; да здраствуетъ Браганскiй домъ! къ сожалѣнiю Принцъ не остановился, и проѣхалъ въ каретѣ прямо въ домъ Верховнаго Совѣта, гдѣ онъ каждый день занимался дѣлами.

Театръ.

Наружность здѣшняго театра очень походитъ на нашъ каменной въ Петербургѣ, только кажется еще огромнѣйшимъ. Ложи, отдѣленныя однѣ отъ другихъ перегородками, убраны съ расточительною роскошью, вездѣ зеркала, парча и атласъ; каждый абонирующiй погодно убираетъ свою ложу по желанiю и сiя пестрота при освѣщенiи болѣе занимаетъ нежели нравится взору. Италiянская опера всегда здѣсь была изъ отличныхъ талантовъ, балетъ также составлялся изъ Италiянскихъ танцоровъ и танцовщицъ. Я былъ въ нацiональномъ театрѣ, но какъ ничего не понималъ, то ничего и не скажу о любовной интермедiи, гдѣ Арлекинъ и Каролина постоянная его прiятельница на Италiянскомъ театрѣ, подъ другими именами и

здѣсь въ великолѣпной одеждѣ играли первыя роли. Музыка Португальская, согласіемъ и простотою сходствуетъ съ Италіанскою, пляска же, въ коей есть много смѣлыхъ и неприличныхъ даже для театра движеній, показываетъ, что Португальцы въ родствѣ съ Италіянцами, и подобно имъ живутъ подъ жаркимъ небомъ. Народный танецъ называется Фосса, очень живъ, исполненъ сладострастныхъ выраженій; впрочемъ безъ всякой нѣжности и заманчивости, какъ на примѣръ въ пантоминѣ нашей Руской пляски и въ Италіянской Тарантелло. Португальцы страстно любятъ музыку, и каждый тихій вечеръ, на шлюпкахъ, разъѣзжающихъ по рѣкѣ, можно слышать прекрасную духовую музыку, а въ городѣ часто встрѣчаешь партіи молодыхъ и знатныхъ людей, дающихъ подъ окнами своихъ любезныхъ Серенады. Гитара, Мандолина, Флажолета или гобой составляютъ тріо прекраснѣйшее. Сей родъ волокитства въ большемъ здѣсь употребленіи; дамы съ удовольствіемъ слушаютъ сіи нѣжныя пѣсенки, уже давно сочиненныя для всѣхъ родовъ любви, и не стыдясь бросаютъ изъ окна или съ балкона, цвѣтокъ или два, по которымъ модной Селадонъ узнаетъ мысли своей милой.

Водопроводъ.

Время стало пасмурное и дождливое, будучи растроенъ въ здоровьѣ отъ продолжи-

тельнаго бурнаго плаванія я не могъ осмотрѣть всѣ достопамятности Лиссабона; но дождавшись перваго хорошаго дня, я нанялъ за 4 крузада портшезъ, для услугъ одного Италіянца, и приказалъ нести себя къ водопроводу. Ничего не можетъ быть покойнѣе сего рода экипажа, сидишь какъ въ креслахъ, закрытъ отъ дождя и пыли и не чувствуя ни малѣйшей тряски, проѣзжаешь въ часъ около 6 верстъ. Водопроводъ находится недалеко отъ предмѣстія. Какъ рѣка Таго при приливахъ, получаетъ большое количество водъ Океана, то вода ея имѣетъ отъ того морской солоноватой вкусъ и въ употребленіе не годится. Вотъ причина построенія славнаго водопровода, котораго прочность, красота и великолѣпіе не уступаетъ древнимъ Римскимъ и Арабскимъ. Оный воздвигнутъ въ 1748 году въ царствованіе Короля Іоанна V, извѣстнымъ архитекторомъ Майемъ; говорю воздвигнутъ, ибо высота его чрезмѣрна. Представте себѣ каналъ воды, лежащій на аркадахъ вышиною отъ 30 до 38 саженъ. Аркады сіи соединяютъ возвышенія и идутъ чрезъ долину Алкантарскую, со тщаніемъ обработанную, покрытую лимонными и апельсинными садами и виноградниками, въ тѣни которыхъ разбросаны прекрасные загородные домы богачей, не щадившихъ издержекъ. По лѣстницамъ всходятъ на верхъ аркадъ, огражденныхъ красивою желѣзною рѣшеткою. По обѣ стороны канала помостъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора. Въ хоро-

тіе дни сюда пріѣзжаютъ Лиссабонскіе жители для прогулки: видъ прекрасныхъ окрестностей, обширнаго города, величественной рѣки, наполненной тысячами кораблей, приходящихъ и уходящихъ во всѣ концы земнаго шара, и наконецъ видъ необозримаго океана, представляютъ такую картину, что одинъ взглядъ на оную удивляетъ взоръ и воображеніе. Нѣсколько времени стоялъ я на одномъ мѣстѣ, и обращаясь вокругъ вездѣ видѣлъ прелестныя мѣста, облагодѣтельствованныя всѣми дарами природы, зелень была такъ нѣжна какъ у насъ въ Маіѣ мѣсяцѣ, померанцовыя и апельсинныя деревья отцвѣтали, и бывшимъ недавно дождемъ освѣженныя, наполняли воздухъ благоуханіемъ.

Инквизиція.

Проходя площадь, Ротіо (Roscio) называемую, и увидя огромное готическое зданіе съ малыми окнами, загражденными желѣзными рѣшетками, спросилъ я: не городская ли это тюрьма? Святая Инквизиція, отвѣчалъ провожавшій меня Чичероне. Инквизиція! повторилъ я съ ужасомъ, остановился и съ негодованіемъ смотря на строеніе, безмолвно разсуждалъ съ собой: какъ, сей вертепъ жестокаго фанатизма, сіе исчадіе ада, противное кротости Христіанской вѣры, унижающее человѣчество, оскверняющее алтарь Всемилосердаго Творца, еще терпимъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, еще льются слезы невин-

ныхъ? не уже ли и теперь честолюбіе тѣхъ, которые долженствуютъ подавать примѣръ благости и терпѣнія, тѣмъ, которые клялись безкровною молитвою быть посредниками нашихъ слабостей, нашихъ заблужденій, потребны кровавыя жертвы, для закланія во имя Бога. — Содрогаюсь. Вотъ послѣдній въ Европѣ памятникъ лютости варварскаго суевѣрія. Вотъ одинъ предметъ въ Лиссабонѣ, достойный быть истребленнымъ, и первая причина, по которой можно желать скорѣйшаго сюда прибытія Французовъ.

Приговоры Инквизиціоннаго судилища, на коемъ основана была власть духовенства, исторія описала кровавыми чертами; разкроемъ нѣсколько страницъ сего суевѣрнаго періода и пожалѣемъ о милліонахъ мученикахъ, погибшихъ за мнѣніе, не истинной вѣрѣ, а честолюбію духовенства только противное. Когда Папы, воспользовавшись случаями, кои суевѣріе имъ представило, содѣлались могущественнѣйшими свѣтскими Монархами, когда помощію проклятія, безъ войскъ могли весть войну и заключать миръ, когда разрѣшеніемъ клятвъ подданныхъ могли лишать троновъ Царей и по волѣ своей располагать чужимъ достояніемъ; тогда духовенство получило великія преимущества, въ числѣ первыхъ, судъ и расправу какъ духовную такъ и гражданскую. Злоупотребленія сей власти скоро дошли до чрезмѣрности. Папы, подобно Левіину колѣну, взимая десятую часть отъ

всѣхъ доходовъ Христіанскихъ государствъ, безъ труда собрали великія богатства. Всѣ войны, въ тѣ времена бывшія, начинались съ благословеніемъ Папъ именемъ Христовымъ, и посему были самыя непримиримыя и кровопролитнѣйшія. Вотъ почему Кортезъ и Пизарро, покоря Мексику и Перу, истребленіемъ милліоновъ *не Католиковъ* думали угождать Богу и въ оскорбленіе милосердія сего всеблагаго существа, жгли и истребляли Перуанцевъ, приписывая въ честь себѣ то, чему мы теперь ужасаемся. Наконецъ соблазнительное поведеніе духовенства, ихъ жестокость и справедливое желаніе Государей освободиться отъ власти Папъ, предускорило раздѣленіе и преобразованіе западной церкви. Изобрѣтеніе книгопечатанія и реформація, происшедшая въ 1517 году, были дѣятельнѣйшими средствами къ ослабленію власти Папы и духовенства. Для поддержанія сей колеблющейся власти, судилище инквизиціи воспріяло свое начало. Возжглись костры, на коихъ по злобѣ и частному мщенію гибли тысячи и сими ужасами власть духовенства утвердилась. Въ Португаліи оное судилище учреждено при Іоаннѣ III въ 1526 году.

По совершеніи Реформаціи, продолжительныя войны, за вѣру подъемлемыя, повергли Европу въ новую борьбу жестокую и кровопролитную. Нетерпимость вѣръ у Католиковъ и Лютеранъ остались въ равной силѣ. Въ Католическихъ земляхъ, гоненіе другихъ

вѣръ было поручено Инквизиціи и гоненія сіи были ужасны. По единому подозрѣнію, иногда по личному неудовольствію духовнаго съ гражданиномъ, одно слово на счетъ Религіи, а паче въ порицаніе духовенства въ кругу друзей произнесенное, было достаточно, что бы претерпѣть пытку и смерть мучительную. Вѣронеистовство сею тайною духовною расправою до того было возбуждено, что въ Испаніи и Португаліи съ нетерпѣніемъ ожидали дня, въ которой Инквизиція сожигала нѣсколько Евреевъ, въ отмщеніе за смерть Іисуса Христа. Дѣла инквизиціи не подлежали ни какой власти, и потому-то не рѣдко самые Цари трепетали сего тайнаго суда. Нынѣ, по вліянію благотворнаго просвѣщенія, власть инквизиціи ослабѣла, нынѣшній Принцъ Регентъ положилъ ей предѣлы, и судъ сей только печется о сохраненіи и неприкосновенности вѣры.

Мысли и замѣчанія.

Морское путешествіе, при многихъ непріятностяхъ, доставляетъ одно удовольствіе; такъ сказать мгновенно переноситься изъ страны въ страну и въ короткое время ознакомиться съ народами, живущими на противоположенныхъ концахъ земнаго шара, и въ семъ переходѣ мученики любопытства, если смѣю назвать такъ всякаго путешественника, находятъ новую пищу для

своихъ наблюденій. Давно ли мы были въ Греціи, видѣли ея развалины и вдругъ находимся теперь въ столицѣ Португаліи, гдѣ никогда не воображали быть. Видя вездѣ новые обычаи, совершенное различіе какъ въ самой природѣ, такъ въ одеждѣ и нравахъ, мы скоро къ онымъ привыкаемъ, и то, что сначала кажется страннымъ, въ послѣдствіи становится обыкновеннымъ; но ни гдѣ взоръ и мысли мои не поражались такимъ разнообразіемъ какъ въ Лиссабонѣ: мнѣ казалось, что оный населенъ жителями другихъ частей свѣта. Причина сему очевидна; производя торговлю съ Бразиліею и Индіею, Португальцы приняли многіе Азіатскіе обычаи, смѣшали ихъ съ своими, и потому въ образѣ жизни мало сходствуютъ съ Европейцами. Вотъ нѣкоторые изъ оныхъ:

По гористому положенію города, каретъ я видѣлъ мало, вмѣсто ихъ употребляются портшезы весьма богатые, снаружи раззолоченные, внутри обитые бархатомъ или парчею, со стеклами или зелеными занавѣсками; крикъ носильщиковъ и множества слугъ, портшезы окружающихъ, представляетъ нѣчто необыкновенное, нѣчто Азіатское. Здѣшнія женщины, не смотря на оливковой цвѣтъ лица, очень миловидны, статны, имѣютъ прекрасные черные глаза, живой быстрой взглядъ, обнаруживающій чрезмѣрное ихъ желаніе нравиться. Черная тафтяная со многими складками роба, всегдашній и обыкновенный ихъ

нарядъ, къ сожалѣнію лишаетъ ихъ многихъ пріятствъ, къ тому же обременяютъ онѣ себя весьма не къ лицу множествомъ драгоцѣнныхъ камней, перлъ и золотыхъ привѣсокъ. Черные кудри, распущенные по плечамъ, перевиваются лентами и цвѣтами. Когда дамы идутъ прогуливаться, черныя служанки, одѣтыя съ такою же разборчивостію, для защиты отъ солнца съ двухъ сторонъ держатъ надъ головами своихъ барынь, чудной формы зонтики. Дамы здѣшнія очень набожны, они не пропускаютъ ни одной церемоніи, ни одной обѣдни и вечерни, для препровожденія времени переходятъ изъ церкви въ церковь, и такимъ образомъ каждый день имѣютъ случай показать пышность своихъ нарядовъ и похвалиться многочисленною свитою, ихъ сопровождающею. Если они не въ церкви, то сидятъ у окошекъ или на балконахъ. Здѣсь мода возвела Негритянку съ курчавыми шерстяными волосами, съ лоснящимся лицемъ, съ толстыми отвислыми губами, на степень красавицъ. Креолки и Мулатки при маломъ ростѣ весьма стройныя, имѣющія всегда открытую прекрасной формы шею, и нѣжный взглядъ, только временно смѣняютъ Арабокъ. На сію несправедливость бѣдныя Лиссабонки имѣютъ всю причину жаловаться; несправедливо было бы упрекать ихъ въ свободномъ обращеніи, и если въ карнавальные праздники, онѣ позволяютъ себѣ большія вольности, то въ оправданіе

ихъ служитъ то, что мужья имѣютъ вкусъ самый испорченный.

Театръ, маскерадъ, прогулка на шлюпкахъ по рѣкѣ и въ садахъ, близь города находящихся, составляютъ любимую забаву большаго свѣта. Богатое дворянство живетъ съ расточительною роскошью, и какъ вездѣ, подражаютъ чужимъ обычаямъ. Гордость вельможъ, почитающихъ титла и родословныя превыше всѣхъ достоинствъ, есть источникъ многихъ изящныхъ качествъ, составляющихъ истинное благородство. Гордость сія дѣлаетъ ихъ щедрыми и добродѣтельными. Дворянинъ, даже и купецъ, никогда не позволитъ себѣ низкаго поступка. Иностранецъ, въ другихъ земляхъ всегда долженствующій быть осторожнымъ, здѣсь можетъ имѣть довѣренность къ тому, кто носитъ шпагу. Политическая слабость государства, хотя и сдѣлала Португальцевъ не столь дѣятельными, хотя предпріимчивость ихъ почти утратилась, но духъ ихъ еще не упалъ; они не показываютъ того уничиженія, которое есть послѣдній шагъ къ ничтожеству; напротивъ Португальцы не забыли славу своихъ предковъ, мужество ихъ какъ искра тлѣется подъ пепломъ. И если только раздуть ее, открыть храбрости путь къ чести, то Наполеоновцы не такъ легко съ ними управятся.

Вотъ нѣсколько странныхъ для Европейца обычаевъ: женщины, вмѣсто того, что

бы сѣсть покойно на спину осла, садятся ему на шею. Портной работаетъ въ такомъ положеніи какъ сапожникъ. Парикмахеръ распудреную голову покрываетъ треугольною шляпою, шпагу носитъ въ рукѣ, и имѣетъ двое часовъ или можетъ быть только двѣ цѣпочки. Плащи, которые носятъ и люди низкаго состоянія, придаютъ имъ видъ благородныхъ. Чернь весьма вѣжлива. Португалецъ не пройдетъ мимо дворянина и иностранца, не уступивъ ему правую руку какъ знакъ почтенія, и всякому знакомому, встрѣтившемуся на улицѣ, онъ не упуститъ снять шляпу, поклониться и сказать: „Богъ да сохранитъ тебя на многія лѣта.“ Сидятъ по обычаю Мавровъ поджавъ ноги на крестъ. Нищихъ здѣсь мало и они не такъ докучливы какъ въ Италіи; между ими нѣтъ убійцъ. Португалецъ только обиду мститъ смертію. Поденьщики и вообще весь народъ трудящійся на пристаняхъ Лиссабонскихъ, по виду очень бѣдны, вся ихъ роскошь состоитъ въ табакѣ; кусокъ хлѣба, треска или селедка и немного зелени составляетъ ихъ ежедневную пищу. Сія бѣдность или лучше видъ бѣдности есть добровольная. Народъ, живущій въ жаркомъ климатѣ, гдѣ природа съ избыткомъ расточаетъ дары свои, не чувствуя холода, которой принуждалъ бы его строить теплой домъ и покрывать тѣло свое теплою одеждою, небрежетъ о наружности и носитъ одно платье во всякое время года; по тойже причинѣ съ малымъ тру-

домъ достаетъ пропитаніе, не боится голода, ибо если бы не родился хлѣбъ; то плоды замѣнятъ оный, и лѣсъ представляетъ ему всегда готовую пищу. Тамъ находитъ онъ питательный каштанъ и многіе другіе плоды. Словомъ здѣсь ни замерзнуть, ни умереть съ голода не возможно, и вотъ кажется источникъ лѣности, вообще всѣхъ народовъ, живущихъ въ плодоносныхъ странахъ Юга. Португальцы почитаютъ отечество своеземнымъ раемъ, а Лиссабонъ чудомъ городовъ, величайшимъ и богатѣйшимъ въ свѣтѣ.

Историческое обозрѣніе Португаліи.

Португалія въ древнія времена извѣстна была подъ именемъ Лузитаніи. Баснословы даютъ ей сіе названіе отъ *Лизаса*, сына Бахусова, который, какъ говорятъ они, завелъ здѣсь поселеніе. Новѣйшее названіе Португаліи происходитъ отъ *Калъ* (Kalle), древняго имени Опорто съ прибавленіемъ *Порта*, то есть гавань, по причинѣ многихъ хорошихъ пристаней, находящихся у береговъ ея. Другіе же имя Португаліи производятъ отъ *Portus-Gallorum*, то есть портъ Галловъ; потому что когда Испанія была во власти Мавровъ, пристани Португальскія были тогда наиболѣе посѣщаемы Галлами. Происхожденіе имени Лиссабона, другіе полагаютъ отъ *Улисса*, который, по разореніи Трои, построилъ будто бы на устьѣ Таго городъ, и назвалъ оный *Улиссипо*. Еще менѣе достовѣрно, что городъ сей назы-

вался *Елисея* (Elysea) отъ Елиса брата Тювала и сына Явана. По древнимъ надписямъ имя его было *Олисипо*, когда же Лузитанія сдѣлалась Римскою колоніею, они назвали его *Фелицитасъ Юлія* (Felicitas Julia).

Португалія вмѣстѣ съ Испанскими провинціями послѣдовала одной судьбѣ. Будучи театромъ кровопролитныхъ браней между Кареагенцами и Римлянами и по паденіи Римской Имперіи, переходя отъ завоевателя къ другому, попеременно видя своими властителями Свевовъ, Алановъ, Визиготовъ и наконецъ Мавровъ, она освобождена отъ ига послѣднихъ Испанскими Государями. Алфонсъ I, Король Леонскій, въ 745 году по Р: Х: покорилъ собственно такъ называемую Португалію, спустя потомъ 300 лѣтъ Фердинандъ Великій, носившій корону Леонскую и Кастильскую, распространилъ сіе завоеваніе до рѣки Монтего. Въ концѣ XI столѣтія Алфонсъ V, отдалъ Португалію въ ленное владѣніе Графу Генриху Бургондскому, Гугона Капета потомку, и съ сего времени Испанія раздѣлилась на два Государства и Португалія навсегда осталась ей чуждою.

Графъ Генрихъ, распространяя предѣлы области своей, успѣлъ сдѣлаться независимымъ, сынъ его Алфонсъ въ 1139 году съ малымъ войскомъ при Урикѣ одержалъ знаменитую побѣду надъ многочисленнымъ ополченіемъ Мавританскимъ; онъ воинами своими на полѣ битвы былъ провозглашенъ Королемъ,

торжественно вѣнчанъ въ Ламего, и не смотря на препятствія отъ Кастиліи, за ежегодную ей дань 4 унціи золота, новому Королю удалось склонить Папу, признать его Государемъ Самодержавнымъ. Потомки Алфонса, царствовавшіе до 1383 года, привели въ устройство Королевство и имѣли уже небольшую морскую силу; изъ нихъ Денисъ I, построилъ многіе города, украсилъ Лиссабонъ, учредилъ военный орденъ Христа, былъ во всѣхъ предпріятіяхъ счастливъ и названъ Отцемъ Отечества. На Фердинандѣ пресѣклась прямая линія и Кастильскій Король предпринялъ покорить Португалію; но Іоаннъ I, Магистръ Ависъ ордена, разбилъ войска его при Лиссабонѣ; на полѣ битвы получилъ скипетръ и сдѣлался родоначальникомъ новаго поколѣнія.

Іоаннъ I, благоразуміемъ и побѣдами вознесъ Португалію на верхнюю степень благоденствія, науки и торговля процвѣтали, войска его взяли Цеуту, флоты открыли Мадеру, острова Азорскіе и нѣкоторую часть западныхъ береговъ Африки. Въ 1480 году при Алфонсѣ V, открыта Гвинея, а при преемникѣ его, Іоаннѣ II, открытъ мысъ Доброй Надежды. Въ царствованіе Емануила Великаго, Васко-де-Гама, обошелъ мысъ Доброй Надежды и нашелъ кратчайшій путь въ Остъ-Индію; Жуанъ Алварецъ де Кабраль, Начальникъ другой эскадры, бурею занесенъ былъ въ Бразилію. Сіи два открытія доставили

Португальцамъ сокровища всемірной торговли, малое государство взошло на степень первой морской державы, мгновенно обогатилось, возвеличилось и усилилось. При Іоаннѣ III, славный Албукеркъ предпріимчивыми и удачными завоеваніями въ Остъ-индіи прославилъ оружіе Португаліи. Въ 1578 году Себастіянъ предпринялъ кресповый походъ противу Мавровъ въ Африку, но былъ убитъ и сраженіе проиграно. Кардиналъ, дядя его, подъ именемъ Генриха II царствовавшій, умеръ въ 1580 году безъ потомства, и симъ второе поколѣніе царствующаго дома пресѣклось.

Могуществу и политикѣ Филиппа II удалось покорить Португалію. Въ теченіи 60 лѣтъ она почиталась Испанскою областію, но Португальцы думали иначе, въ сіе время Англичане и Голланцы отняли у нихъ многія владѣнія въ другихъ частяхъ свѣта. Жестокіе поступки Испанскаго Правительства, возбудили въ Португальцахъ ненависть, и послѣ многихъ усилій подъ предводительствомъ Герцога Браганца, провозглашеннаго Королемъ подъ именемъ Іоанна IV, вспомоществуемые Англіею и Голандіею, возвратили свою независимость и вмѣстѣ всѣ прежнія свои владѣнія, кромѣ Цеуты. Алфонсъ, сынъ Іоанна IV, поссорившись съ женою и братомъ своимъ Петромъ, по повелѣнію Папы принужденъ былъ развестись съ женою и уступить ее вмѣстѣ съ короною Петру. Іосифъ I былъ самый

несчастный и жестокій изъ Королей Португальскихъ. При немъ въ 1755 году Лиссабонъ и все Королевство разорено ужаснымъ землетрясеніемъ. Іезуиты, подозрѣваемые въ заговорѣ противу его жизни, были изгнаны, а имущество ихъ взято въ казну. Всѣ мѣры сего Короля поспѣшно вели къ упадку, могущество и промысли были на самой низкой степени, Королевство подпало въ зависимость Англіи и зло казалось неизлѣчимымъ. Къ счастію Португаліи Маркизъ Помбаль въ качествѣ перваго Министра получилъ неограниченную власть въ правленіи. Помбалъ былъ изъ числа тѣхъ великихъ людей, которые, какъ говоритъ Шиллеръ, вызываютъ на бой свое столѣтіе, которые сражаются не занятымъ, но собственнымъ оружіемъ и всегда одерживаютъ побѣду. Помбаль истребилъ зло въ самомъ источникѣ, возстановилъ достоинство престола, ограничилъ силу вельможъ и духовенства, ослабилъ вліяніе Англіи, возстановилъ внутреннюю промышленность и наконецъ всѣ части привелъ въ устройство; но происки придворныхъ лишили Министра посторонней власти, и многотрудное дѣло, имъ начатое, осталось несовершеннымъ. Въ 1762 году, когда началась война между Испаніею и Англіею, Короли Испанскій и Французскій предложили Королю Португальскому соединиться съ ними и принять ихъ гарнизоны въ свои приморскіе города. Іосифъ объявляетъ имъ войну, Испанцы безъ сопротивленія переступили гра-

ницу, и удовольствовавшись симъ первымъ успѣхомъ, продолжали войну весьма недѣятельно. Франція, ничего не предпринимая, только угрожала вторженіемъ; по сему Графъ Шаумбургъ, командовавшій Португальскою арміею, получивъ въ помощь нѣсколько Англинскихъ баталіоновъ, остановилъ успѣхи Испанцевъ, выгналъ ихъ за границу и спасъ Португалію.

Марія Изабелла, нынѣшняя Королева, дочь Іосифа, принявъ правленіе въ 1777 году, тотчасъ удалила знаменитаго Помбаля, и всѣ полезныя перемѣны, имъ введенныя, скоро были уничтожены; прежнее замѣшательство и бездѣйствіе привели внѣшнія и внутреннія дѣла Португаліи въ непріятное положеніе. По чрезмѣрной набожности Королева впала въ ипохондрію, и въ 1792 году заключилась въ монастырь Мафру, и сдѣлавшись неспособною къ правленію, предалась набожнымъ занятіямъ. Съ сего времени сынъ ея Іоаннъ именемъ матери управляетъ королевствомъ. При начавшейся революціи Принцъ Регентъ, какъ союзникъ Англіи, принималъ малое участіе въ войнѣ противу Франціи, а потомъ Испаніи. По миру, подписанному въ Бадаіосѣ 1801 года, крѣпость Оливенца уступлена Испаніи, а Франціи малая часть Гвіяны. Нынѣ готовится Португаліи послѣдній ударъ, и дворъ, для сохраненія своей независимости, рѣшился исполнить отчаянный совѣтъ, поданный прежде Помбалемъ Королю Іосифу, на всегдашнее пребываніе переѣхать въ Бразилію.

Дѣйствія эскадры Капитанъ-Командора Баратынскаго въ продолженіи 1807 года до прибытія оной въ Портъ-Феррайо.

По отбытіи Главнокомандующаго въ Архипелагъ, Капитанъ-Командоръ И. А. Баратынскій, для блокады Рагузы и Далмаціи занималъ четыре главныя поста: въ каналѣ Каламото, при островахъ Курцало и Брацо и мысѣ Често, такъ что всякое сообщеніе моремъ матераго берега съ островами было пресѣчено. Въ первыхъ числахъ Генваря, Французы высадили на островъ Брацо 2000 человѣкъ, выжгли нѣсколько обывательскихъ домовъ, распространили слухъ, что Мармонтъ предпринимаетъ покорить крѣпость Курцало; но въ концѣ тогоже мѣсяца оставили острова, начали свозить пушки въ Зару и оставя въ прочихъ крѣпостяхъ малые гарнизоны, большую часть войскъ корпуса Генерала Мармонта вывели изъ Далмаціи небольшими отрядами чрезъ Австрійскій Литораль въ Италію. Слухъ носился, что по тайному трактату, Французы сдадутъ Далмацію Австрійцамъ, которыхъ кромѣ 3000 стоявшихъ подъ надзоромъ нашихъ судовъ у острова Жупано, еще 5000 готовились въ Фіумѣ; почему Командоръ взялъ такія мѣры, что Австрійцы, лишась надежды чѣмъ либо воспользоваться, наконецъ послѣ долгаго терпѣнія 4-го Марта отправились съ острова Жупано въ Тріестъ. Жители Далмаціи въ случаѣ отступленія Французовъ

просили помощи и при томъ объявили, что они не примутъ въ землѣ своей никакихъ войскъ кромѣ Россійскихъ.

Командиръ фрегата Автроиля Капитанъ-Лейтенантъ Бизюкинъ, дабы увѣриться, справедливо ли показаніе жителей, что Французы изъ Спалатры перевезли большую часть пушекъ въ Зару, 3 Февраля при способномъ вѣтрѣ спустился вдоль берега, на разстояніи, позволяющемъ осмотрѣть всѣ части укрѣпленій. Когда фрегатъ находился противу города, то при стихнувшемъ вдругъ вѣтрѣ, зыбью приближило оный подъ выстрѣлы. Неприятель открылъ огонь съ двухъ батарей, построенныхъ на мысахъ гавани изъ 6 большаго калибра орудій, двѣ канонерскія лодки также напали на фрегатъ, но скоро были прогнаны. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась часъ съ четвертью, фрегатъ возставшимъ вѣтромъ отошелъ и кромѣ пробитыхъ парусовъ и перебитыхъ снастей, не имѣлъ другихъ поврежденій, раненыхъ щепою были 2 человѣка. Жители, пріѣзжавшіе изъ Спалатры увѣряли, что Французы имѣли 5 убитыхъ и 4 раненыхъ, а на батареи повредило одну пушку.

Старшины Герцоговинскіе, желая избавиться отъ ига Турецкаго, усильно просили помощи. Ст. Сов. Санковскій также въ томъ настаивалъ и поддерживалъ свое требованіе повелѣніемъ Министра иностранныхъ дѣлъ Будберга, въ коемъ сказано всевозможно защи-

щать Славянъ отъ Турокъ. Командоръ, имѣя въ виду предписаніе Главнокомандующаго, не предпринимать никакихъ экспедицій противу Турокъ и Французовъ, а стараться токмо въ принятіи лучшихъ мѣръ для защищенія Каттаро, отъ двухъ столь сильныхъ сосѣдей, не былъ согласенъ съ мнѣніемъ Г. Санковскаго, равно какъ и Полковникъ Книперъ, командовавшій сухопутными войсками въ Каттаро; но на общемъ совѣтѣ, гдѣ присутствовали Митрополитъ, Г. Санковскій, Полковникъ Книперъ и Командоръ, опредѣлено: напасть на Турокъ двумя отдѣленіями. 2 Апрѣля отрядъ регулярныхъ войскъ, состоящій изъ 100 человѣкъ, подъ начальствомъ Подполковника Забѣлина, выступилъ изъ Ризано къ Никшичу, городу не далеко отъ нашей границы лежащему: въ тоже время въ соединеніе съ онымъ подъ начальствомъ Митрополита выступили Черногорскія войска. Отрядъ Бокезцевъ занялъ пограничное мѣстечко Зубцовъ, другой съ 2 ротами регулярныхъ войскъ выступилъ изъ Кастель Ново къ Требиньо, и дѣлалъ видъ нападенія на Рагузу. Командоръ, для отвлеченія вниманія Французовъ, съ двумя кораблями также прибылъ къ Рагузѣ. Экспедиція сія кончилась безъ предполагаемой пользы. Не смотря на запрещеніе Митрополита, Черногорцы едва вступили въ Герцоговину, отогнали скотъ, начали грабить, и даже отымать у жителей оружіе; по сей причинѣ и тѣ немногіе, кои съ охотою соеди-

нялись съ нашимъ регулярнымъ войскомъ, удалились въ крѣпость Никшичъ и готовы былъ обороняться противу насъ. Подполковникъ Забѣлинъ обложивъ крѣпость готовъ былъ ее штурмовать; но за недоставленіемъ Г. Санковскимъ обѣщаннаго провіанта, трое сутокъ оставаясь безъ пищи, и не видя возможности удержать Черногорцевъ въ повиновеніи, сколько о томъ Митрополитъ ни старался, по совѣту его Высокопреосвященства рѣшился отступить въ Черную гору, что не смотря на превосходное число собравшихся Турецкихъ войскъ, конницы и пѣхоты, безпрерывно сражаясь съ небольшею потерею совершилъ щасливо. Турецкія толпы при всей сильлости своей не могли остановить его. Отрядъ Бокезцовъ, подкрѣпленный 2-мя ротами егерей, подъ начальствомъ Подполковника Радуловича, отъ стороны Кастель-Ново доходилъ до Требинью и въ легкихъ стычкахъ отнялъ у Турокъ нѣсколько знаменъ. Бокезцы сохранили порядокъ, сражались мужественно и въ точности выполняли повелѣнія нашихъ Офицеровъ, назначенныхъ для начальствованія ими. Вскорѣ по возвращеніи войскъ въ Каттаро, старшины Герцоговинскіе чрезъ посредство Г. Санковскаго вторично просили о вспомоществованіи имъ противу Турокъ; но какъ не ославивъ защищенія Каттаро, не возможно было для предпріятія, въ успѣхѣ котораго не было бы сомнѣнія, выслать достаточнаго числа регулярныхъ войскъ; ибо отъ Черногорцевъ

кромѣ замѣшательства ожидать помощи было не надежно, то по рѣшенію военнаго Совѣта, по недостаточнымъ доводамъ Г. Санковскаго и сомнѣнію, чтобы Герцоговины могли выставить достаточное число воиновъ для освобожденія ихъ области, въ сей помощи было отказано.

При семъ считаю нужнымъ замѣтить, что здѣсь какъ и во всѣхъ Славянскихъ земляхъ, число воиновъ считается по числу могущихъ несть оружіе, что составляетъ почти цѣлое народонаселеніе; ибо отъ 16 до 60 лѣтъ въ случаѣ нужды всѣ выходятъ въ поле. Отдавая должную справедливость храбрости Славянъ, усердію и преданности ихъ къ Россіи, не безполезно однакожъ имѣть и осторожность, именно ту, чтобы никакъ не полагаться на многочисленность ихъ и на обѣщанія, которыя хотя искренны, но по образу ихъ войны не могутъ быть ими выполнены по слѣдующимъ причинамъ: Славяне никогда не предпринимаютъ дальняго похода и болѣе недѣли, много десяти дней, въ полѣ не остаются. Давъ сраженіе, побѣдивъ непріятеля, предавъ огню селенія, тотчасъ съ добычею они возвращаются домой. Съ регулярными войсками, особенно нашими, мужествомъ ихъ можно воспользоваться; но только на одно сраженіе, ибо послѣ онаго, каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ провизіи или по хозяйственнымъ заботамъ, возвращается домой, рѣдкой кто согласится послѣдовать за арміею далѣе

50 верстъ отъ своего селенія; посему при всей многочисленности сей народной толпы, которая приходитъ и уходитъ по своей волѣ, и которая не терпитъ ни какой подчиненности, малое число регулярныхъ войскъ, въ самомъ нужномъ случаѣ, будучи вдругъ оставлено одно, можетъ подвергнуться крайней опасности и даже послѣ рѣшительной побѣды, чрезъ ихъ храбрость и помощь пріобрѣтенной, не возможно ничѣмъ воспользоваться.

Пребываніе Французовъ въ Далмаціи останется навсегда памятнымъ для несчастнаго народа. Тягостные налоги, конскрипція, остановка торговли, и неимовѣрныя притѣсненія за малѣйшее подозрѣвіе въ преданности къ Рускимъ не могли всѣми ужасами военнаго самовластія унизить духа храбраго народа, мѣра терпѣнія его исполнилась и Славяне поклялись погибнуть или свергнуть тягостное для нихъ иго. Жители отъ Спалатры до Наренто, условились въ одно время напасть на Французовъ, и послали довѣренныхъ особъ въ Курцало просить помощи, увѣряя въ искренемъ и общемъ желаніи всего народа, соединиться наконецъ съ матерью своего Отечества Россіею. Командоръ Баратынскій, не имѣя возможности отдѣлить изъ Катаро и 1000 человѣкъ, не смѣлъ обѣщать много; однакожъ для соображенія мѣръ на мѣстѣ, посадивъ на корабль и два транспорта шесть ротъ егерей, 12 Маія отправился изъ Катаро въ Курцало. На третій день

прибытія Командора въ Курцало. Іеромонахъ Спиридоній, бывшій въ Далмаціи для нужныхъ сношеній съ жителями, увѣдомилъ, что бунтъ уже начался. Пріуготовленія дѣлались съ такою тайностію, что Французы ничего не подозрѣвали; но одинъ случай возжегъ пламя бунта прежде положеннаго срока. Курьеръ, посланный изъ Зары въ Спалатро былъ убитъ. Французы разстрѣляли нѣсколько крестьянъ и зажгли деревню, гдѣ совершено было убійство; пожаръ былъ сигналомъ общаго возстанія, ударили въ набатъ, во первыхъ въ Княжествѣ Полицѣ, и въ три дня знамя возмущенія появилось во всѣхъ мѣстахъ отъ Полицы до Наренто. Патріоты съ бѣшенствомъ напали и малые разсѣянные отряды Французовъ были истреблены на голову. Славяне рѣшившись умереть, никому не давали пощады; но какъ нѣкоторые округи не были готовы, другіе не согласились еще въ мѣрахъ, то дѣятельный Генералъ Мармонтъ успѣлъ собрать войска въ большія крѣпости, потомъ выступилъ изъ оныхъ съ мечемъ мщенія, разстрѣливая попавшихся въ плѣнъ и предавая селенія огню. Патріоты нападали день и ночь, не думали хранить жизнь и имущество; ни погибель многихъ изъ нихъ, ни тактика, ни ожесточеніе Французовъ, не приводили ихъ въ уныніе. Пожары и кровопролитіе были ужасны. Командоръ Баратынскій получа о семъ извѣстіе, удержанъ былъ въ Курцало противными вѣтрами. Народныя толпы, не имѣвшія главнаго

начальники, могущаго предводить ихъ къ опредѣленной цѣли, начали уменшаться, другіе были разсѣяны и Французы заняли по прежнему весь морской берегъ.

22-го Маія Командоръ Баратынскій съ десантными войсками прибылъ въ Брацо, откуда взявъ съ собою фрегатъ Автройль, корвентъ Деракій, катеръ Стрѣлу, бриги Александръ и Лептунъ, перешелъ къ мѣстечку Полицъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Спалатры лежащей. Старшины сего мѣста тотчасъ прибыли на корабль Командора, умоляли способствовать имъ противъ непріятеля. Командоръ, не имѣя достаточнаго при себѣ войска, просилъ ихъ взять терпѣніе; но какъ уже не отъ ихъ зависѣло воли прекратить возмущеніе, то и обѣщалъ имъ возможную помощь и покровительство Государя Императора. При появленіи Россійскихъ кораблей Патріоты ободрились, собрались и 25 Маія съ мужествомъ напали на Французовъ. Какъ сраженіе происходило у морскаго берега, то эскадра снялась съ якоря, приближилась къ оному и сильнымъ картечнымъ огнемъ принудила непріятеля отступить и заключиться въ крѣпость. 26-го, недалеко отъ Спалатры высажено было на берегъ 5 ротъ солдатъ и нѣсколько матрозовъ. Французы скоро явились на высотахъ въ такомъ превосходномъ числѣ съ двухъ сторонъ, что войска наши вмѣстѣ съ 1.500 Далматцевъ возвратились на суда. Хотя непріятель, разсыпавшись въ каменьяхъ,

вознамѣрился препятствовать возвращенію, но поражаемый ядрами и картечью съ близь поставленныхъ судовъ и вооруженныхъ барказовъ, скоро отступилъ съ видимою потерею. 27-го Маія, когда корабль Москва съ остальными войсками, посаженными на 2 транспорта и на 2 корсера, соединился съ эскадрою, Командоръ имѣя въ предметѣ какъ возможно безпокоить непріятеля и ободрять жителей, снялся съ якоря и пошелъ къ югу вдоль берега. Французы опасаясь, дабы мы сдѣлавъ высадку не заняли какого важнаго и крѣпкаго мѣста, принуждены были не смотря на палящій зной и трудность дороги, ведущей чрезъ кремнистыя горы, слѣдовать за кораблями безпрерывно сражаясь съ отрядами Патріотовъ. Командоръ упредивъ марширующаго за нимъ непріятеля, 28-го Маія подошелъ къ Алмисѣ, древней небольшой крѣпости и высадивъ 800 человѣкъ взялъ и захватилъ въ оной нѣсколько Французовъ. 30 числа непріятель занялъ высоты, окружающія крѣпость, поставилъ въ удобномъ мѣстѣ два орудія и напалъ на оную рѣшительно. Бригъ Летунъ, кононерскія лодки и вооруженныя барказы, вошедъ въ устье рѣки, на берегу коей стояла крѣпость, во весь день производили пальбу, войска наши съ свойственнымъ мужествомъ уничтожили всѣ предпріятія превосходнаго въ силахъ непріятеля, который ввечеру еще получилъ помощь, въ 2.000 состоящую. Маіоръ Лазовицкій, командовавшій отря-

домъ, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ, получилъ повелѣніе ночью оставить крѣпость, счастливо обманулъ бдительность Французовъ и съ потерею одного убитаго и двухъ раненыхъ возвратился на суда. Непріятель примѣтилъ движеніе наше только на разсвѣтѣ, бросился къ берегу, но бывъ встрѣченъ картечнымъ огнемъ, съ видимымъ урономъ отступилъ. При семъ случаѣ не льзя не замѣтить отважнаго поступка Мичмана Фад. Тизенгаузена. Онъ еще прежде. занятія крѣпости Алмисы съ однимъ матрозомъ вошелъ въ городъ и встрѣтившись въономъ съ Французскимъ пикетомъ, рѣшительно подошедъ къ командовавшему онымъ Сержанту, уговорилъ его съ 12-ю солдатами отдаться въ плѣнъ. Онъ же при отступленіи изъ Алмисы успѣлъ перевесть на корабль двѣ пушки, а третью заклепалъ, чрезъ что лишилъ непріятеля возможности вредить судамъ нашимъ, стоявшимъ предъ крѣпостью.

31-го Маія тотчасъ по размѣщеніи войскъ, эскадра снялась съ якоря, пошла по вѣтру вдоль берега, производя по Французамъ, спѣшившимъ за кораблями по высотамъ, пальбу. На другой день Командоръ сталъ на якорь у города Макарска; когда же непріятель пришелъ въ оный, то онъ 2-го Іюня перешелъ къ мѣстечку Драшницы, откуда, по прибытіи туда Французовъ, возвратился къ Макарску, гдѣ поставивъ корабли двое сутокъ перепаливались съ одной стороны ружейною пальбою, съ другой

картечнымъ огнемъ. Патріоты сражались въ горахъ и иногда привозили на корабли плѣнныхъ. Командоръ, видя невозможность противустать превосходнымъ силамъ непріятеля, старался убѣдить начальниковъ Патріотовъ, до перемѣны политическихъ обстоятельствъ, воздержаться отъ возмущенія; но они отвѣчали, что и безъ нашей помощи покушаются освободиться отъ Французовъ и подобно Бокезцамъ, повергнуть себя въ вѣрноподданство Россійскаго Императора. 6-го Іюня эскадра идучи отъ Макарека и по прежнему сражаясь съ идущими по берегу Французами, увидѣвъ близь села Тучепи сильную перепалку между Французами и жителями, стала на якорь. Тотчасъ свезены были на берегъ всѣ войска, потерпѣвъ, занявъ высоту и соединясь съ жителями, выгнали непріятеля изъ деревни, и съ выгодою сражались съ нимъ до наступленія темноты. Патріоты безпокоили его во всю ночь. 7-го числа Французы, получа подкрѣпленіе, превосходнымъ числомъ своимъ старались окружить и отрѣзать отрядъ нашъ отъ берега, но оный послѣ 3-хъ часовъ упорнаго сраженія въ порядкѣ отступилъ и подъ прикрытіемъ кораблей сѣлъ на гребныя суда. Не смотря на всѣ усилія Французской храбрости и искусства, наша потеря состояла изъ 10 убитыхъ и 30 раненыхъ; непріятель же отъ огня мѣлкихъ судовъ нашихъ потерялъ несравненно болѣе. При отступленіи, 1.000 человѣкъ жителей съ ихъ семействами приня-

ты на корабли и перевезены на островъ Брацо.

Наконецъ Мармонтъ, утомивъ войска свои безпрерывными маршами, видя силу свою въ половину уменьшенную, опасаясь прибытія большаго числа нашихъ войскъ, перемѣнилъ поведѣніе свое, пересталъ разстрѣливать жителей и жечь ихъ домы, отказался отъ мщенія и обѣщалъ прокламаціями забыть прошедшее. Командоръ, не видя возможности съ малою силою освободить Далмацію, также съ своей стороны старался успокоить жителей, чѣмъ взаимное кровопролитіе остановлено. Отряды Патріотовъ начали возвращаться въ города и деревни, болѣе же упорные переѣхали на острова, нами занимаемые. Симъ окончились военныя дѣйствія въ Далмаціи, которыя хотя и не принесли намъ предполагаемой пользы, но непріятель отъ безпрерывныхъ сраженій въ продолженіи шести недѣль, отъ утомительныхъ маршей, палящаго зноя и недостатка пищи претерпѣлъ столь великій уронъ, что превосходство силъ его было уже неопасно для Катаро, которой сохраненіе проистекло изъ сей экспедиціи. Намѣреніе его напасть на Сербію также было симъ уничтожено; притомъ Французы получили полезный урокъ и съ сего времени сдѣлались снисходительнѣе къ народу.

Мармонтъ, подкрѣпленный войсками, прибывшими изъ Италіи, забылъ обѣщаніе; лучшіе патріоты были растрѣляны, имѣніе ихъ взято въ казну, не многіе спаслись бѣгствомъ

на корабли наши, и прибыли вмѣстѣ съ нами въ Санктпетербургъ. Преданность Далматцевъ заслуживаетъ особенную похвалу. Будучи непріятелями Рускихъ, они полюбили ихъ, и усердіе къ Россіи, не смотря на неблагопріятство случаевъ, было неограниченно и постоянно. Въ сіе бѣдственное для народа время, когда мечтанія быть Рускими неумолимая судьба уничтожила, поэты сирой Далмаціи славили имя АЛЕКСАНДРА, какъ благодѣтеля и покровителя своего; память Рускихъ, толикихъ горестей имъ стоившая, навсегда и для потомковъ ихъ будетъ драгоцѣнна, и наши потомки съ удовольствіемъ узнаютъ, что Царь ихъ врагами былъ обожаемъ, и имя Руское было чтимо всѣми народами.

4-го Іюля сильный отрядъ Французскихъ и Турецкихъ войскъ появился на границѣ Кастель-Ново. Командоръ, не задолго предъ симъ прибывшій изъ Врацо съ войсками, тотчасъ поставилъ два корабля и корветъ для защиты крѣпости, и непріятель ни чего не предпринимая поспѣшно отступилъ. Симъ кончились военныя дѣйствія. 14-го Іюля Генералъ Лористонъ изъ Рагузы извѣстилъ о заключенномъ въ Тильзитѣ мирѣ. 23-го числа фельдъегерь вмѣстѣ съ Французскимъ курьеромъ привезъ Высочайшее повелѣніе, сдать провинцію Боко ди Катаро Французскому начальству, а войска немедленно перевесть въ Венеціанскую область, гдѣ въ Тревизѣ или

Падуѣ имѣютъ оставаться до сдѣланія условія съ Вѣнскимъ Дворомъ о доставленіи имъ прохода чрезъ Австрійскія владѣнія, для соединенія съ арміею Генерала Михельсона, стоявшею въ Молдавіи. Въ слѣдствіе сего тотчасъ по прибытіи Генерала Лористона съ войсками, Кастель-Ново сдана 29-го Іюля; войска наши въ окрестностяхъ стали лагеремъ; 31-го сданы были всѣ прочія крѣпости. 1-го Августа часть войскъ посажена была на корабли и транспорты. Медленность въ пріемѣ крѣпостей и затрудненія въ наймѣ частныхъ судовъ, видимое желаніе Французскаго начальства удержать войска наши сколько можно долѣе, при всей дѣятельности Командора не прежде могли быть приведены къ окончанію, какъ 14-го Августа, котораго числа эскадра и войска отправились въ Венецію. По особому договору, войска наши во все время пребыванія ихъ въ Италіи, долженствовали быть на содержаніи Французскаго Правительства, наши магазейны, артиллерія и другіе запасы въ крѣпостяхъ Каттарскихъ сданы по описи съ оцѣнкою ихъ. Въ числѣ статей, до сдачи Каттаро касающихся, утвержденныхъ Командоромъ, Полковникомъ Книперомъ Ст. Сов. Санковскимъ и Генераломъ Лористономъ, Греческой вѣрѣ обѣщано свободное отправленіе безъ всякаго стѣсненія, также дано слово не преслѣдовать за политическія мнѣнія тѣхъ, кои были преданы Россіи. По особому отношенію Г. Санковскаго Черногорцамъ,

какъ подданнымъ Россійскимъ, обѣщано всякое покровительство въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Катаро, на тѣхъже правахъ, какими они пользовались при Венеціанскомъ и Австрійскомъ Правительствѣ.

Противные вѣтры задержали плаваніе эскадры, и причинили многія поврежденія на транспортныхъ судахъ. Для исправленія, равно и для налитія водою, въ коей по малоимѣнію на наемныхъ судахъ бочекъ, была настоятельная нужда, Командоръ, отправивъ бригъ Летунъ для привозу изъ Венеціи лоцмановъ, остановился 23 Августа у города Пирано, что въ Истріи; куда вскорѣ прибылъ Англинскій фрегатъ Юникнъ, начальникъ котораго Капитанъ Кеннель объявилъ, что онъ, блокируя Венецію, хотя и безсиленъ, но не иначе эскадрѣ нашей войти въоную позволить, какъ только принужденъ къ тому будетъ несильственною мѣрою, каковой поступокъ будетъ оскорбителенъ его Двору. Командоръ Баратынскій, сообразуя сіе объявленіе съ волею Его Императорскаго Величества, что бы при доставленіи войскъ въ Венецію, до полученія новыхъ наставленій, „отнюдь ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать противу Его Величества Короля Великобританскаго," не желая слѣдовать только собственной мысли, приглашалъ на совѣтъ Полковника Книпера и всѣхъ начальниковъ военныхъ судовъ и предложилъ имъ разсмотрѣть объявленіе Англинскаго Капитана. По общему и согласному

заключенію Военнаго Совѣта, признано, что въ сихъ обстоятельствахъ насильный входъ въ Венецію можетъ быть поводомъ къ разрыву съ Англіею, почему Командоръ Баратынскій, перешедъ съ эскадрою въ Тріестъ, отправилъ курьера въ Вѣну къ полномочному Министру Князю Алек. Бор. Куракину, дабы испросить его разрѣшенія, какъ поступить въ столь затруднительномъ обстоятельствѣ. Чрезъ семь дней курьеръ возвратился съ разрѣшеніемъ Министра, чтобы не смотря ни на какія Англинскія суда, итти въ Венецію и наискорѣе исполнить волю Его Императорскаго Величества. 9 Сентября, получивъ удобный вѣтръ, эскадра прибыла ко входу въ Венецію и до мѣлководію въ 10 миляхъ отъ оной стала на якорь. Неблагонадежные транспорты съ фрегатомъ Автроилемъ вошли внутрь Венеціи и оставлены тамъ для починки. По небольшему числу гребныхъ судовъ, присланныхъ отъ Французскаго Правительства, войска перевозили трое сутокъ. Послѣ того Командоръ, въ ожиданіи прибытія оставленныхъ въ Венеціи судовъ, перешелъ къ Пирано, гдѣ на другой день получилъ на бригѣ Бонасорть повелѣніе Главнокомандующаго немедленно слѣдовать въ Корфу. Въ слѣдствіе сего, для предосторожности отъ Англичанъ, и сопровожденія транспортовъ изъ Венеціи въ Корфу, оставленъ фрегатъ Легкой, а эскадра, состоящая изъ трехъ кораблей и брига, 16 Сентября вступила подъ паруса, и 19 числа благополучно прибыла въ Корфу.

Командоръ уже не засталъ Главнокомандующаго въ Корфѣ; а нашелъ повелѣніе немедленно слѣдовать въ Балтійское море, ни подъ какимъ видомъ не заходить въ Англинскіе порты, въ случаѣ же крайней нужды укрываться въ Француускія и другія союзныя намъ гавани. Естьли же не успѣетъ достигнуть Копенгагена, то остановиться зимовать въ одномъ изъ Норвежскихъ портовъ. Корабли Командора не могли въ короткое время исправить важныхъ повреждeній, почему корабли Седель-Вахръ, Уріилъ, фрегаты Легкой и Автроилъ должны были послѣ отправиться подъ начальствомъ Капитана 1 ранга Белли, а остальные два корабля Балтійской эскадры Петръ и Москва оставили Корфу 2 Октября. Проходя Мессину, командующій въ оной расположенными Англинскими войсками Генералъ Муръ (*) прислалъ Офицера предъупредить Командора Барашынскаго, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не заходилъ въ Мессину. Командоръ, не имѣя никакой надобности останавливаться въ семъ мѣстѣ, поручилъ Англинскому Офицеру сказать Генералу Муру, что естьлибъ пожелалъ онъ войти въ Мессину, то конечно не спросилъ бы на то позволенія Англинскаго Генерала. 9 Октября между Сициліею и Сардиніею, жестокій

(*) Тотъ самый, который убитъ въ сраженіи подъ Коруною.

противный вѣтръ въ продолженіи десяти дней принудилъ Командора держаться подъ нижними парусами, наконецъ при великой мрачности сдѣлался штормъ, въ обоихъ корабляхъ открылась течь, нѣсколько бимсовъ треснуло, а мачты уже съ давняго времени поврежденныя оказались ненадежными, и Командоръ имѣлъ туже участь, какую и главная эскадра въ Атлантическомъ Океанѣ, противу воли принужденъ былъ спуститься въ ближайшій дружескій портъ. 17-го Октября прибывъ въ портъ Ферраіо (на островѣ Ельбѣ) Командоръ по осмотрѣ кораблей нашелъ весьма важныя поврежденія, съ коими не возможно было пуститься въ дальнее плаваніе, почему и рѣшился зимовать въ портѣ Ферраіо. Ливорнскій Генеральный Консулъ Каламая, съ крайнимъ прилѣжаніемъ успѣшно снабдилъ корабли провизіею. Ласковое обращеніе и усердныя пособія начальствовавшаго на островѣ Генерала Дерутина, пребываніе на Ельбѣ содѣлало пріятнымъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Командоръ Баратынскій получилъ повелѣніе сдать команду старшему по себѣ Капитану и вскорѣ послѣ возвратился чрезъ Италію и Австрію въ Санктпетербургъ.

Дѣйствія эскадры Капитана 1-го ранга Лелли въ продолженіи 1807 года.

Главнокомандующій предъ отбытіемъ въ Архипелагъ поручилъ защищеніе Іонической

Республики Военному Совѣту, составленному изъ трехъ слѣдующихъ особъ: командующій сухопутными войсками Генералъ-Маіоръ Назимовъ; начальствующій эскадрою, состоящею изъ 2-хъ кораблей и 9-ти мелкихъ судовъ, Капитанъ 1-го ранга Белли, и уполномоченный Министръ при Іонической Республикѣ Дѣйствительный Стат. Совѣтникъ Графъ Моцениго. По опредѣленіямъ сего Совѣта производились всѣ дѣйствія. Али-Паша вскорѣ по отправленіи Адмирала изъ Корфы, собралъ 10.000 войска, вооружилъ шесть судовъ, кои вмѣстѣ съ двумя Французскими корсерами угрожали нападеніемъ на крѣпости Санто-Мавра и Паргу, почему къ устью залива Превезкаго, гдѣ стояла флотилія Али-Паши, отправлены были двѣ корветы и шкуна, въ Паргу перевезена рота Албанцевъ и посланъ шендеръ для защищенія ея съ моря; къ прочимъ Іоническимъ островамъ временно посылались для крейсерства корсеры и малыя военныя суда, которыя наблюдая весь Албанскій берегъ, и сохраняя сообщеніе между островов, лишили Али-Пашу возможности что либо предпринять противу Республики, даже не могъ онъ воспрепятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ къ Корфу. Со стороны Италіи не было опасности; ибо во всей Пуліи, одни жители занимали караулы. Капитанъ 1-го ранга Белли, крейсеровавшій у Отранто, не нашелъ во всей той сторонѣ и одной вооруженной лодки. По полученнымъ вновь свѣденіямъ, что Али-Паша

въ Лепантскомъ заливѣ снова собралъ 20 судовъ и 8.000 войска, вѣроятно для нападенія на Зантъ или Санта-Мавра, Капитанъ 1-го ранга, Белли съ кораблемъ Азіею и фрегатомъ Легкимъ былъ отправленъ туда для истребленія сихъ судовъ. Капитанъ Белли 5-го Маія заходилъ въ Зантъ и взявъ оттуда небольшой корсеръ Ахиллъ, прибылъ къ Патрасу 9-го числа; какъ корабль по мѣлководію не могъ подойти довольно близко, то фрегатъ и корсеръ подошедъ къ крѣпости стали на якорь, открыли огонь и перестрѣливались до вечера, съ нашей стороны весьма исправно, а непріятель отпаливался очень слабо. 12-го Маія Турки поставили противу нашихъ судовъ три большія орудія, но Капитанъ фрегата Легкаго Поваляшинъ снявшись съ якоря сбилъ ее съ видимымъ вредомъ. Въ заливѣ не было никакихъ вооруженныхъ судовъ, кромѣ одного Французскаго корсера и трехъ Полакъ, на которыхъ нагруженъ былъ экипажъ Али-Паши для перевозу вѣроятно въ какое нибудь ближнее мѣсто; оныя суда стояли въ узкомъ заливѣ, укрѣпленномъ съ обѣихъ сторонъ батареями; напасть на нихъ можно было только гребными судами, и то съ крайнею опасностію; ибо непріятель по выгодному положенію будучи совершенно защищенъ, съ обоихъ высокихъ мысовъ могъ бы перебить людей ружейными пулями. По симъ причинамъ Капитанъ Белли, фрегатъ Легкій отослалъ въ Корфу, прося вмѣсто онаго прислать мѣлкихъ судовъ;

но какъ оныхъ не можно было собрать вскорѣ изъ разныхъ мѣстъ, то Капитанъ Белли увидѣвъ, что непріятель разоружилъ сіи 4 судна, и не имѣетъ намѣреніе вредить намъ, получа повелѣніе возвратился въ Корфу. Съ сего времени до полученія извѣстія о Тильзитскомъ мирѣ, Али-Паша, боясь нашего нападенія не думалъ болѣе о предпріятіяхъ, даже не безпокоилъ крѣпость Паргу, которая одна изъ принадлежащихъ Республикѣ находится на Албанскомъ берегу и въ его владѣніи.

19-го Сентября Капитанъ-Командоръ Салтановъ, по назначенію Главнокомандующаго принялъ начальство надъ Черноморскою эскадрою и надъ причисленными къ оной малыми судами Балтійскаго флота. Командоръ остальныя войска, прибывшія съ острова Занта съ надежнымъ конвоемъ 26-го Сентября отправилъ въ Венецію, и потомъ приказалъ всѣмъ судамъ собраться въ Корфѣ, дабы пріуготовиться къ отплытію въ Черное море; но политическія обстоятельства перемѣнились, войска наши по прежнему занимали Молдавію и Валахію, мира съ Турками не послѣдовало, а 30-го Ноября получено извѣстіе о разрывѣ съ Англіею, и вмѣстѣ съ онымъ повелѣніе, эскадрѣ перейти изъ Корфы въ портъ болѣе безопасный. Командоръ какъ для содержанія, такъ и вѣрнѣйшаго сообщенія съ Россіею избралъ Тріестъ и Венецію.

12-го Декабря, эскадра, состоящая изъ 4-хъ кораблей, 3-хъ фрегатовъ, 4 корветъ и 4-хъ бриговъ снялась съ якоря, Командоръ салютовалъ крѣпости изъ 7 пушекъ, но одинъ изъ трехъ Французскихъ фрегатовъ, прибывшихъ изъ Тулона, принялъ салютъ сей на свой щетъ и отвѣчалъ. Командоръ послалъ Офицера къ Генералу Бертье, который тотчасъ приказалъ отвѣчать съ крѣпости равнымъ числомъ. По причинѣ штиля эскадра стала на якорь въ виду Корфы, для дня рожденія Государя разцвѣтилась флагами и съ каждаго корабля палили по 31 выстрѣлу. Ночью городъ великолѣпно былъ освѣщенъ. Корабль Михаилъ, фрегатъ Арминій, 15 призовыхъ транспортовъ и всѣ старыя не способныя къ службѣ суда, оставлены въ Корфѣ подъ начальствомъ Капитана 1-го ранга Лелли. Состояніе эскадры Командора Салтанова, въ случаѣ сраженія съ Англичанами, заставляло всего опасаться; корабли были ветхи, и ни какъ не могли выдержать порядочнаго боя; однакожъ гордые властители морей, какъ думать должно, имѣли повелѣніе уклонятся отъ сраженія; ибо встрѣтившіеся съ нашею эскадрою въ Адріатическомъ морѣ два Англинскіе фрегата, спустя флаги тотчасъ удалились въ противную сторону. Командоръ также спустивъ флаги продолжалъ свой путь. Англичане вообще, особенно морскіе служившіе съ нами въ Архипелагѣ, крайне не довольны были послѣдними поступками своихъ Мини-

стровъ, лишившихъ Англію самаго вѣрнаго и лучшаго союзника. Парламентскія рѣчи наполнены были укоризнами по сему предмету. 28-го Декабря эскадра, состоящая изъ кораблей Параскевіи, Уріила, Сед-ель-бахра и Азіи, фрегатовъ Легкаго и корветы Діомида, прибыла благополучно въ Тріестъ, гдѣ находился уже фрегатъ Михаилъ; другая состоящая изъ фрегата Автроила; корветовъ Дерзкаго, Херсона, Днѣпра; катера Стрѣлы; бриговъ Летуна, Феникса и Александра подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Сальти, вошла въ Венецію.

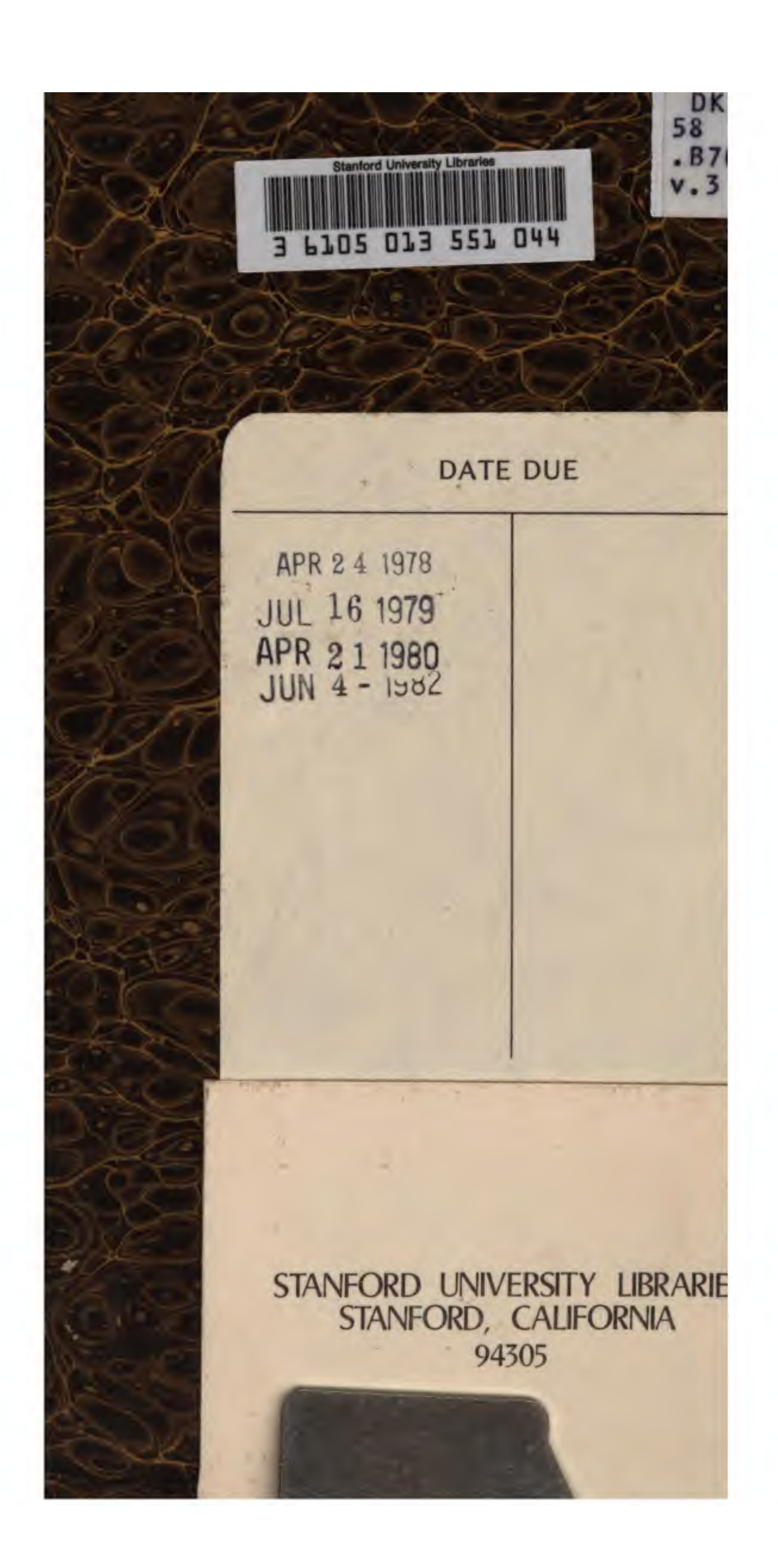
КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ,

заключающей произшествія отъ 10 Февраля 1807 года по 1-е Генваря 1808 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Stanford University Libraries
3 6105 013 551 044
DK
58
.B7
v.3
DATE DUE
APR 24 1978
JUL 16 1979
APR 21 1980
JUN 4 - 1982
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
STANFORD, CALIFORNIA
94305

